

СЕНТЯБРЬ | 2009

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПУТЬ К ХРАМУ:
важен первый шаг

ХРАМ, ПУТЬ, ЛЮДИ

Э

ТОТ НОМЕР В ОСНОВНОМ О ХРАМЕ – НЕ ТОЛЬКО и не столько как об архитектурном сооружении, сколько как о некой модели Вселенной в ее взаимодействии с несовершенным Человеком.

Когда нынче обращаются к духовной жизни тех или иных людей, очень часто употребляют уже ставшее расхожим выражение «дорога к Храму». Интересно бывает узнать, как именно тот или иной человек пришел к Храму, что именно его на это подвигло. Зачастую бывает, что – страдания, беда, непреодолимые трудности. Всякий ли раз дорога к Храму идет через страдания? Наверное, не нам ставить этот вопрос. Но так уж получилось, что именно нам приходится порой, каждому – самому себе, отвечать на него.

Можно ли в нашем современном мире прийти к Храму, не уйдя далеко от этой самой современной жизни, не отказавшись от ее ритма, оставшись частью ее механизмов-шестеренок, а также компромиссов, компромиссов, компромиссов? Кто рискнет дать исчерпывающий ответ, годящийся другим вопрошающим? Но если у каждого своя дорога к Храму, то почему эти дороги и люди не могут сойтись раньше? И сколь искренни они на этом пути? На такой вопрос отважится разве что тот, кто лишь в самом начале пути или сомневается, ступить ли на него. Нужно ли давать ему ответ или пусть ищет сам?

Параллельны ли эти миры, эти вселенные (если принять, что наша обыденная жизнь – тоже вселенная, только именно с маленькой буквы) или все же их возможное пересечение, взаимопроникновение приведет к возникновению в каждой отдельной человеческой душе того самого светлого, чего в ней – в них, в наших душах – сейчас так катастрофически не хватает?

Как много вопросов без ответов. Что в обыденной жизни, что по дороге к Храму – не надейтесь, что на этом пути вы найдете ответы на все свои вопросы. Но вы, по крайней мере, поймете, что многие из бесконечно решаемых (вроде бы) вами вопросов, по сути, были совершенно лишними. ☺

Состав попечительского совета фонда «Русский мир»

ВЕРБИЦКАЯ Людмила Алексеевна

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета [1]

АМВРОСИЙ (ЕРМАКОВ Виталий Анатольевич)

Викарий Санкт-Петербургской епархии, епископ Гатчинский [2]

БОГДАНОВ Сергей Игоревич

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, декан филологического факультета СПбГУ [3]

ДЗАСОХОВ Александр Сергеевич

Член СФ РФ – представитель в СФ РФ от исполнительного органа власти Республики Северная Осетия–Алания [4]

ИТАР-ТАСС

ДОБРОДЕЕВ Олег Борисович

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания» [5]

ИГНАТЕНКО Виталий Никитич

Генеральный директор ИТАР-ТАСС [6]

КОСТОМАРОВ Виталий Григорьевич

Президент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина [7]

ЛАВРОВ Сергей Викторович

Министр иностранных дел Российской Федерации [8]

ЛИПСКЕРОВ Дмитрий Михайлович

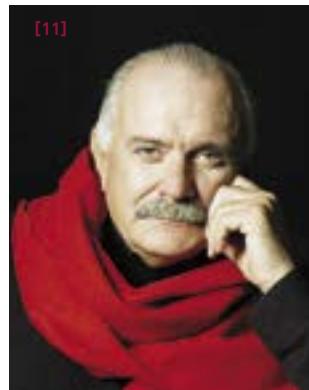
Писатель, ответственный секретарь Ассоциации учащейся молодежи Российского союза молодежи «Содружество» [9]

МИТРОФАНОВА Элеонора Валентиновна

Постоянный представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО [10]

МИХАЛКОВ Никита Сергеевич

Президент Российского фонда культуры [11]

НАРОЧНИЦКАЯ

Наталия Алексеевна

Руководитель Парижского института «Демократии и сотрудничества», президент фонда «Исторические перспективы» [12]

ПОЛЛЫЕВА

Джакан Реджеповна

Помощник президента Российской Федерации [13]

ФУРСЕНКО

Андрей Александрович

Министр образования и науки РФ [14]

ЮРКОВ

Евгений Ефимович

Заместитель генерального секретаря Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, заведующий кафедрой филологического факультета СПбГУ [15]

Состав правления фонда «Русский мир»

НИКОНОВ

Вячеслав Алексеевич

Исполнительный директор правления, президент фондов «Политика», «Единство во имя России» [16]

МОРГУНОВ

Сергей Евдокимович

Первый заместитель исполнительного директора правления фонда «Русский мир» [17]

КАЛИНА

Исаак Иосифович

Заместитель министра образования и науки РФ [18]

ПРОКОФЬЕВ

Павел Алексеевич

Заместитель директора департамента Генерального секретариата МИД РФ [19]

ШАРКОВ

Анатолий Сергеевич

Начальник департамента Референтуры президента РФ [20]

Главная тема

- 06** | Скорая архитектурная помощь
16 | Время читать камни
24 | Вергилий горы Плодской

Русский язык

- 32** | «Белинского и Гоголя с базара так никто и не несет»
36 | В поиске утраченного имени

Диаспора

- 38** | Перекресток между Востоком и Западом

Музеи России

- 44** | Музыка и бремя

Фестиваль

- 52** | Небо в горошек

[44]

[78]

Люди и время

- 58** | Здорово поближе!
- 66** | Материк моей памяти
- 74** | Дистанция
- 78** | Рожденный побеждать

Экскурсия

- 84** | Город фриков

Соотечественники

- 90** | Возьмемся за руки, друзья

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Василий ЖУРАВЛЕВ
Зоя МОЗАЛЕВА
Александр НАУМОВ
Оксана ПРИЛЕПИНА
Александра ПУШКАРЬ
Евгений РЕЗЕПОВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
Александра Бурого

АНОНС ВИХОВ

Саша Каноне

СКОРАЯ АРХИТЕКТУРНАЯ ПОМОЩЬ

АНТОН БЕРКАСОВ

СОЗДАВАЯ ЦЕНТР «СЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ», СВЕТЛАНА Александровна Мельникова четко представляла себе, как должна действовать подобная структура. По принципу Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, где она проработала долгие годы, – на добровольные пожертвования граждан. Но то ли у нас нелады с гражданами, то ли их одних тут недостаточно и нужно еще участие государства, а только механизм этот никак не работает. Мы так и живем среди руин, до которых никому нет дела. Проблема сельских церквей остройшая. 10–15 лет – и мы их лишимся. О гибнущих памятниках и о том, почему их нужно сохранять, «Русскому миру.ру» рассказывает Светлана МЕЛЬНИКОВА. Это даже не интервью. Это – монолог человека, всей душой болеющего за свое дело.

«То, что построено предками, надо уважать»

«Необходимость работы, которую мы сейчас ведем, я поняла давно. В 70-х годах мне пришлось много ездить по провинции. И я обнаружила, что в самой глубине России, посреди бездорожья, посреди полуразрушенных сел, по-прежнему живы огромных размеров храмы и монастыри. Причем эти церкви – невероятной красоты, прекрасной архитектуры – разбиты, за-

Так называют общественную организацию Центр «Сельская церковь». За 20 лет работы она возвратила к жизни более 40 храмов. Не восстановила полностью – на это у организации средств нет. Но реанимировала, не дала рухнуть.

брошены. Некогда в Ивановской области было более 10 монастырей. Их уже нет, но остались шатровые храмы – маленькие, изящные, просто сказка. Сегодня в них запустение. Как-то, войдя в один из них, я увидела надпись на стене. Чертным: «Конец России!» Народ ассоциирует разрушение храмов с концом страны. И это естественно. Потому что страна не может жить полноценно среди руин самых красивых, самых древних сооружений. Не будем говорить о религии. Но любой, например кавказский, народ знает: то, что построено предками, надо уважать. У нас этот мотив отсутствует. В лучшем случае говорят: это храм, надо молиться. Да, но, кроме того, это построено поколениями. Эти люди были невероятно талантливы. Это были высочайшего класса зодчие, мастера, каменщики. Строения XVI, XVII, XVIII веков сохранились превосходно! XIX век уже рушится, а храмы XVIII – стоят! А несравненная живопись! В прошлом году в Тверской области, в Бежецком районе, мы обнаружили несколько храмов, расписанных одной и той же бригадой живописцев. Крестьян, бывших крепостных. Так это просто мировой уровень!

И эти храмы брошены. Нет крыши. Все течет. Штукатурный слой вместе с живописью отваливается. В такой разрухе страна жить не должна. Можно строить коровники и свинарники, но если посреди села стоит разрушенный храм, о чём говорить? Недавно президент Абхазии поздравлял женщину из Южной Осетии, которая после войны восстанавливала там церковь. Он сказал: «Народ, который прежде жилья, прежде больниц, магазинов и школ восстанавливает храм, – непобедим». К сожалению, русский народ это ощущение необходимости сначала душу свою поднимать, а потом все остальное, утратил. Или поставлен в такие условия, что делать этого не может. Конечно, это огромная работа, и для ее выполнения нужны средства. Но ведь мы исповедуем вовсе не реставрацию, тем более парадную, как сейчас принято. Во-первых, это не нужно – некрасиво. Во-вторых, объем работ слишком велик, а сроки сжаты. Сейчас речь идет не о «лечении», а о «реанимации» храмов. По нашим прикидкам, сегодня до 70 процентов

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Согласно официальным данным Московского патриархата, на декабрь 2008 года Русская православная церковь насчитывала:

- 157 епархий,
- 804 монастыря (234 мужских и 244 женских в России, 142 мужских и 153 женских в странах СНГ, 3 мужских и 3 женских – в странах дальнего зарубежья),
- 203 подворья,
- 65 скитов,
- 11 051 воскресную школу.

Общее количество приходов – 29 263.

В указанных цифрах не учитываются 16 мужских и 9 женских обителей Русской православной церкви за границей.

Для сравнения: в 1998 году, в год празднования 1000-летия Крещения Руси, РПЦ насчитывала 67 епархий, 21 монастырь и 6893 прихода.

PHOTOKPRESS

сельских бесхозных церквей погибает. Их надо просто покрыть крышами. Ведь даже там, где есть приходы, очень часто нет крыш. Просто кирпичные своды, которые текут. Пленкой закрывают ту часть церкви, где служат, в результате между кирпичным сводом и пленкой возникает эффект парника, и кирпич активно разрушается».

«Спасите нашу церковь!»

«Минувшей весной мы были в Липецкой области. Там есть церковь в бывшей усадьбе Муромцевых. Огромный храм, красивейшая архитектура – и нет крыши! Внутри сырьо, плохо. Штукатурка обвалилась, живопись утрачена. И подошли бабушки. Одна, невысокая, в плащечке, дергает меня за пальто: «Спасите нашу церковь! Я Родину защищала, всю войну солдатам стирали! У нас в жизни ничего, кроме этой церкви, нету, спасите!» И плачет. Что я ей скажу? На крышу надо полтора миллиона рублей. Для государства это небольшие деньги. Но мы – общественная организация. Мы не можем собрать такую сумму. А в Липецкой епархии находятся более важные нужды. Но в прошлом году, как говорят, Министерство культуры выделило 3 миллиарда рублей на восстановление церквей. Но средства поступают в Епархии, и их явно недостаточно. Вот и не доходит дело до Баженова и бывшей усадебной церкви, которую старая

АНТОН БЕРКАСОВ

женщина, Родину защищавшая и всю войну солдатам стиравшая, оплакивает горько. Вот две большие печали. Гибнет то, что предки построили. И лишены последнего сельские люди, и без того обделенные всем на свете. А представьте то же село с приведенной в порядок церковью... Тепло, светло, лампады горят, народ идет – совершенно другая атмосфера вокруг создается. Не будет депрессивности. Сейчас в сельских районах самое страшное – это общая растерянность, настрой такой, что все погибают. Особенно это заметно в северных областях. В Тверской можно проехать 300–400 километров и не увидеть ни одного распаханного поля. Дай бог, попадется два-три, где хотя бы ксят!

«То, что построено предками, надо уважать. Это были высочайшего класса зодчие, мастера, каменщики. XIX век уже рушится, а храмы XVIII – стоят!»

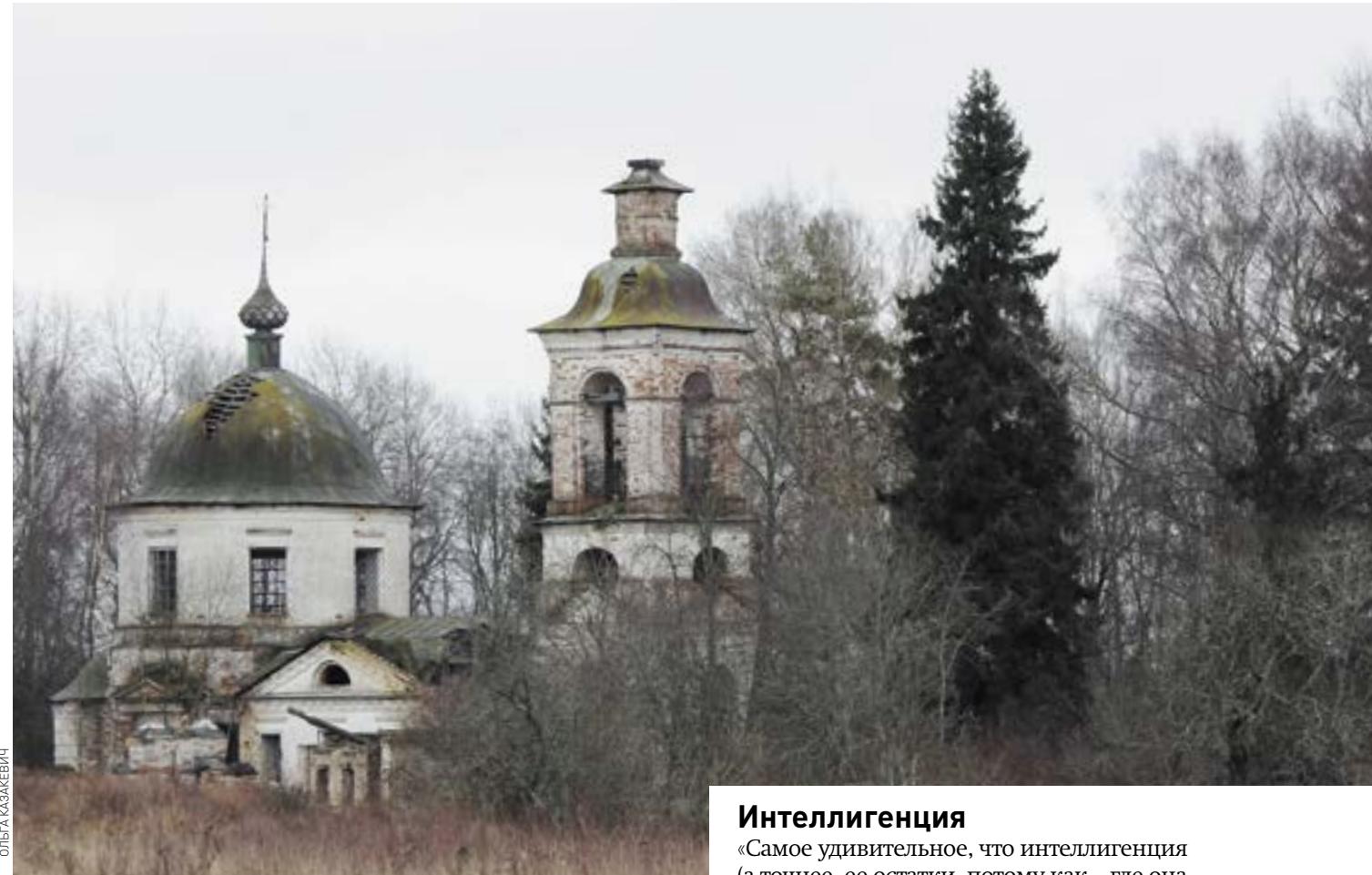
Сельские церкви, как ничто другое в русской культуре, связаны с землей, с народом. Карл Маркс писал: «Крестьянство – это кровь нации». И вот эти остатки крестьянства, остатки нашей крови, которая еще теплится в российской глубинке, надо сохранить. Важнейший вопрос в этом сохранении – восстановление церквей. Усадьбы мы уже не восстановим».

Кадры

«Российская империя была очень хорошо устроена. На всей территории были разбросаны усадьбы – мощные культурные центры, где был помещик с высшим образованием, врач, священник, учитель. Вся страна была покрыта такими центрами. Храмы-то они как строили? Выписывали архитекторов из Петербурга, из Москвы... И прекрасные рабочие! Сейчас нет

KOKOSHIN/EAST NEWS

ОЛЬГА КАЗАЖЕВИЧ

«Народ ассоциирует разруху храмов с концом страны. И это естественно. Потому что страна не может жить полноценно среди руин самых красивых, самых древних сооружений.»

таких рабочих, какие были тогда. Потому что нет навыка владения ремеслом, нет такой культуры производства. Речь не о труде одухотворенном, «благословенном» – это само собой. Но даже руки не те, умения нет. Тем более что сейчас требуют, чтобы рабочий, занятый на реставрации, имел разряд. Иначе не получишь лицензии. А кто сейчас дает разряд и, главное, кто на него учит? И надо искать рабочих старше 50, которые получили разряд в советское время. В Советском Союзе это было распространено по всей территории. В каждой области был крупный реставрационный центр. Сейчас, по-моему, они есть только в Москве и Петербурге. Реставрационная система по всей стране разрушена. Но если бы каждая область взялась за свои сельские территории и хотя бы противоаварийные работы провела, реставрационные службы стали бы появляться. Кровли! Починить кровли и вставить окна – и церковь будет стоять».

Интеллигенция

«Самое удивительное, что интеллигенция (а точнее, ее остатки, потому как – где она теперь?) по-прежнему интересуется памятниками архитектуры. Я обнаружила, что практически в каждом крупном городе есть группа людей, которая занимается сельскими церквями. Есть «Общество любителей древности» в Великом Новгороде, есть в Калужской области, есть в Костромской. Они изучают: ездят, глядят, пишут письма. Иногда берутся восстанавливать и собирают деньги. Я знаю, в Новгородской области восстановили церковь. Не взяла ее у них Патриархия. А священнику зарплату? Нету! Село бедное! В Костромской области есть священник, который меня поразил. Он по специальности строитель, служит в Костроме. Задачу себе поставил: спаси сельские церкви. Денег у него совершенно нет, так он у дороги ставит ящик – сбор пожертвований на погибающий храм. У него болит душа: он видит, какая ценность погибает. И самое главное, это невосстановимо. Если рушатся своды – все!»

Гражданское общество

«До перестройки я работала во Всероссийском обществе охраны памятников. Как оно действовало? Аккумулировало пожертвования и на эти деньги восстанавливало памятники архитектуры. Зарядье все, вокруг гостиницы «Россия» – эти церкви Общество охраны памятников восстанавливали на народные средства. Сейчас оно по-прежнему существует, но очень ослаблено. Потому что больше 20 копеек в год

на охрану памятников школьники не дают. В СССР было массовое членство. Сейчас не плохо бы это восстановить. Почему не вернуть во все школы Общество охраны памятников? Школьники давали бы рубль в год, и так собирались бы средства. Это должно государство помочь. Сами люди организоваться не смогут. Сейчас молодежь брошена, школьники брошены. Рождение гражданского общества у нас принято связывать с перестройкой. Я думаю, в советское время оно у нас было более развито. Не-срав-нен-но. Когда Присцилла Рузвелт приехала в Союз и всех собрали в Музее Пушкина на ее лекцию «Как надо работать общественным организациям», было смешно. Потому что мы выросли в обществе, где были сплошные общественные организации. И мы всю жизнь, с третьего класса, в них работали».

Сколько у нас аварийных памятников культуры

«Всероссийский перечень памятников архитектуры есть. Но какие из них погибают, а какие под крышами – я думаю, такую статистику никто не ведет. Потому что данные ужасают. В каждой отдельной области подобная информация, может быть, и есть. Но не по всей РФ. Нужна ли она нам? Конечно! И мы могли бы этим заняться. Но для этого нужно нанять человека и платить ему зарплату. Нам нечем платить зарплату».

20 НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ НАИМЕНОВАНИЙ (ПОСВЯЩЕНИЙ) ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ

НАИМЕНОВАНИЕ (ПОСВЯЩЕНИЕ)	КОЛИЧЕСТВО (ВСЕГО 8330)	% ОТ ОБЩЕГО КОЛИЧЕСТВА
1 Николая Чудотворца	751	9,02
2 Троицы Живоначальной	484	5,81
3 Покрова Пресвятой Богородицы	400	4,8
4 Успения Пресвятой Богородицы	352	4,23
5 Иконы Божией Матери Казанской	310	3,72
6 Преображения Господня	300	3,6
7 Рождества Пресвятой Богородицы	281	3,37
8 Михаила Архангела	224	2,69
9 Рождества Христова	176	2,11
10 Иоанна Предтечи	166	1,99
11 Георгия Победоносца	165	1,98
12 Илии Пророка	162	1,94
13 Александра Невского	155	1,86
14 Воскресения Христова	148	1,78
15 Сергия Радонежского	144	1,73
16 Вознесения Господня	142	1,7
17 Креста Господня	127	1,52
18 Благовещения Пресвятой Богородицы	125	1,5
19 Иконы Божией Матери Знамение	118	1,42
20 Спаса Нерукотворного Образа	117	1,4

источник: сайт «Храмы России» (<http://www.temples.ru/index.php>).

ОЛЬГА КАЗАКЕВИЧ

«Зачем делать крыши, если мало населения?»

«Я убеждена, противоаварийными работами должно заниматься государство через Министерство культуры. Это профессиональное дело реставраторов. Но сейчас манера объяснять, что это такая святыня, что только Патриархия может иметь к ней отношение. У Патриархии совершенно другие задачи! Патриархия должна служить. Крыши им должны обеспечивать другие люди и другие деньги. И Патриархия с сел собрать на крыши не сможет! Там нищее население (если оно есть), пожилое. Это невозможно – собрать с прихода. Потому что, как мы прикинули, от 2 до 5 миллионов рублей надо на каждую церковь, чтоб ее просто вывести из аварийного состояния, законсервировать. Средний бюджет реставрации – это огромные деньги. 40–50 миллионов – в зависимости от размеров, степени разрушения и прочего. Сейчас это не под силу обществу. Если церковь сухая, защищена кровлей, действующая… Но даже и не действующая: пускай она работает как часовня, пускай как музей – пришел, открыл, посмотрел… У кого-то из жителей обязательно должен быть ключ. Зашли, помолились и поехали дальше. А у нас начинается разговор: «Зачем делать крыши, если мало населения? Там три человека живут!» Сегодня три, а завтра будет три тысячи. Откуда вы знаете, что будет завтра? Кто знал, что разрушится Советский Союз? Но даже если не иметь в виду какие-то чрезвычайные ситуации, все равно культурное наследие мы обязаны сохранять».

KOKOSHIN/EAST NEWS

Как сельские церкви пережили перестройку

«Начиная с 70-х я на всех углах говорила, что надо заниматься сельскими церквями, потому что это потрясающие сооружения. Это свидетельство огромной энергии русского народа, его силы духа. У Солженицына в «Крохотках» есть одна про сельские храмы. Он пишет, что русские люди отдали им свое лучшее, и никто с этим не спорит. Почему же к ним такое неуважение? Но все мои призывы – глас вопиющего в пустыне. Тогда в большей части этих церквей были, по крайней мере, колхозные и совхозные склады. Они хотя бы под крышами стояли! А когда началась перестройка, во-первых, закрылись хозяйства, а во-вторых, все было освобождено от складских помещений, и больше никто эти крыши не чинил. И теперь погибает больше храмов, чем разрушили во время революции. Сейчас кричат: «Большевики!» Простите! А вы?! Вы ходите в церковь каждое воскресенье, а что же при вас-то происходит?! Очень жалко землю. Очень жалко людей, живущих на земле. Очень жалко предков, жалко нашу прекрасную великую культуру, которую мы просто игнорируем и смотрим по телевизору Евровидение».

Царицыно

«Я выросла в Царицыно, играла в царицынском дворце, гуляла по парку с первого класса. Почему-то запомнилось: мне лет 10, я иду, девочка в пионерском галстуке, и думаю: «Не

смогу спокойно умереть, если Царицыно не будет восстановлено». В те годы для царицынских жителей пойти в парк было событием. Я помню аптеку, у нее телефон-автомат, и девчонка звонит кому-то: «Приезжайте, пойдем в парк». Я не знаю, существует сейчас эта традиция или нет. И парк-то был какой – заросший, с барвинками, с медуницами. Цветы собирали, венки плели, гуляли, на лодках катались. А соловьи, липы старые! Это же романтический парк был, философский, как он был задуман...».

«Нет такого ЦК, в который сегодня можно обратиться»

«В Общество охраны памятников я попала в конце 70-х. Зарплата безумно маленькая, никто

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТОВ (церквей и часовен) по годам постройки*

ГОДЫ	КОЛИЧЕСТВО	МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	МОСКВА
XIV век (1301–1400)	2	2	
XV век (1401–1500)	4	7	
XVI век (1501–1600)	32	28	
Первая половина XVII века (1601–1650)	8	23	
Вторая половина XVII века (1651–1700)	108	146	
Первая треть XVIII века (1701–1733)	102	60	
Вторая треть XVIII века (1734–1766)	174	50	
Третья треть XVIII века (1767–1800)	267	39	
Первая треть XIX века (1801–1833)	263	62	
Вторая треть XIX века (1834–1866)	318	78	
Третья треть XIX века (1867–1900)	464	165	
Начало XX века (1901–1917)	372	160	
1918–1930	11	9	
1931–1950	1	1	
1951–1980	4	2	
Конец XX века (1981–2000)	225	107	
2001–2004	253	57	
2005–2007	263	30	
2008–2010	131	12	
ВСЕГО	3002**	1038**	

* В списке не учитываются те объекты, точный период строительства которых неизвестен.

** Без учета объектов с нефиксированным периодом строительства.

ИСТОЧНИК: сайт «Храмы России» (<http://www.temples.ru/index.php>).

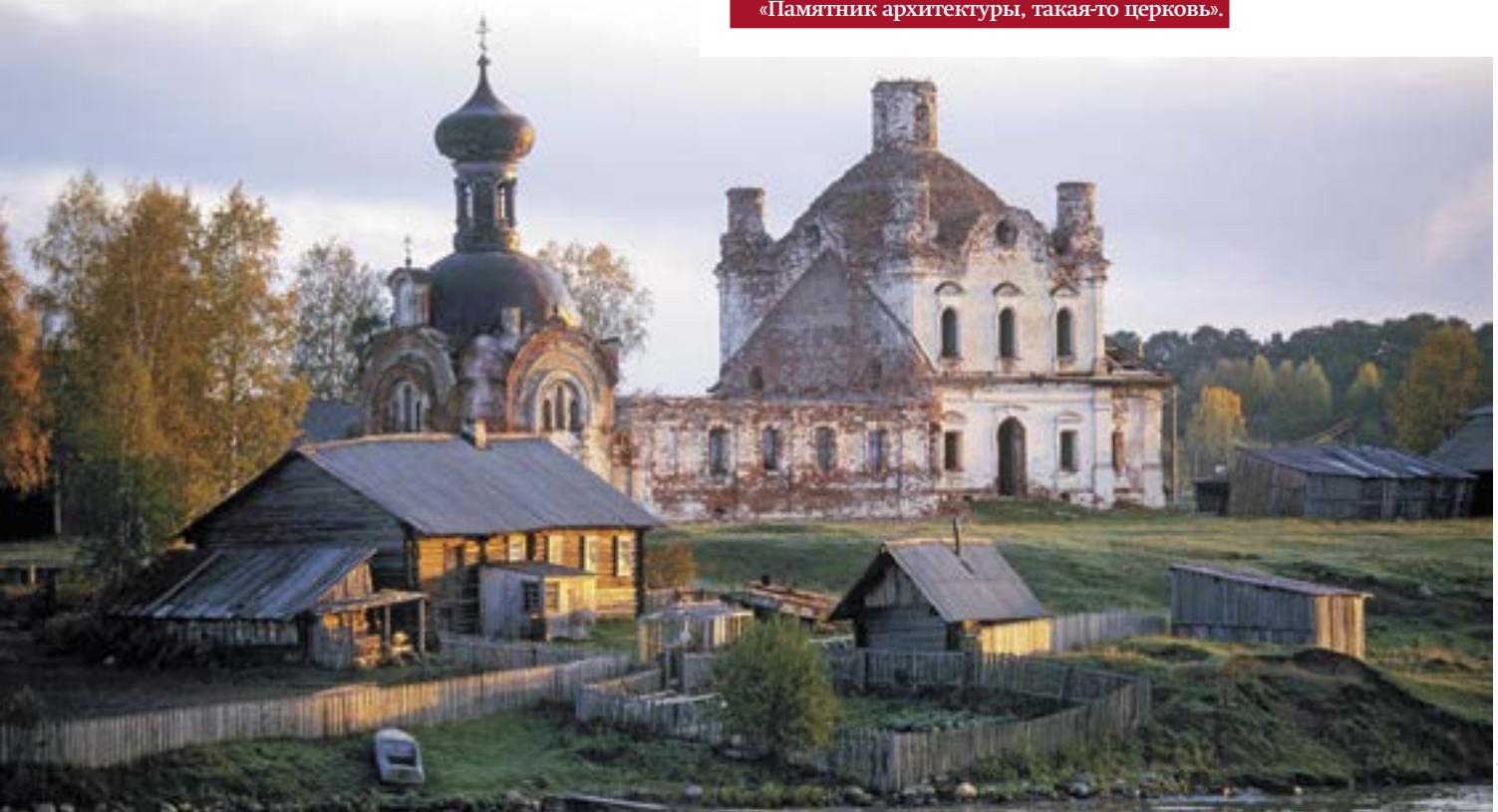
там работать не хотел – я и пошла. И сразу – Новый Иерусалим. Проектировали неправильно. Строили неправильно. 10 лет жизни ушло на то, чтобы шатер поставить так, как он сейчас стоит. А тогда проектировали так. Делали блоки из листовой стали, из этих блоков складывали ярусы. Срок службы 15 лет, как нам говорили специалисты, штукатурку присоединить нельзя. «Ладно, – говорят, – покрасим краской!» А лепнина? А иконопись? А акустика безумная? То есть крах Нового Иерусалима! И вот впервые – я думаю, это был первый и последний такой случай в СССР, – несмотря на то, что уже было набрано два с половиной яруса шатра и истрачены огромные деньги, мы добились, чтобы все было демонтировано и сделана деревянная конструкция. Этот вопрос можно было решить за полгода, но, поскольку смета была завышена в два раза, деньги потрачены и люди хотели что-то от этого поиметь, пришлось биться 10 лет. Привлекали всех: и к Лихачеву я ездила за подписями, и журналист Василий Песков нам помогал, и космонавты… Письмо в ЦК партии писали. А сейчас я не знаю такого ЦК, в который можно обратиться. И тогда было трудно, но все-таки… Илья Глазунов в этом тоже участвовал. Он говорил: «Такой-то у меня будет, приходи, если тебе надо, с твоими памятниками». Я хватала чертежи и бежала, у него – человек высокого полета, и с ним можно

было разговаривать. Так было до начала 90-х. Я помню, уже в «Сельской церкви» мы делали полную консервацию одного храма конца XVIII века в селе Ильинском Кимрского района Тверской области. Огромное здание в ужасном состоянии. Когда мы начинали работать, нам говорили, что только сумасшедшие могут за это взяться. А мы взялись и 6 лет им занимались. Один губернатор 10 тысяч прислал, другой 10… Причем первым прислал член КПСС. А теперь попробуй, обратись! Теперь все решают деньги. Вот Арбат… Альфа-банк выстроил там свое безобразие напротив «Праги». Кто разрешил? «Прага» уничтожена, Арбат уничтожен, здание чудовищное. Почему главный архитектор города разрешил, когда это вне ансамбля, когда это охранная зона памятников?»

Скорая архитектурная помощь Подмосковья

«Наша команда работает с 1988-го. Ее ядро составляют человек восемь-девять, вокруг еще несколько десятков людей, в общей сложности, человек пятьдесят. Двое прорабов трудятся непосредственно на стройке. Одному 29, дру-

«Каждая церковь,
брошенная и пустая,
должна быть убрана и подметена,
трава кругом скошена и повешена табличка:
«Памятник архитектуры, такая-то церковь».

гому 48. Архитекторы – 55, 60 и старше. Почему они этим занимаются, я не знаю: у нас они получают в разы меньше, чем могли бы. Сейчас мы зарабатываем реставрацией. Зарабатываем, конечно, копейки, потому что все делаем по дешевке и потому что работа в глубинке сама по себе затратна. Когда до стройки 300 километров, это совсем другое, нежели объект на соседней улице или на соседней станции метро. В общей сложности мы работали где-то в пятидесяти церквях. Сами собрать на церковь мы не можем, и потому полностью нами восстановлены только три или четыре храма под частный заказ. Полную консервацию мы делали тоже в трех или четырех церквях. Остальные «чинили» по частям или проводили обследование. В некоторых храмах мы делаем очень важную, я считаю, работу – вырубаем деревья, которые растут на сводах и корнями разрушают его. Такой храм потом падает и превращается в горы кирпича. Два лета мы нанимали альпинистов и пилили деревья. Деньги на это нам давало некоммерческое партнерство «Попечитель». Немного, но на вырубку хватало. Насколько я знаю, других подобных организаций в России нет. Такие, как мы, – это, может быть, приходские женщины в селах, которые по копейкам собирают средства, чтобы нанять рабочих на уборку территории. Есть, конечно, реставрационные бюро, которые делают полную дорогую реставрацию. Их заказчики – Минкультуры, Патриархия. Это большие деньги, и мы в эту обойму не попадаем.

«Средний бюджет реставрации – это огромные деньги. 40–50 миллионов – в зависимости от размеров, степени разрушения и прочего».

Но мы к этому никогда не стремились. Потому что это особая среда и особые внутренние законы, по которым мы жить не хотим».

О благотворительности

«...А благотворительности сейчас совсем не стало. В начале перестройки, когда компании получали сверхприбыли, какие-то копейки можно было ожидать, а сейчас просто прибыли, поэтому ждать нечего. Мы устраиваем благотворительные вечера, но сборы от них смехотворны. Спонсоров у нас нет. Я просто хожу-прошу у кого придется. Сейчас я написала в «ЛУКОЙЛ». В Бежецком районе погибает церковь, а один из руководителей этой компании родом из Бежецка. Он много там помогает, но на мое обращение он пока не откликнулся. И настроение у нас подавленное. Мы не знаем, где взять денег. Церковь огромная, в ней уникальная живопись. Мы собрали какие-то небольшие деньги на ремонт ее части, но больше у нас нет. Время от времени мы устраиваем благотворительные вечера, посвященные тем или иным храмам, и я обращаюсь к гостям

PHOTOS/ALAMY

PHOTOEXPRESS

АНТОН БЕРКАСОВ

с просьбой собрать что-то вскладчину – по 10 тысяч, 5 тысяч рублей. Но, как правило, откликаются редко. Ред-ко».

История одного спасения

«От знакомых реставраторов мы узнали, что под Сергиевым Посадом, в селе Гагино, есть церковь, в которой венчался Шаляпин, и что она погибает. Мы поехали и увидели, что это остатки церкви. Храм крестообразный, уцелела только серединка. Историяальная: разрушена при Хрущеве. 90 процентов церквей, которыми мы занимаемся, закрыты, разрушены, разобраны на кирпичи при Хрущеве. После революции в храме уже не служили. Там была столярная мастерская. Но он был под крышей. А при Хрущеве мастерскую закрыли и разломали то, что

смогли разломать. От момента «первой встречи» с церковью и до начала работ обычно проходит года два. Спустя два года поисков, хлопот, знакомств, мы попали на прием к директору Большого театра Анатолию Иксанову. Он сказал: «Да, Шаляпин наше все» – и отдал сборы от одного дневного спектакля на эту церковь. Так мы в 2004 году смогли сделать противоаварийные работы. Позже, в феврале, мы провели шаляпинский вечер в гостевом доме посольства Индии. Но денег собрали очень немного, и то, что мы сейчас делаем, это практически благотворительный проект. Однако не это в нем главное. К моменту, когда мы приехали в Гагино, мы работали уже 15-й год. И впервые за 15 лет мы увидели почитаемые руины храма. Там были посажены цветы, посажены деревца, выкашивалась трава, цветы поливались, и посредине, под сводом, стоял крест. Крыши нет, но табличка с фотографиями и памятная надпись, что здесь летом 1898 года состоялось венчание Ф. Шаляпина и И. Торнаги. Вот такое отношение к храму и памятникам архитектуры надо прививать народу повсеместно. Каждая церковь, брошенная и пустая, должна быть убрана и подметена, трава кругом скошена и повешена табличка: «Памятник архитектуры, такая-то церковь». Минувшей весной мы попытались осуществить эту идею при помощи студентов. Собрать добровольцев, поехать на место и просто привести храм в порядок. Но сейчас на такие акции у нас не хватает сил. Мы отчаянно ищем работу, чтобы сохранить нашу организацию. Я позвонила в пару вузов, в том числе в профильные – МАРХИ, Строгановское. Мне обещали перезвонить – не перезвонили. Обратилась в молодежную организацию, которая позиционирует себя как православная. «Вы знаете, – мне ответили, – на следующей неделе мы празднуем мой день рождения и сейчас этим заняты. Звоните позже». ⚡

Лада Клокова, фото Александра Бурого

ВРЕМЯ ЧИТАТЬ КАМНИ

Экскурсовод привычно, без раздражения пересказывала давно заученный текст, не рассчитывая на внимание окружающих. И правильно. Шумные экскурсанты, суетливо толкая друг друга, как заведенные щелкали фотоаппаратами. «Вопросы есть?» – устало обернулась экскурсовод.

– А что это за лицо в перьях?

– Слон?!.. Там слон? Они что, слонов видели? Захотелось сесть в траву, закрыть уши руками, чтобы не слышать пустого гомона, и молчать, молчать, молчать. Потому что тогда ничто не помешает наблюдать за игрой света на древних белокаменных стенах, превращающей кентавров, львов, орлов, павлинов, грифонов и херувимов в дышащих, танцующих, хитро улыбающихся тебе незнакомцев...

Вот он – вечный ребус, знаменитая легенда, не-разгаданная тайна. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском – рукотворное чудо предков. «Они», ведавшие, как выглядели слоны и херувимы, знали толк в своем деле. Зря, что ли, первый каменный храм в Москве возводился в 1326 году по образу и подобию Георгиевского собора? Зря, что ли, Аристотель Фиораванти, обустраивавший в XV веке Московский Кремль, был специально отправлен на «экскурсию» во Владимир, чтобы создать в новой столице Успенский собор, не уступающий по красоте владимирским храмам? Надменный итальянец долго отказывался верить, что в «дикой Московии» могли существовать столь блестящие образцы архитектуры...

– 15 минут на самостоятельный осмотр, – скомандовала экскурсовод. Попробуем успеть.

«Сам бе мастер»

Сын Владимира Мономаха князь Гюрьги (он же Георгий, он же Юрий Долгорукий) в 1152 году построил на реке Колокше крепость, а в ней, как водится, церковь. Естественно,

Воспетый летописями Георгиевский собор, несмотря на свои скромные размеры, и сегодня поражает воображение искусствами рельефами и хитроумными узорами

в честь св. Георгия, своего небесного покровителя. А поселение он назвал в собственную честь – Юрьев. Дабы отличать его от другого, приднепровского Юрцева, добавили «Польской», то есть стоящий в поле. Так и получился Юрьев-Польской – форпост на границах владимиро-суздальской земли. Досталось городку изрядно: в XIII, XIV и XV веках его разоряли монголо-татары, в XVII – жгли поляки. Как выглядела церковь, построенная Долгоруким, неведомо. Внук основателя Москвы – князь Святослав Всеvolodovich, получивший Юрьев-Польской в удел, – основал здесь мужской Михайло-Архангельский монастырь и, разобрав церковь Св. Георгия, построил новый собор – Георгиевский. Летописи уточняют, что Святослав «руши церковь святаго Юрия каменую, тако же бе обветшала и поломалася», а вместо нее возвел другую: «чудну зело, вельми украси ю резным каменем от подошвы и до верху святых лики и праздники, а сам бе мастер». До сих пор идут споры, действительно ли Святослав сам руководил строительством или летописец преувеличил его роль. Сие доподлинно неизвестно. Зато, благодаря археологам, известно, что собор Святослав возвел не на месте дедовской церкви, а рядом. Работы заняли четыре года: храм был закончен в 1234-м. И через четыре года Юрьев-Польской был разорен монголо-татарами в первый раз. В том же 1238 году Святослав участвовал в трагической для русских князей битве с монголо-татарами на реке Сить, позже стал великим князем Владимирским, ездил в Орду договариваться с ханами, а под конец жизни вернулся в Юрьев-Польской... Женат он был на Евдокии – дочери муромского князя Петра и княгини Февронии, тех самых святых, которые сегодня популяри-

зируются в России как покровители семьи и влюбленных в противовес св. Валентину. В 60-е годы XV века Георгиевский собор, к ужасу горожан, рухнул. Возможно, это говорит в пользу того, что строил его действительно князь, а не профессиональный архитектор. Ведь подобные каменные храмы стояли на Руси по 500, а то и более лет. А постройка Святослава продержалась двести с небольшим. В XV же веке приехал в Юрьев-Польской из Москвы опытнейший архитектор Василий Ермолин. Специально, чтобы восстановить собор. Это он обновлял в столице обветшавшие кремлевские стены, реставрировал Спасские ворота, собор Вознесения, реставрировал церкви во Владимире... В «Ермолинской летописи» говорится, что Георгиевский собор «розвалился вси до земли», так что перед архитектором стояла сложная задача. Восстановить собор в первозданном виде Ермолину не удалось: пропорции храма изменились, он стал более «приземистым». К тому же часть великолепных рельефов при обрушении погибла, часть уцелевших Ермолин пытался собрать так, чтобы воссоздать сюжетные линии каменного узора, но...

В XVII, XVIII и XIX веках к Георгиевскому собору постоянно что-то пристраивали, изуродовав его до неузнаваемости. Только в XX столетии все поздние пристройки были снесены. Так что собором можно снова любоваться.

Кружево в камне

А любоваться есть чем. Несмотря на то, что выглядит Георгиевский собор ныне не совсем так, как во времена Святослава, когда летописи воспевали его небывалую красоту. Он и сейчас поражает воображение. Нет, не куполом и не размерами – храм невелик. Это как раз тот случай, когда красоту можно назвать ускользающей, нездешней, нереальной. Хотя, казалось бы, что может быть реальнее, ощущимее и весомее твердо стоящего, будто вросшего в землю белокаменного русского собора XIII века? Причина этого странного ощущения – завораживающий скульптурный рельеф. Первое, что приходит на ум при взгляде на него, – кружево в камне.

Чтобы понять, насколько сложна была в техническом отношении эта работа, достаточно сказать, что древние мастера сначала вырезали на отдельных камнях горельефы, которые ставились в кладку стен как обычные блоки. И только после того, как стены с горельефами были возведены, по готовой плоскости вырезали ковровый растительный орнамент, заключая фигуры в искусный лабиринт стеблей, листьев и цветов. Представьте, какая высочайшая точность и невероятная аккуратность требовались от резчиков: малейшая ошибка

могла привести к необходимости менять ценные фрагменты готовой кладки собора! Даже думать не хочется, чем мог рисковать допустивший ошибку мастер.

Совмещение подобных техник резьбы означает, что у строителей существовал детально проработанный проект храма, в противном случае идеально совместить ковровый узор сложенными в кладку горельефами было бы просто невозможно.

Как же прекрасен он был в первозданном виде, когда эта изысканная кружевная каменная вязь полностью покрывала все стены собора! Можно только догадываться о том, какое восхищение и благоговение испытывали в те времена приходившие сюда верующие... Вот и современные экскурсанты, отснявложенную серию фотографий на тему «я на фоне...», все же выключают технику и всматриваются в плутоватые физиономии львов и гордые профили кентавров. Правда, между нами и теми, кто всматривался в рельефы Георгиевского собора семь столетий назад, есть разница. Они, в отличие от нас, в буквальном смысле читали стены храма, как книгу. И вопрос нашего современника о «лице в перьях» вызвал бы у них в лучшем случае недоумение, в худшем – опасение: а не повредился ли умом тот, кто его задает? Кто ж не знает, как выглядят херувим?

Богородица с поднятymi в молитве руками – Оранта (от лат. *orans* – молящийся). Этот тип изображения Девы Марии восходит к раннехристианским рисункам молящихся фигур в римских катакомбах

Потерянный код

В работах, посвященных Георгиевскому собору, можно встретить два мнения о знаменитых рельефах. Одни утверждают, что мастера скопировали их с византийских орнаментов, которыми были украшены ткани, блюда и прочая утварь княжеской казны. Другие осторожно пишут о том, что до сих пор наука не располагает достаточно полными данными об истоках этого декора.

Бессмысленно оспаривать влияние Византии на средневековое русское искусство. Как и спорить с тем, что создаваемые на Руси шедевры зодчества, иконописи, литературы были отмечены национальным своеобразием. Рельефы Георгиевского собора лишнее тому доказательство. На этих древних стенах слились в единую «летопись» христианские символы и мотивы славянского язычества. И хотя полностью «прочитать» оригинальную историю, изложенную древними мастерами, нам не удается (ведь при восстановлении собора в XV веке смысловой код рельефов был нарушен), мы все же можем отыскать отдельные «предложения», «слова» и «буквы».

Но до этого вспомним, чем являлся в Средние века для христианина храм. Своебразным микрокосмом, воспроизводящим царство Бога, Небесный Иерусалим, модель Вселенной. Купол отождествляется с небом, апсида – с нематериальным миром и т.д. В христианской Византии очень рано поняли, какое колossalное значение для распространения и упрочения религии имеет искусство. Неслучайно православное богослужение Павел Флоренский считал «синтезом искусств», подчеркивая, что архитектура, живопись, пение, проповедь нацелены на создание образа иного, идеального мира. Скульптуры, иконы, фрески, мозаики, буквица, орнаменты – все использовалось для общения с паствой. Разрабатывались каноны изображения Христа, Богородицы, небесного воинства, пророков и святых (периодически они изменялись, как, например, в 692 году, когда Трулльский вселенский собор запретил изображать Иисуса Христа в виде какого-либо символа – рыбы, агнца и т.д., что было характерно для раннего христианства). «Язык» этот должен был быть ясен простым людям: все, что они не могут понять из Писания, должно быть передано с помощью образов. А это значит, что «разговаривать» на этом «языке» надо было привычными с древности символами. И хотя язычество всячески преследовалось, почти весь мощнейший символический арсенал былых богов был заимствован и переработан христианством.

Можно только удивляться тому, сколько раз в сочинениях Отцов Церкви используются слова «абсолютная красота» и «красота». «Бог

есть прекрасное», – писал в VI веке Дионисий Ареопагит. Ранние христианские богословы считали, что красота и прекрасное – это порядок и форма в противовес хаосу, равносильному Небытию. То есть Бог есть прекрасное, а земная красота – Его образ и отражение.

Кстати, интересная деталь: синоним слова «некрасивый» в русском языке – «безобразный», то есть существующий вне образа, без образа. Храм, как модель Вселенной, должен был поражать своим великолепием и быть наполнен образами-отражениями прекрасного. А образы эти должны были нести ясную смысловую нагрузку, донося запрограммированное послание до каждого человека.

Письма из прошлого

Так что же было «написано» на стенах Георгиевского собора?

Историки искусства, реставраторы и архитекторы проделали колосальную работу по изучению храма, что дало возможность восстановить сюжеты его христианских композиций. На северном, главном, смотревшем на городскую площадь фасаде помещались «Распятие» (сейчас хранится внутри собора, как и части композиции «Вознесение Александра Македонского»), «Три отрока в пещи огненной» и «Даниил во рву львином». Сцена «Распятия» является обязательной в любом христианском храме и в объяснениях не нуждается. А ветхозаветные сюжеты о чудесном спасении трех отроков из огненной печи и пророке Данииле, которого не растерзали голодные львы, имели четкий подтекст: божественного покровительства достойны лишь истинно верующие. О том

изображение слона на стенах собора в наше время стало своего рода талисманом. Тем туристам, которые самостоятельно смогут отыскать его, экскурсоводы предлагают загадать желание

же свидетельствовала композиция на западном фасаде храма – «Семь отроков эфесских». По легенде, римский император Деций приказал замуровать в пещере 7 христиан, чтобы они погибли от голода и жажды. Но юноши уснули чудесным сном и были обнаружены живыми 200 лет спустя. Этот сюжет был очень популярен в средневековой Руси и часто изображался на амулетах и оберегах.

Еще одна ясно «прописанная» идея Георгиевского собора – защита Владимирского княжества божественными силами. На храме не менее трех изображений Спаса, окруженного фигурами ангелов и херувимов, представителей небес-

СИМВОЛИЧЕСКАЯ «АЗБУКА»

Грифон

Легендарный монстр, с головой, крыльями и когтями орла, а телом – льва. В древности считалось, что грифоны охраняли золото Индии, а греки были уверены, что они стерегут золотые копи скифов.

В иносказательном смысле считался стражем Древа жизни, символизировал страх на пути восхождения к высшей истине. В христианстве означал воскресение и двойственную

природу Христа. В средневековой Европе олицетворял силу Солнца. В «Божественной комедии» Данте грифоны везут триумфальную колесницу Церкви с Иисусом Христом. Возможно, этот мотив станет понятнее, если вспомнить, что в античности грифоны считались священными животными Аполлона и тоже везли его колесницу. Позже в христианской традиции стал олицетворять сатану.

ногого воинства. Та же идея «читается» и в изображении выстроившихся перед нами, как будто в боевом строю, святых покровителей князей владимирской династии. Тема суровых защитников, мучеников и воинов смягчается образом небесной заступницы Руси – Богородицы. Это – Оранта, дважды изображенная на стенах собора. Тогда Оранта считалась прежде всего покровительницей Киева, и двойное использование ее образа, с учетом противостояния владимирских и киевских князей, могло восприниматься подданными первых как демонстрация преемственности Владимиром функций и значения угасающего Киева.

Вспомним о том, кому посвящен собор. Изображение св. Георгия помещено над входом северного фасада. Но вы не увидите того, к чему привыкли: ни коня, ни иззыхающего дракона. Св. Георгий стоит во весь рост, смотрит вам в глаза, в его правой руке копье, в левой – щит, украшенный вставшим на дыбы львом. Такой же, кстати, красовался на гербе владимирских князей. Теперь понятно, почему на стенах собора так много львов и львиных масок!

Оттенки смыслов

Ранних христиан, как известно, отдавали на растерзание львам, а у христиан более поздних времен лев стал одним из излюбленных символов в искусстве. Странно? Да. Как и значение многих других символов, если упустить из виду одно важное обстоятельство. Средневековый человек жил в мире, переполненном предчувствиями, ассоциациями, предрассудками, отсылками к высшим смыслам. Бог для него проявлялся в каждой вещи, существе, явлении. Символы, с помощью которых он изъяснялся,

На стенах
Георгиевского
собора слились
воедино
византийские,
христианские
и славянские
языческие
мотивы

имели не один, а два, а то и больше смысловых уровней и оттенков. Символические загадки можно было отгадывать на каждом шагу. Ну вот, например, лев. В дохристианские времена он символизировал царскую власть, солнце, огонь. Христианство переняло льва в качестве символа царской власти, назвав Иисуса «львом от колена Иудина». Именно лев – одно из немногих животных, часто упоминаемых в Библии. Он же – символ евангелиста Марка, одно из четырех животных Апокалипсиса, охраняющих Небесный Иерусалим. И он же превратился в христианстве в один из образов, который принимает сатана! Но львы на Георгиевском соборе отношения к дьяволу явно не имеют. Почему? Во-первых, потому, что здесь они – напоминание о символе Владимирского княжества и охранители храма. Во-вторых, в подавляющем большинстве они изображены либо анфас, либо в три четверти. А ведь еще с

Китоврас

Иными словами – кентавр. Голова и торс человека, тело – лошади. В древнегреческих мифах выступали одновременно и как представители сил зла, и как добрые помощники героев (кентавр Хирон – учитель Ахиллеса и т.д.). Часто изображались в свите Бахуса. В средневековой Европе олицетворяли низменную, животную природу. На Руси были известны под именем Китовраса (позже – полканы), иногда наделялись

крыльями. Китоврас, по версии русской легенды, кентавр, которого царь Соломон обманом заставил помогать в строительстве Иерусалимского храма. Якобы научил Соломона, как с помощью алмаза обтесывать камни, состязался с царем в мудрости. В итоге получил перстень Соломона, с помощью которого отомстил – забросил царя в далекую страну. Некоторые варианты легенды утверждают, что Китоврас был родным братом Соломона.

VI–VII веков в византийском искусстве действовало строгое правило, ставшее общеупотребительным для католицизма и православия: демонические и второстепенные персонажи, прямого взгляда которых верующие должны избегать, изображались строго в профиль. Это называлось «начало отсутствия».

Неординарна в символическом смысле и персона грифона. Хотя на стенах Георгиевского собора они – явно второстепенные персонажи. Их здесь гораздо меньше, чем львов или птиц, они изображаются в профиль, с раскрытыми в немом крике кловами. В христианстве грифон, с одной стороны, символизирует бдительность и воинственность, с другой – воскресение и двойственную природу Христа: божественную (птица) и человеческую (животное). Так же как и лев, со временем грифон стал олицетворением сатаны. Но подобная оказия с этой милой полутиглической-полульвом произошла все-таки

Святые покровители князей владимирской династии выстроились на стенах собора, символизируя защиту небесных сил

позже, так что, скорее всего, они, как и хитрые цари зверей, играют роль стражей Георгиевского собора.

Но есть на этих стенах персонаж, изначальная принадлежность которого к хтоническим существам сомнений не вызывает. «Базиликос», или «кокатрис», король змей. Да, это – василиск, «без яда губящий», обращающий в пустыню любую местность. От его взгляда каменело все живое. Змеиный хвост завит кольцом, крылья распростерты, петушиные лапы хищно вцепились в камень. Глаз не видно. То ли их стерло время, то ли мастер сознательно лишил василиска его главного оружия. На всякий случай. Мало ли что? Вообще, демонических существ на стенах Георгиевского собора не так уж много по сравнению с католическими храмами-рөвесниками. Когда в Юрьеве-Польском возводился собор, в Западной Европе уже около

Лев

В Древней Греции считался проводником Солнца, а весной Дионис мог являться в образе льва. У славян-лютичей лев – олицетворение бога войны Радогоста. В Средние века у христиан стал символом воскресения: в бестиариях рассказывалось, что новорожденные львята 3 дня пребывали мертвыми, пока лев не возвращал их к жизни своим дыханием. У буддистов лев – хра-

брость и благородство, символизирует Север, с которым связан приход Будды. В Ветхом Завете с львом сравниваются Иуда, Дан, Саул, Даниил, лев – одно из четырех явленных Иезекиилю животных. Лев также знак отшельничества и одиночества, соотносится со многими христианскими святыми. Он же – эмблема Антихриста. В Псалтири победа над князем тьмы интерпретировалась как победа надо львом и драконом.

столетия бушевала готика, и изображение бесов и чудовищ на стенах храмов было обычным делом. Один из авторитетнейших европейских теологов-мистиков XII века, Бернар Клервоский, писал: «...зачем они здесь, эти поразительные нелепые чудовища, эта уродливая статность и статное уродство? Эти нечистоплотные обезьяны? Эти свирепые львы? Эти чудовищные кентавры?.. Со всех сторон вы окружены таким буйным и поразительным разнообразием форм, что куда приятнее предаваться чтению этих мраморных манускриптов и проводить дни, восхищаясь каждой подробностью этих орнаментов, вместо того чтобы размышлять о божественном законе». Кстати, о кентаврах Георгиевского собора. Вспоминая о полуконях-полулюдях, вооруженных топором или держащих за уши зайца, часто называют их полканами. Как бы не так. Полкан, как известно, один из героев «Повести о Бове Королевиче» – наполовину человек, наполовину конь (этим объясняют происхождение названия – «пол-коя»), обладающий неимоверной силой и скоростью. Но «Повесть о Бове Королевиче» – это пересказ средневекового французского романа о рыцаре Бово д'Антоне, переведенный на славянские языки не раньше XVI века! В романе Pulicane – полупес-получеловек, помогающий главному герою. Когда мастер Георгиевского собора вырезал кентавра, он вряд ли мог что-либо знать о Полкане. Так что на стенах русского храма XIII века перед нами не Полкан, а, скорее, Китоврас. И его изображение здесь вполне уместно. В конце концов, кто помогал легендарному Соломуону строить не менее легендарный Храм?

Сложнее разобраться с двумя другими персонажами Георгиевского собора – девой-птицей

Странное существо, похожее на волка или на пса, хвост которого стилизован под цветущее растение. Возможно, это – изображение славянского бога Симаргла

и существом, похожим и на волка, и на пса с гривой (хотя некоторые исследователи называют его «пардусом», то есть барсом). Женщин-птиц в русских мифах и легендах насчитывалось не меньше трех – Сирин, Алконост и Гамаюн. Последняя, кажется, меньше всего подходит для изображения на соборе. Она – родом из древней славянской мифологии, посланиница бога Велеса, предвещающая будущее и приносящая разрушительные бури. Опасная птица. А образ Алконоста был заимствован русскими из греческого мифа о несчастной Алкионе, превращенной богами в зимородка. Если люди слышат ее пение, они впадают в забвение. Не слишком позитивная характеристика. Что касается Сирин, то ее имя тоже греческого происхождения (естественно, от сирен) и созвучно русскому названию рая – Ирий. Спускаясь из рая на землю, она поет для людей, разгоняя печаль и тоску. Сирин часто ассоциируют со славянскими берегинями, вилами, русалками, изначально бывшими добрыми божествами, приносящими дожди и плодородие.

Если предположить, что второе странное существо – это все-таки пес, то, возможно, это славянский Симаргл. Этот языческий бог изображался в виде пса, он охранял Древо

Лилия

В христианской традиции является символом чистоты и целомудрия, в первую очередь ассоциируется с Богородицей. Кроме того, может символизировать раскаяние, поскольку считается, что лилия выросла из слез Евы, когда она покидала Эдем. Лилией увенчан жезл архангела Гавриила. В раннем Средневековье fleur-de-lys стала геральдической эмблемой французских королей, хотя до XII века лилия не была признана официальным символом французской монархии.

жизни и тоже относился к богам плодородия. Между прочим, хвост существа со стен Георгиевского собора явно напоминает какое-то растение.

Изображение растительного мира – основа коврового узора этого храма. Он довольно разнообразен. Здесь и почти геральдические цветы лилии, и, кажется, стилизованные листья аканта – распространенного в античности орнамента, заимствованного Византией, и вьющиеся стебли с характерными листьями, похожие на виноградные лозы. Кстати, очень важный момент. Собор посвящен св. Георгию, который сегодня воспринимается большинством только как святой воин. Но в старые времена Егорий-храбрый почтится не только как бесстрашный воитель, но и как «строитель земли», покровитель землепашцев (именно так и переводится с греческого на русский его имя). В Юрьев день –

Трехъярусное цветущее дерево, часто называемое «змееногой богиней», отождествляется исследователями в славянских орнаментах и вышивках с дарующей жизнь Великой матерью Макошью

23 апреля – крестьяне в первый раз после зимы выгоняли скот пастись в поле. Так что, как видите, обилие растительного орнамента на храме Георгия – тоже неслучайно.

Особое внимание привлекают странные, трехъярусные цветы-деревья, очень живо напоминающие традиционные орнаменты славянских вышивок, символизирующих Великую мать Макошь (исследователи нередко называют такие цветы-деревья «змееногой богиней» или «женщиной-вазоном»), превратившуюся в итоге в христианскую Параскеву Пятницу...

Как мы помним, храм – это модель Вселенной, которая в Средневековье состояла как минимум из трех уровней: небесных сфер и рая, земли, а также мира тьмы и забвения – ада. На стенах Георгиевского собора можно найти персонажей, символизирующих все эти уровни. А растительный орнамент, связывающий здесь каждый из миров, фактически превращается в великое Древо жизни, символизирующее с древних времен само Мироздание. Круг замкнулся...

Глубина народной памяти

...Недавно в Ростове Великом довелось заглянуть в маленькую лавочку, торгающую изделиями народных промыслов. Среди вороха поделок, вещичек и бессмысленных мелочей вдруг отыскалась витрина с россыпью небольших изразцов. На керамических квадратиках, любовно расписанных современным художником, скакали китоврасы-полканы, скалились добрые львы, распускали сияющие крылья Сирин, Гамаюн и Алконост...

«Нужно знать глубину народной памяти», – писал один из ведущих российских историков, археолог и академик Борис Александрович Рыбаков. Не поспоришь. ☺

Павлин

Ассоциировался с царским достоинством, любовью, являлся символом красоты. В греческой мифологии узор на перьях павлина считался глазами убитого гиганта Аргуса. В раннем христианстве павлин связывался с солнцем и считался символом бессмертия. Позже христиане считали, что узор на перьях павлина символизирует «всевидящую Церковь».

Херувим

В христианстве второй после серафимов ангельский чин, херувимы – одни из тех, кто наиболее приближен к Богу. Согласно ветхозаветной традиции, херувим, вооруженный огненным мечом, охраняет вход в Эдем, а также является средством передвижения Бога. Согласно описаниям, Ковчег Завета охраняли два отлитых из золота херувима. По Иоанну Златоусту, херувим – это «полная мудрость».

Евгений Резепов, фото Андрея Семашко

ВЕРГИЛИЙ ГОРЫ ПЛОДСКОЙ

ТЕПЕРЬ, У ВЫХОДА ИЗ ПЕЩЕР, ПРИШЛО время с ней проститься. Я, как и многие паломники и туристы, должен прилепить свою свечу на стену. Огарки здесь повсюду. Скрюченные, потемневшие, величиной с мизинец. Некоторые так затвердели, что их не растопить, даже если истратишь на это весь спичечный коробок. Эти свечи стали частью пещер. Вот и моя свеча теперь среди них. Свеча, с которой я прошел всеми лабиринтами подземелья, с содроганием сердца глядя на готовый угаснуть тонкий фитилек. Когда я, бредя за отцом Иоанном, слушал его рассказ о таинственном ярусе, куда нет хода, но куда можно провалиться в любой момент, казалось, только пламя моей свечи защищало меня. Когда отец Иоанн говорил о монахах, которых сто лет назад замуровывали в каменных кельях, я вновь с надеждой смотрел на свечу, пребывая в непонятной уверенности, что она выведет меня на белый свет из этого мрачного места. А когда отец Иоанн сообщил о крови, выступающей на стенах, то только свеча успокаивала меня, помогая отгонять плохие мысли. Казалось, я с ней сроднился. И вот мы расстаемся. Прощай, свеча! Здравствуй, свет!

Отец Иоанн

Наша группа, вернувшись на поверхность, в полном составе дружно бежит на солнце, отряхивает одежду, удаляет пауков, остатки корней и паутины, кто-то шутит: а не ровен час обнаружатся вцепившиеся в куртки летучие мыши? Дамы аккуратно складывают платочки, поправляют прически, достают зеркальца. Все разговоры, конечно, о пещерах и о нашем проводнике – отце Иоанне. В отличие от нас он держится в тени, чтобы восковые свечи, которые он пересчитывает, не растаяли. В отличие от нас он не отряхивает рясу, не поправляет сбившуюся шапочку, а когда дамы сообщают, что в его бороду набился мелкий мусор, в ответ лишь улыбается и отмахивается. Тогда видно, что под мышкой у него – дыра. Но он ее не стесняется.

Свеча, которой я освещал себе путь в лабиринтах Наровчатского пещерного монастыря, была получена из рук отца Иоанна.

Через несколько минут отцу Иоанну снова надо спускаться в пещеры, снова вести запутанными ходами новую группу паломников. Они уже окружили его плотным кольцом и разбирают новенькие свечки. Сердобольные дамы качают головами, оглядываются на вход в подземелье, из которого несет ледяным холодом, и зовут: «Погрейтесь на солнышке, отец Иоанн!» «Борода согреет!» – весело отвечает наш проводник.

На ногах отца Иоанна – солдатские сапоги, ряса – в дырках, в сумке на плече – завернутые в бумагу пучки свечей. Строгие глаза под косматыми бровями.

Днем и ночью в любую погоду, вооружившись свечой, водит он людей по лабиринтам

подземного монастыря. В какое бы время ни приехали сюда паломники или туристы, отец Иоанн ведет их в пещеры. Такое на него наложено послушание...

С высоты Плодской горы, в недрах которой находится монастырь, виден лес. У его кромки приотился убогий деревянный сарай. Это келья, в которой живет отец Иоанн. Невольно ловишь себя на мысли: сумрачный лес, как в «Божественной комедии» Данте, окружает вход в загробный мир, куда ведет паломников Вергилий Плодской горы.

«За что же вас так наказали?» – спрашивают обычно у отца Иоанна паломники. На что он неизменно отвечает: «Великий грешник я!»

Монастырские легенды

Этот подземный монастырь, более известный как Наровчатские пещеры, находится в 5 километрах от женского Троице-Сканова монастыря, что расположен у пензенского села Наровчат. Пещеры датируются примерно XIII веком. Найденные здесь наконечники копий и стрел позволили предположить, что первоначально пещеры были выкопаны для спасения от набегов кочевников, а потом их нашли удобными для пещерного монастыря. Первymi тут появились киево-печерские старцы Антоний и Феодосий. От них и стала распространяться в здешних местах православная вера.

Целебный источник у подножия горы Плодской, где когда-то стояла часовня, назван в честь святых преподобных Антония и Феодосия. В начале прошлого века пещеры имели привлекательный вид. Вход был украшен красивым орнаментом, сводчатые потолки и стены пещер выложены кирпичом и побелены, в маленьких нишах перед каждой кельей в проходах стояли зажженные свечи. На вершине горы красовались каменная церковь, часовня и несколько деревянных флигелей для братии. Часть монахов принимали схиму и уходили в подземный монастырь для уединен-

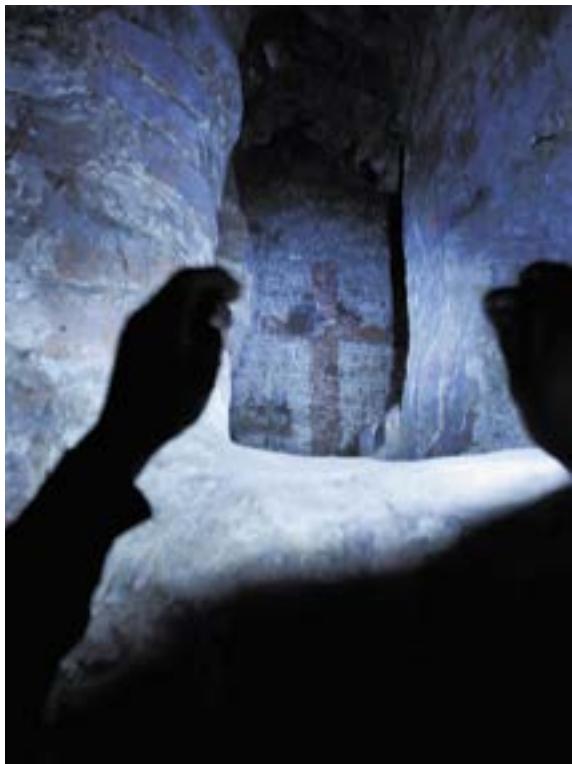
ных молитв. Наверх больше не поднимались. Жизнь их проходила в окружении камней, тишины и мрака. Келейник приносил кусок хлеба и воды и ставил в окно кельи. Если через сорок дней пища оказывалась нетронутой, окно замуровывалось. И никто никогда туда больше не заходил. Эти факты лежат в основе многочисленных легенд о мерцающих огоньках и странных голосах в глубинах пещер.

Подземный монастырь просуществовал до 1928 года. Бытует легенда, что пещеры соединялись широким подземным ходом, по которому могла проехать телега, с Троице-Скановым монастырем. Когда представители советской власти пришли в Троице-Сканов монастырь за большим золотым иконостасом, то настоятель уговорил их оставить иконостас на ночь, доверившись замкам на дверях и выставленной охране. Утром оказалось, что иконостас исчез. Говорят, его вывезли подземным ходом. Последствия не заставили себя ждать. Сторожил подземный монастырь один из последних монахов, Тихон. Помогал отцу Тихону келейник, который уже работал в колхозе. Когда однажды келейник вернулся в пещеры, то старца Тихона не оказалось на месте. Ночь келейник провел в тревоге, а утром позвал людей, с которыми и нашел тело старца в пеще-

Бывший майор госбезопасности, а теперь отец Иоанн, водит паломников по лабиринтам пещерного монастыря, показывая ниши, в которых упокоены останки старцев, молившихся в каменных кельях о спасении Русской земли

рах. Рядом с ним лежал окровавленный топор. Могила старца Тихона сейчас огорожена, над ней установлен крест. После этого убийства пещеры закрыли для посещения. Кирпич, которым были выложены подземные коридоры, потихоньку разбирался местными для ремонта печей и колхозных построек. В 1930-е годы пещеры взрывали, вскрывали в ходах боковые ниши, останки монахов выкидывали. Иконостаса из Троице-Сканова монастыря так и не нашли. Из Наровчатской тюрьмы привозили на грузовиках осужденных засыпать пещерные ходы землей. Спустя много лет

Могила последнего монаха пещерного монастыря, отца Тихона, который был убит, защищая подземелье

археологи-любители нашли в пещерах 19 черепов с пулевыми отверстиями.

В годы войны подземный лабиринт облюбовали дезертиры. После этого даже местные жители перестали сюда ходить.

В августе 1980 года после тщательного осмотра всех доступных полостей московская экспедиция спелеологов подтвердила искусственное происхождение пещер. А вот сведения из «Пензенских епархиальных ведомостей»: «Над ископанием их первый трудился послушник обители Иоанн, за ним и другие, но более всех монах Арсений, который почти всегда и жил здесь. На протяжении столетий подземные сооружения расширялись и перестраивались, появлялись новые галереи и кельи». Сейчас лабиринт пещер – это проходы и кельи, расположенные в трех ярусах, соединяю-

Протяженность подземного лабиринта – 710 метров. Внутренний микроклимат пещер считается уникальным. В различных ярусах зафиксирована устойчивая температура, сохраняющаяся и зимой, и летом.

щихся между собой. Внутренний микроклимат пещер считается уникальным. В различных ярусах зафиксирована устойчивая температура, сохраняющаяся и зимой, и летом. Воздух в подземелье свежий и чистый. По протяженности подземного лабиринта – 710 метров – Наровчатские монастырские пещеры превосходят знаменитые Киево-Печерские.

Легенда говорит еще о двух или трех уровнях. На нижнем якобы расположено подземное озеро с женскими статуями по берегам. В близлежащих селениях есть еще люди, которые утверждают, что старики проводили их на таинственный ярус и показывали это озеро. Легенды всегда подогревали интерес к Наровчатскому монастырю. Желающих пройти по рукотворным ходам подземелья было и есть много. «Слева и справа зияют проемы-входы в небольшие жилища монахов-отшельников, – пишет один из путешественников 1970-х годов. – Каменная лежанка и ниша под икону – вот и все богатство келий. На стенах видны пятна сажи – следы обгоревших свечей. Видны и своеобразные то ли подслушивающие, то ли переговорные устройства – в каменную толщу из келий каким-то образом врезаны керамические трубочки, благодаря которым на других ярусах прослушивался разговор в кельях, даже если он велся шепотом».

«Господь привел!»

После того как местными из подземного монастыря был выбран для своих хозяйственных нужд кирпич, появился новый вид промысла. Жители близлежащих сел стали предлагать туристам свои услуги в качестве проводников. За что требовали денег. На какие только уловки ни пускались: изображали голоса замурованных в кельях монахов, устраивали фокусы с «блуждающими огоньками». Каждый мальчишка из самого ближнего к пещерам села Сканово может рассказать кучу подобных историй, а также поведать о том, что его дед или отец показали ему секретные ходы в подземном монастыре. Были среди проводников и великовозрастные балбесы, отслужившие в армии. Они водили туристов по пещерам, держа в одной руке папироску, а в другой – банку пива. Показывали места на стене, где лучше поставить автограф.

Все изменилось три года назад.

Сначала местные проводники заметили, что со стен кто-то стирает автографы туристов. Затем этот «кто-то» собрал и вынес из подземных ходов все окурки и пивные банки. Быстро выяснили, что каждое утро из Троице-Сканова монастыря приходит человек, долго молится перед входом в пещеры, а затем пропадает в подземных лабиринтах. Человек этот оказался самым серьезным конкурентом местных проводников.

Почти все туристы сразу предпочли совершать прогулки по пещерам в сопровождении имен-

но этого бородатого проводника. Свечки он раздавал бесплатно, молитвы читал, рассказывал об истории пещерного монастыря и денег не просил. Для пожертвований он повесил внизу горы ящик. Все собранное относил в Троице-Сканов монастырь, в который пришел жить трудником. Работал в монастырском гараже, жил в отдельной келье, а затем принял постриг и надел рясу.

Конечно, местным проводникам такой конкурент не мог понравиться. Им и раньше досаждали монахини, которые по православным праздникам приходили к пещерам и служили там молебны, оставляя после себя бумажные цветы, запах ладана и прикрепленные к выступам на входе в пещеру свечки. Но они хотя бы в пещеры не спускались. А этот... Напрасно его пугали рассказами о привидениях. На все он отвечал молитвой, поклонами и шутками. Напрасно подстерегли в лесу и побили. Напрасно крали ящик с пожертвованиями. Напрасно зимой стащили у него лопату, он руками расчищал снег у входа в монастырь. Зря намекали, что может он повторить судьбу старца Тихона, могилу которого отец Иоанн обустроил и поставил над ней крест...

Каждое утро отец Иоанн появлялся у входа в пещеры и добродушно разговаривал с туристами и паломниками, словно намедни ничего не случилось. Никому отец Иоанн ничего не рассказывал. Казалось, он только радовался испытаниям, укреплявшим его дух. Он лишь

Посетителям подземного монастыря раздаются свечи, огонь которых лучше другого источника света позволяет почувствовать атмосферу уединения и отрешенности, царящую глубоко под землей

улыбался и шутил. А на вопрос, как он сюда попал, всегда отвечал: «Господь привел!» Отстали от отца Иоанна на второй год его послушания, когда у Наровчатских пещер поздней осенью появился скромный деревянный сарайчик. Сначала никто не мог поверить, что отец Иоанн собирается постоянно жить здесь, где сутроны – выше человеческого роста, а по ночам в лесу жутко воют волки. Но ни разу не прибежал он в село за помощью, ни разу не дал повода усомниться, что хоть на один день или ночь покинул свой пост. Редкие гости его кельи могут увидеть здесь лежак, вязанки свечей по всем углам да грубый стол, на котором чугунок и деревянная ложка.

Пещеры датируются примерно XIII веком. Первыми тут появились киево-печерские старцы Антоний и Феодосий. От них и стала распространяться в здешних местах православная вера.

который по-прежнему несет свое послушание и водит паломников и туристов по подземным коридорам. Даже когда вся братия, устав от дневных трудов строительства и расчистки леса, отдыхает, а к пещерам вдруг прибывает автобус, отец Иоанн собирается «на экскурсию». Даже если кто-то из братии вызовется заменить его, он откажется. Да и слава об этом проводнике по пещерным коридорам подземного монастыря разнеслась так далеко, что люди просят только его. Отец Иоанн, однако, извлекает выгоду из своей популярности. После экскурсии он никогда не будет заводить беседы о бедности монастыря, но обязательно попросит мужчин, к примеру, передвинуть распиленные деревянные колоды, а женщин – прополоть грядки монастырского огорода. Но чаще люди сами предлагают свою помощь. Вот, например, грядка огурцов и помидоров посажена работниками администрации Пензенской области. Клумбы с цветами разбиты сотрудниками прокуратуры Ульяновской области. Лес на поляне выкорчеван руками солидных бизнесменов, которые приехали сюда на отдых, а после экскурсии по подземному монастырю с отцом Иоанном вдруг решили потрудиться.

«А вы знаете, кем был отец Иоанн в мирской жизни?» – часто спрашивают у монахов любопытные туристы и паломники. Посторонним об этом знать незачем. Но братии ответ известен. Майором Комитета государственной безопасности вышел в отставку Иван Кузнецов (таково мирское имя отца Иоанна). На пенсии решил подрабатывать, стал ездить с реставраторами восстанавливать храмы. Однажды, работая на лесах, вынужден был принять на руки сорвавшийся с веревки колокол, который поднимали наверх. Тонкая деревянная доска под ногами по всем законам физики неминуемо должна была под ним разлететься, а он – разбиться. Тогда-то впервые он вспомнил имя Господа и…

Доска прогнулась, но выдержала… Это все равно что на нитке пудовую гирю поднять. С того момента бывший майор госбезопасности ушел трудником в самый близкий к его дому монастырь. Много обителей он сменил, пока не было наложено на него послушание епископом Пензенским и Кузнецким быть проводником в заброшенном подземном монастыре.

«Черные копатели»

Эти люди под самыми разными предлогами проникают в подземный монастырь, разрушают старинную кладку стен, роют норы, чтобы проникнуть на самый нижний ярус и добыть нефритовые статуэтки с берегов

Спустя много десятилетий каменные ниши вновь уставлены иконами

От майора до монаха

Пещерный монастырь был воссоздан с благословения патриарха Алексия II. Наместником сюда назначен отец Корнилий, присланный из Христо-Рождественской пустыни в селе Трескино.

Сейчас братия трудится над возведением в лесу большого монашеского корпуса и строительством подземного храма, в котором совсем скоро начнутся службы. «Лицом» своего монастыря они называют отца Иоанна,

легендарного озера. Но главное, что рассчитывают найти здесь «черные копатели», – это исчезнувший из Троице-Сканова монастыря золотой иконостас. Один из них даже специально устроился сюда в числе рабочих, нанятых для восстановления подземного монастыря. Хотел получше ознакомиться с лабиринтом. Когда работы перестали финансировать, то он стал торговать у входа в монастырь сувенирами и свечами. Местному населению и братии этот «черный копатель» по прозвищу Кореец известен как скопщик антиквариата. А еще его называют «лицом неопределенного возраста». Есть у него такая особенность. После посещения лабиринта его лицо покрывается сетью морщин, появляется сутулость, что выдает его солидный возраст. А до спуска под землю он выглядит весьма моложаво и подтянуто. «Господь видит, кто с чем идет», – объясняет эту метаморфозу отец Иоанн.

Корейца отец Иоанн не жалует, свечек у него старается не покупать и предпочитает отмахивать 10 километров и принести свечей от сестер из женского Троице-Сканова монастыря. Но когда паломников много и свечей на всех не хватает, приходится отцу Иоанну бежать к Корею с деньгами. Почему-то эти купленные свечи слипаются между собою и быстро гаснут даже от дыхания. Заметил отец Иоанн это, когда однажды во время экскурсии свечи разом потухли и ни у кого не нашлось спички или зажигалки. Долго он плутал по лабиринту, рассказывая паломникам все, что знал о подземном монастыре, а сам лихорадочно искал выход. Запомнил он ту экскурсию надолго. Только молитва помогла ему найти выход, а паломники так и не догадались, что их проводник заплутал. «Я так думаю, что 600 лет молитвы сильнее против 70 лет бесовства», – сказал о том случае отец Иоанн. А чтобы свечей у Корея больше не покупать, предложил братии завести пасеку. Она уже обустроена, так что скоро у монастыря и свечи будут свои.

Вся братия знает о том, что отец Иоанн страстно желает быть первым упокоенным в стенах подземного монастыря. Хочет он повторить путь старцев-отшельников, от которых сегодня не осталось даже имени. «Для меня, великого грешника, это было бы самым большим счастьем», – говорит отец Иоанн. Правда, и в этом ему попытались помешать.

Некий монах, пришедший прошлой зимой в монастырь, заявил о желании уподобиться пещерным старцам. Показал он себя монахом строгой жизни, даже других стал учить. Просьбу его удовлетворили. Взял монах с собою в каменную келью одеяло

и деревянный чурбак, чтобы не сидеть на каменном ложе. А братия стала ждать, чем все кончится. Только отец Иоанн улыбался в бороду.

Ночью монахов разбудил стук в окно. Не получилось из претендента пещерного старца. «Бесы одолели!» – стучал зубами от холода и страха, рассказывал он о трех часах, проведенных ночью в пещере. Братия справедливо решила, что не готов человек к такому духовному подвигу: жить в подземном монастыре. Слишком трудное, даже невыносимое дело самого себя навеки замуровать в земляной

После экскурсии отец Иоанн попросил мужчин передвинуть напiledные деревянные колоды, которые будут использованы как лавки для отдыха паломников

Сейчас братия трудится над введением в лесу большого монашеского корпуса и строительством подземного храма, в котором совсем скоро начнутся службы.

тврди и при этом молиться за свой народ, за свою страну.

Паломники и туристы часто спрашивают отца Иоанна о происхождении в каменной келье деревянного чурбана, который бросил здесь тот монах, сбежавший в первую же ночь от трудностей взятого на себя испытания. Но кажется, ни разу проводник не рассказал эту

Родник Николая-угодника, обустроенный братией мужского пещерного монастыря

историю, которая прозвучала бы забавой или анекдотом для туристов. Отец Иоанн знает как никто другой, какого великого подвига требует от человека уединенная молитва внутри подземного монастыря, какие искушения и страхи одолевают его. Поэтому отец Иоанн стремится увести гостей подальше от этой кельи с чурбаном.

«Следуйте за мной!» – командует отец Иоанн туристам и заводит разговор о белках и куницах, которые живут в пещерах и могут прошмыгнуть под ногами или над головой.

...Он бредет темными ходами подземного монастыря со свечой в руке. За его рясу хватаются испуганные туристки и слабонервные паломники. Все они пришли сюда, чтобы посмотреть, как жили, молились и умирали монахи под этими молчаливыми мрачными сводами. Кто-то из туристов пищит, кто-то крестится, кто-то прижимается к стене от страха. Отец Иоанн продолжает вести людей по подземному лабиринту. Мимо пустых каменных келий и ниш. Вдоль стен, в которых замурованы забытые миром старцы-отшельники, молившиеся за Русскую землю.

Окажется ли когда-нибудь на их месте отец Иоанн? Или другой отшельник найдет в себе силы для этого подвига? Кто даст ответ?

Отец Иоанн выше поднимает свою свечу и делает следующий шаг. Он продолжает нести свое послушание. ■

Владимир Емельяненко

«БЕЛИНСКОГО И ГОГОЛЯ С БАЗАРА ТАК НИКТО И НЕ НЕСЕТ»

Язык нашего общения меняется слишком быстро, заставляя ученых говорить о его сверхскоростном обновлении. О том, как информационная эпоха меняет структуру современной речи и динамику отношений между людьми, в интервью «Русскому миру.ru» рассказывает заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ профессор Сергей ГИНДИН.

– Сергей Иосифович, раньше на лекциях по «Введению в филологию» вы приводили типичный пример коммуникации, не понятной постороннему. Женщина в учреждении обращается к коллеге: «Галь, городской». И добавляет: «Мужской».

– Это давняя история, причем настолько, что она обросла искажениями. До вас она дошла в очень усеченном виде. История эта произошла в стоматологической поликлинике МВД. Я сидел в ожидании врача. Вдруг из противоположного кабинета вышла дородная дама в белом халате и сказала: «Ольга Геннадьевна, городской». И добавила: «Мужской». Ольга Геннадьевна тут же бросила пациента и побежала через коридор, потому что поняла, кто ее ждет. Все вокруг все поняли. А теперь представьте, что записку такого же содержания Ольга Геннадьевна находит у себя дома. Она, разумеется, в тупике. Оказывается, при отсутствии того, с кем происходит коммуникация, ее содержание непонятно. Вот о чем я говорил лет двадцать назад на лекциях. Сегодня с общением происходит нечто подобное, просто меняется его тех-

ническое и технологическое оснащение.

– А как сегодня меняется специфика устного дистанционного общения?

– Лингвисты под устной коммуникацией обычно понимают коммуникации между людьми, находящимися в непосредственной близости друг от друга. Ученые не относят к обычному устному общению ни общение по телефону, ни разговоры по мобильному. Это устная коммуникация по форме – в основе ее речь, но это преобразованная формула коммуникации. Она имеет несколько параметров: материя общения или то, что иногда называют фактурой речи (устная – это звуковые волны, а письменная – знаки на плоскости); использование технических средств – они меняют характер коммуникации; находятся ли общающиеся в непосредственном контакте или коммуникация опосредована. То есть или глаза в глаза, или уши в уши. Общение с заключенным на свидании, если оно происходит через стекло, – глаза в глаза, а по мобильному – уши в уши. Еще один параметр, который меняется и обязательно изменится еще, –

это параметр отношений между общающимися. Устная коммуникация может меняться от того, говорим мы со знакомыми, близкими или вышестоящим руководством. Приятелю по работе мы можем сказать: «Скинь-ка мне на флешку». А вот руководству, если хотим сохранить репутацию и рабочее место, – вряд ли. Все эти параметры общения надо учитывать. Другое дело, что на первое место сегодня вышли технические средства. Они имеют колossalное значение для меняющейся стилистики коммуникации. Но при этом на целый ряд вопросов, если не учитывать других параметров общения, ответить нельзя.

– Отдельная тема – разговор по мобильному телефону. Часто вместо приветствия многие начинают с вопроса: «Ты где?» В публичном месте позволяют себе, не стесняясь, громко обсуждать семейные проблемы, ссориться и т.д. В этом смысле куда дрейфует современная городская коммуникация?

– Так происходит не потому, что разговор идет по мобильному, а потому, что разговор происходит между близкими людьми. Мы по утрам не протягиваем руку членам своей семьи. Даже не всегда говорим «Здравствуй». И по мобильному часто не здороваемся. Такова устанавливающаяся норма.

– «Норма» – это болтать без умолку, а то и орать, и ругаться по телефону в общественном транспорте или в кинотеатре?

– Это разные вещи. Одно дело уважение или игнорирование личного пространства собеседника. Но я тут неуважения не вижу. Просто это такая же непринужденная форма общения людей, как дома. Что особенного в том, что близкие люди общение начинают с вопроса: «Ты где?» А вот неуважение к тем, кто вынужденно присутствует и не является участником коммуникации, очевидно. Что тут меняется? Обычно при посторонних людях непринужденных, тем более интимных, разговоров не ведут. Мобильная связь заставляет общаться по-свойски и в ситуациях, когда присутствуют посторонние. Что коренным образом многое меняет. Тут, конечно, по от-

ношению к окружающим нужно соблюдать такт. Но это вопрос не столько культуры коммуникации, сколько общей культуры. Замечаете ли вы, что сейчас многие, особенно молодежь, стали громче говорить? Когда в фойе нашего института скапливается пять-семь молодых людей и начинается разговор, приходится иногда выходить с кафедры и просить: «Пожалуйста, потише, здесь работают». Изменения в поведении нашей молодежи связаны с большей ее раскованностью. Это с одной стороны. С другой... Как-то моя студентка сказала мне: «У нашего поколения ослабленный слух, мы ходим на дискотеки». Они действительно хуже слышат. По-видимому, это неизбежное следствие для тех, кто много пользуется техническими средствами для общения. Наушниками и плеером, например. Возможно, еще поэтому они не очень умеют принимать во внимание других людей. Тут совпали три процесса – процесс постепенного освобождения личности, который у нас идет с эпохи Горбачева; наступление технических средств, увлечение или злоупотребление которыми

**Слова уходят, а потом
им не находится равнозначной замены,
и они возвращаются.**

**Если новации
не поддерживают искусственно.**

ослабляет слух; третье – личная раскованность необязательно предполагает невнимание к окружающим и возможность учитывать тех, кто оказался случайным и вынужденным свидетелем, – это норма. Ее отсутствие идет от невоспитанности.

– Недавно девушка в кинотеатре во время сеанса попросила соседкутише общаться по телефону. Та была искренне возмущена «вторжением» в ее «частную жизнь». Почему в Европе обсуждают проблему уместности длительного общения по мобильному в общественном месте и даже ввели систему штрафов, а у нас свобода перерастает во вседозволенность?

– Новое тут не в том, что соседка по кинозалу огрызнулась, а то, что она использовала юридическую терминологию. Все остальное было всегда. В театре, на концертах во все

времена находились люди, которые начинали разговаривать. Просто раньше могли замолчать или ответить невежливо. Но никогда бы не сказали: «Почему вы вторгаетесь в мою частную жизнь?» Привычка ссылааться на юридические нормы, похоже, входит в повседневность. Другое дело, если бы уже наступило время, когда мы грамотно научимся ими пользоваться. «Придет ли времечко, когда (приди, желанное!)... мужик не Блюхера... – Белинского и Гоголя с базара понесет...». Написано почти 150 лет назад, а Белинского и Гоголя с базара так никто и не несет. Будем над этим работать – значит что-то будет меняться. В 90-е, когда с экрана выступал академик Лихачев, который заметно выделялся даже среди образованных людей, его манера общения, мне казалось, начинала оказывать влияние на

телезрителей. Теперь людей, которые бы пользовались авторитетом и воплощали норму общения, на телеэкране не вижу. Есть телеканал «Культура», но там почти нет прямых передач, таких как «Вечера в «Останкине» в конце 80-х. Там выступали Виктор Астафьев, Зиновий Гердт и тот же Лихачев. Они говорили, не повышая голос, а главное – вы чувствовали, что они обращаются именно к вам. Эти люди ушли, и их очень не хватает для воспитания культуры речи.

– Вы преподавали в Италии и Польше. Какие издержки осложняют общение там? И наоборот, чему россиянам стоило бы поучиться у соседей?

– Я не активно знаю языки, поэтому мои заключения субъективны. Мне кажется, для Польши свойственна большаядержанность в публичных местах. Там громкое общение по мобильному не при-

сказала: «По-русски мы на вы, а по-итальянски – на ты».

– Насколько оправданна эпидемия на употребление слов «коммуникация» и «коммунировать»? А еще иногда приходится слышать «коммуникаторовать»...

– Давайте сразу обозначим – слова «коммуникаторовать» нет. Те, кто так говорит, не владеют словообразованием в русском языке. Со словами «коммуникация» и «коммунировать» происходит то, что укладывается в общую тенденцию – мы легко заимствуем иностранные слова, даже без надобности. Самый простой пример слова, без которого можно обойтись, – «презентация». Его было бы разумно заменить словосочетанием «публичное представление» или просто «представление». Тем более что глагол «презентовать» первоначально имел другое значение – подарить. Помню, когда вы-

– Вытеснят ли слова «коммуникация» и «коммунировать» традиционные – общение, общаться?

– На мой взгляд, глагол «коммунировать» не нужен. Он образован от существительного, уже обозначающего действие, поэтому проще было бы сказать – «вступить в коммуникацию». С существительным «коммуникация» этот глагол не вполне равнозначен по смыслу. Дело в том, что общение предполагает взаимность. Когда на плацу офицер командует: «Налево, кругом!» – это не общение. Но люди поворачиваются. Односторонняя передача информации не укладывается в нормы общения, но вполне соответствует термину «коммуникация» – намеренная передача информации. «Коммуникация» – это все же научный термин, и использовать его в обиходной жизни надо осторожно. Так же как когда-то Корней Чуковский ввел слово «канцелярит». Но когда канцелярские слова, нужные в канцелярии, начинают без надобности использоваться в других сферах, общение затрудняется или вообще прерывается одной из сторон.

Так и с коммуникацией. Когда этот термин используется в быту, меняется тональность общения и порождаются ложные цели. Если молодой человек, желающий познакомиться с девушкой, без тени улыбки скажет: «Позвольте с вами вступить в коммуникацию...» Что его ждет?

– С точки зрения лингвистики насколько сознание людей успевает реагировать на динамику современных городских коммуникаций?

– Во-первых, надо говорить не только о сознании. Не все, что мы говорим, мы говорим сознательно. Это хорошо, если владение языком осознанно. Значит, достигнут высокий уровень владения речью. Но это необязательно. Есть люди, которые стихийно образцово общаются. Что называется, у них хорошо подвешен язык. Если при этом человек еще и быстро соображает, то он обычно в коммуникативные ловушки не попадает. Так что важно, чтобы не сознание успевало, а чтобы практика владения языком была адекватной. Например, когда вы приходите к чиновнику и говорите с ним как с

Нужна здоровая критика речи.

Языковая критика должна быть
в СМИ – в печати, на ТВ.

Она может стать мощным средством
укрепления грамотной речи.

нято. Так же как не принято, чтобы студентка пришла в университет с обнаженным животом. Это даже непредставимо. У нас и на лекцию, и на экзамен вполне возможно и в коротких шортах, и с обнаженным животом явиться. И это не кажется предосудительным.

В Италии несколько иная ситуация. Когда я туда попал в первый раз, у нас почти не было мобильных, а там они были и еще поражали. У меня возникло ощущение, что сумасшедший идет по улице и разговаривает сам с собой. И тогда это было громко. К тому же итальянцы экспансивны. Но позже я обратил внимание – они тихо, даже приглушенно говорят по мобильным. Хотя в личном общении говорят громко и много жестикуируют, а, например, с полицейскими гибки и законопослушны и вполне регулируют тембр и громкость голоса. При этом они легче, чем мы, переходят на ты. Моя итальянская коллега мне как-то

шла газета «Книжное обозрение», на ее первой странице было написано: «Редакция презентует читателю книгу сказок». Я стал ждать, когда мне эту книгу пришлют. Не прислали. Оказывается, они имели в виду совсем другое значение этого слова. Предел же совсем неудачного заимствования – это когда из канадского хоккея было перенято слово «конференция» для обозначения территориальной части чемпионата. Но по-русски «конференция» – уже устоявшееся слово в ином его значении. К сожалению, мы научились калькировать иностранные слова, но не подумали о том, как эту же мысль можно выразить по-русски. С «коммуникацией» происходит нечто подобное. Остается надеяться на редакторов и постепенное вытеснение совсем уж поверхностных заимствований. Действительно, этих слов гораздо больше, чем есть в них надобность.

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

соседом по квартире, а он не хочет так коммуницировать, тут сознание нужно, но не обязательно. Во многом такое общение регулируется стихийно. Через практику. А сознание обязательно для того, кто изучает коммуникацию. Для человека, для которого коммуникация является частью профессии. Конечно, язык сегодня, как и речевая деятельность, менее стабилен, чем это было в советское время. Сегодня ситуация отчасти напоминает то, что происходило с языком после революции 1917 года и позднее – в 20–30-е годы XX века. Та речевая ситуация, которая отражена в учебной и монографической литературе, сходна с сегодняшней. В литературе эти процессы отражены у Бориса Пильняка, Исаака Бабеля. Ничего страшного в этом нет. Язык и не такое претерпевал. Думаю, он справится и переварит нынешние новации.

– Помимо устного меняется и стилистика письменного общения. В электронных письмах мы все меньше пишем – «Добрый день» или «Добрый вечер». Появляется новый язык электронного письменного общения?

– Я не вижу никакого нового языка. Его и не может быть. Это еще одна форма коммуникации, производная от письменной речи, но не письменная речь. Ее специфика в том, что от письменной речи есть только один параметр – графический. Электронное письмо мы читаем глазами. Но мы не видим собеседника, не общаемся с ним. А приведенные вами примеры свидетельствуют о двух вещах. Действительно, когда не знаешь, в какое время прочтут письмо, смешно писать «добрый день» или «утро». Но «доброго времени суток» – это уже от большой головы. К сожалению, один говорит «коммуницировать», другой – «до-

брого времени суток». Это ничем не лучше. «Привет» – нормальное, свойское обращение. Кстати, итальянцы редко говорят «добрый день». Чаще – «чахо». Это как наш «привет». А вот почему уходит или находится в тени слово «здравствуйте» – непонятно. Думаю, оно вернется. Бывает, слова уходят, а потом им не находится равноценной замены, и они возвращаются. Если новации не поддерживают искусственно. Тут нужна здоровая критика речи. Языковая критика должна быть в СМИ – в печати, на ТВ. Она может стать мощным средством укрепления грамотной речи. Выражения типа «коммуницировать» должны разбираться. Например, ничего неправильного в формуле «доброго времени суток» нет, но это плохо, вычурно и официозно. В нем нарушаются два постулата общения – естественность и нормальная дистанция по отношению к людям.

– Помните строки Вероники Тушновой: «Ты так захочешь теплоты, не полюбившейся когда-то, что переждать не сможешь ты трех человек у автомата? Для современников «трех человек у автомата» звучит как что-то инопланетное.

– Этот пример – не изменение в коммуникации, а изменение в той жизни, о которой говорим или пишем. Я вот недавно вышел на Пушкинскую площадь и увидел рекламный щит: «Получи классный прикид». Я слово «прикид» до этого не встречал. Это изменение в языке. А когда уходит вещь, называемая словом, это изменение в жизни. Телефонные автоматы были и есть. Услышать старый текст – это разница между непосредственной и опосредованной коммуникацией. Кстати, дети 50-х годов не знали, что такое конка – трамвай, который везла лошадь. Это знали до революции и до 30-х, даже 40-х годов. Потом в живом общении уже надо было объяснять, что такое конка. А вот чтобы справиться со старым текстом, песнями, книгами, тут уж Белинского и Гоголя с базара надо нести. Тогда и новации информационной эпохи легче усваются, если в них есть нужда, или отпадут со временем из-за своей экзотичности или пустоты. ☀

Михаил Быков, иллюстрация Оксаны Носовицкой

В ПОИСКЕ УТРАЧЕННОГО ИМЕНИ

Не в лучший час понадобилось мне что-то уточнить про жизненный путь Сергея Есенина. Вообще-то я человек консервативный, традиционный, не считите за отсталость. Люблю, знаете ли, информацию черпать из книг всяческих. Но тут требовалась сущая мелочь, и весьма быстро. Потому полез во Всемирную паутину.

ПОЛЕЗ – И ЧУТЬ БЫЛО НЕ ЗА-
путался в ней всем своим устаревающим на глазах сознанием. Набрал в поисковике «Яндекс» слово «Сергей» и не успел добраться до фамилии поэта, как система услужливо выплюнула мне списочек всего, что в наибольшей степени, по ее мнению, связано с Сергеем. Десять позиций, как заповедей, ей-богу!

Первым в списке некто Лазарев – таких сейчас называют певцами. Второй – Зверев. Та самая звезда, которая пребывает в перманентном шоке. Видимо, печальное последствие перманентной химии. Третий – Безруков, актер, который, если помните, и Есенина сыграть успел. А самого Есенина в десятке лидеров нет. Ну, думаю, «Яндекс» староват и простоват. Не зайди ли поискать в «Гугле»? И точно! Там как-то посвежея оказалось. Первая тройка, правда, та же. И в том же порядке. А вот Есенин – шестой! Приличный результат, если по меркам Международного олимпийского комитета. В МОК только за место в шестерке очки дают.

Я уже и забыл, зачем мне понадобилась биография Есенина, – настолько процесс поиска захватил. Ведь как думал? Первое: много нового о самых последних минутах современности смогу узнать, если этот самостоятельный эксперимент расширить. Второе: это ведь не элек-

тронный мозг определяет места в десятке. Он только фиксирует их на основании наших с вами собственных запросов. Чем не социологическое исследование на актуальную тему изучения интересов соотечественников и отчасти единоверцев в области мировой культуры?

Выбрал я наиболее популярные имена, как мужские, так и женские. Заодно такие, чтобы среди их носителей имелись люди, которых человечество заслуженно считает великими. Тут и началось!

«Гугл». Имя – Анна. На первом месте – кто бы сомневался – мегазвезда российского шоубиза Семенович. Что такого сделала, ответить трудно, но классная! На втором месте – вновь Семенович. Только теперь не сама, а ее фото. Третья позиция заставила удивиться – Ахматова. Хотя по некотором размышлении загадку отгадал. Только что отпраздновали 120-летие Анны Андреевны. Видать, многие, услышав про событие по телевизору, поинтересовались – кто ж такая?

В преддверии большого церковного праздника уместным показалось кликнуть Ольгу. Кликнул. И получил немедленно: Бузова, Курilenko, Громыко. О святой княгине – ничего! Зато появились весомые основания узнать, чем же занимаются девушки Бузовы, Кирilenki и Громыки...

Елена также откликнулась неизвестностью. Для меня, разумеется. Корикова, Ваенга, Бушнина. Я, было, начал верить в реальность машины времени, не спросясь, сыгравшей со мной злую шутку. Но тут приметил на седьмой позиции Елену Исинбаеву. Знакомое лицо! Полегчало.

Теперь история с Натальей. Тройка призерш – Орейро, Правдина, фотографии Орейро. Я с глубоким уважением отношусь к беспримерному таланту госпожи Орейро, но вот любовь сограждан именно к уругвайской актерской школе насторожила. Анастасия была предсказуема. Гадал только, кто какую медаль получит. Выиграла Приходько, далее – Заворотнюк и Волочкова. Первая только

начинает, а вот «серебро» и «бронза» – просто звезды плenительного семейного счастья. На восьмом месте – актриса Вертинская. Профессиональный статус напомнил специально. Для тех, кто ориентируется только на сценические дарования первой тройки.

Несколько успокоили Екатерина и Елизавета. В обоих случаях на первых позициях – императрицы российские. Вторая Екатерина – некая Юрьева. Третья Елизавета – юная Боярская. Зато перед ней – Елизавета Английская по фамилии Тюдор. Обана! – как незатейливо шутил когда-то господин Угольников. Хотя причем тут какое-то «оба-на»? Уважают у нас в стране женщин-убийц, вот и вспомнили про британскую королеву XVI века. А иначе никак не объяснить... После глотка свежего воздуха на Е вновь погрузился во мрак неизвестности. Мария поспособствовала. Кожевникова ее фамилие. Эта дева в своей номинации – и первая, и вторая, и третья. Причем третья – в виде фото, а вторая – в виде пикантного фото, то бишь «ню». На первом месте она, понятное дело, сама по себе. Вот такая героиня! Куда там Марии Магдалине, замеченной на девятой позиции. Ну, хватит о девушках. Пошли к парням.

«Гугл» продолжал радовать. Первый Михаил – Круг. А вот Лермонтова, Кутузова, Михаила Романова и Несторова (который художник) в десятке не оказалось.

Первый Петр – Налич. Это, позвольте, в каком смысле? Вторым, правда, Петр Алексеевич Романов, но его подпирает Федоров. Фамилия, конечно, распространенная, но вот именно Петра Федорова идентифицировать бы...

Только-только спрявили 200-летие рождения Гоголя. Казалось бы, кто первый Николай? Не угадали. И я чуть раньше – не угадал. Первый Николай даже не Николай Первый. Он – Воронов. Дай Бог ему здоровья! А вот упомянутые персоны русской истории – за ним следом.

[Именники Сергея](#) Значение

Характер: В детстве Сергей — спаситель, мальчик, доставший радителям много хлопот. С возрастом он становится более крепким, —

[Сергей Безруков: Глория](#)

Творческий вечер Сергея

Сергей Безруков про

[www.sergeybezruko](#)

[SergeyLazarev](#)

Sergey Lazarev.ru

[www.sergeylazarev](#)

[SergeyBiryukov](#)

Personal Development по-ру

[sergeybiryukov ru](#) - Старт

[Sergey Brin - Wikipedia, the](#)

Sergey Brin (born August 21, 1973, in Mo) is a Russian-American computer scientist best known as the co-

[en.wikipedia.org/wiki/Sergey_Brin](#)

[Миронов Сергей](#)

Председатель

Банк России

Александру Невскому — слава! Равно как и серебряному призеру Македонскому. И Головину — слава! Наверное, потому, что тоже Александр. Пушкин? Пушкину в этом списке делать нечего, он же наше все. Вот и нет его в списке.

Честно говоря, подумал, компьютерный сбой какой-то. Ну, ладно Есенин, ладно Лермонтов. К слову говоря, Маяковского во «владимирском» списке тоже не нашлось. Блоха среди Александров не увидел, равно как и Солженицына. Но чтобы Пушкин пропал!..

Раз вспомнил про Владимира, то тут с первым местом все понятно. Высоцкий — вне конкуренции. Соловьев — туда-сюда, хотя эфир ему заметно подрезали. Дальше — Зеленский. Этого Вову не знаю. Резонный вопрос — а Путин-то где? А Путин — на шестой позиции. Сразу замечу, что в «Яндексе» — тоже.

От премьер-министра — к президенту. И Медведева, и уж тем более Донского, опередил Дмитрий Дьяконов. Смелый, видать, парень.

За звание первого Ивана побились Рюрикович и Ургант. Победил Рюрикович. В смысле — Грозный.

Среди Андреев всех подмял Аршавин. В «Арсенале» играть — это вам не иконы писать. И уж тем более не фильмы снимать и не бомбы изобретать. Нет в «Арсенале» ни Рублева, ни Тарковского, ни академика Сахарова. В заключение очень мне приглянулось ассорти в рубрике «Антон». Дело в том, что у меня друг — Антон и Чехов — Антон. А вместе это кое-что для меня значит. Да и порознь тоже. Для активных пользователей Чехов значит куда меньше. Зато Антон Уральский — это круто! И Антон Шагин — круто! И Антонио Бандерас — круто! А Чехов — шестой номер...

Размахнулся, было, представить результаты, показанные на «Яндексе», но вовремя спохватился. Зачем повторяться-то? А ведь еще и «Мэйл» есть, и «Рамблер». И там картинка примерно такая же. В «Яндексе» Ургант обыграл-таки Ивана Васильевича, кто-то вспомнил об Андрее Рублеве, оказавшемся в середине списка, Дмитрий Медведев оттеснил конкурентов, в частности Колдуна. Невского с Македонским тут не уважают, а уважают триумфатора «Евровидения» — белорусского норвежца (или норвежского белоруса?) Рыбака, отхватившего все три первых места. У Антонов сильные изменения — Ельчин, Харит, Уральский. Борются ребята, не то что Чехов, вообще из десятки выпавший.

Как видите, принципиальных изменений нет.

Как нет в этих своеобразных рейтингах популярности у населения

ни одного русского ученого, художника, композитора-классика, кинорежиссера, педагога, врача. Вымело на периферию активного интереса Михаила Ломоносова, Александра Суворова, Петра Чайковского, Ивана Тургенева, Николая Пирогова, Елену Образцову, Анну Павлову, Татьяну Пельцер, Наталью Бехтереву...

Обычно в этом месте принято прекращать шутки и переходить к морализаторству. Мол, как же так, кто допустил, что же будет, умоемся слезами и т.д.

Думаю, обойдемся без нравоучений. И выводы пусть каждый делает сам. Я своим выводом могу лишь поделиться. Вот он: среди всех упоминавшихся Мария Богородицу я так и не нашел. ⚡

Александр Наумов*

ПЕРЕКРЕСТОК МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Талибы, война, нищета, наркотики, терроризм... Вот первое, что приходит на память, когда речь заходит об Афганистане.

ЭТА ЗЕМЛЯ ГОР, ПУСТЬИНЬ И ОАЗИСОВ действительно истерзана неисчислимymi войнами, через нее пролегал путь многих великих армий древности. В разные периоды ее заевевывали Ахемениды, Александр Македонский, Селевкиды, парфяне, основатели Кушанской империи – тохары (юэчжи), Сасаниды, Тamerлан (Тимур). Именно потомок последнего – полководец, поэт и писатель Захируддин Мухаммад по прозвищу Бабур (Тигр) – сделал столицей своего государства Кабул. Он же в 1526 году основал империю Великих Моголов, перенеся свою резиденцию из Кабула в Дели. Но за 18 лет до рождения Бабура на этой земле, еще не носившей имя «Афганистан», в первый раз побывали русские послы.

Из Москвы до Гиндукуша

Первое русское посольство посетило одну из столиц государства Тимуридов, в которое тогда входили афганские земли, город Герат, в XV веке. Это произошло в царствование Ивана III, в 1465 году, и, как говорится в

хрониках, русская миссия прибыла с «выражением любви и желания дружбы» и была с почетом встречена Абу Саидом – гератским правителем из рода Тимуридов. А в 1490 году в Москву с ответным посольством прибыли послы из Герата. Правда, ни первый, ни второй визиты не послужили особыми стимулами для развития русско-афганских отношений.

В следующем веке была предпринята новая попытка установить двусторонние отношения: в 1532 году в Москву прибыл Ходжа Хусейн с грамотой и предложением «дружбы и братства» от Захируддина Бабура. Однако Бабур скончался в 1530 году – прежде, чем его посольство добралось до Москвы...

Тем временем в борьбу за контроль над афганскими территориями включились персидские шахи из династии Сефевидов, от господства которых пуштунам удалось избавиться лишь в первой половине XVIII века. Именно тогда на этой земле, где только зарождались феодальные отношения, начало складываться самостоятельное госу-

PHOTASALAMY

Перевал
Хайбар между
Афганистаном
и Пакистаном
всегда считался
непрступным

PHOTASALAMY

Полководец
Александр
Македонский

дарство. Правда, в нынешнем виде независимый Афганистан существует всего 90 лет, а само название страны закрепилось в международном политическом лексиконе с легкой руки Фридриха Энгельса только в середине XIX века.

Вплоть до начала XX века двусторонние отношения сводились в основном к торгово-экономическим контактам. Однако в этот же период были отмечены многочисленные неофициальные контакты миссий, купцов, путешественников, некоторые из них оставались в Афганистане. Но точных данных о численности русских пришельцев не сохранилось. Интересно, что порой вояжи подданных Российской империи в «Землю афганцев» приводили к конфликтам международного масштаба. Например, поводом для вторжения британских войск в Афганистан в 30-е

годы XIX века стала командировка в эту страну поручика Ивана Виткевича. Судьба этого человека, скорее, похожа на захватывающий остросюжетный детектив. Кстати, именно Виткевичу была посвящена первая повесть, написанная Юлианом Семёновым, – «Дипломатический агент».

Тайный агент и блестящий дипломат

Иван (Ян) Виткевич родился в 1808 году под Вильно. В 1823 году в гимназии, где он учился, была раскрыта тайная организация антиправительственного толка – «Черные братья». За участие в ней Виткевич был лишен дворянства и сослан служить солдатом в 5-й линейный батальон Отдельного Оренбургского корпуса, который размещался в Орске. За несколько лет службы молодой поляк овладел персидским, казахским и

PHOTASALAMY

ИТАР-ТАСС

**Несмотря на сокращение
численности российской диаспоры,
Афганистан до сих пор
находится в лидерах
(по крайней мере, в Азии) по числу людей,
владеющих русским языком.**

узбекским языками. Кроме того, он знал английский, французский и немецкий языки. Когда в 1829 году Оренбуржье посетил известный немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт, переводчиком к нему был приставлен именно Виткевич. Гумбольдт проникся симпатией к своему помощнику и по прибытии в Оренбург похлопотал перед губернатором за образованного солдата. С этого момента судьба Виткевича резко изменилась. Его переводят в Оренбург, а в 1831 году он уже работает переводчиком в Пограничной комиссии. В 1836 году Иван Викторович прибывает в Бухару, где занимается сбором информации о положении дел в Средней Азии, изучает взаимоотношения между ханствами, собирает сведения о британских агентах, одновременно ведет переговоры с министрами бухарского эмира, склоняя их на сторону России... А

осенью 1837 года недалеко от Герата сотрудник британского посольства в Персии с ужасом обнаружил отряд казаков, возглавляемый молодым офицером. Это и был Виткевич, который прибыл в Кабул с дипломатической миссией в декабре того же года. Надо заметить, что британцам миссия русских казалась очень опасной. Как и вообще Российской империя в тот момент. Общая тональность лондонских газет того времени в отношении России сводилась к тому, что «русский дьявол» постоянно «раздражает» своими «аферами» и «выходками» мирную Британскую империю.

Между тем Виткевич произвел весьма благоприятное впечатление на шаха Дост-Мухаммеда, и, несмотря на сильное противодействие с британской стороны, кабульский правитель принял предложение о союзе с Россией. А в 1838 году Министерство иностранных дел Британии выра-

зило резкий протест российскому послу в Лондоне в связи с деятельностью Виткевича в Кабуле. В 1839 году Виткевич приехал в Петербург, где через 9 дней после прибытия был найден застреленным в номере гостиницы, в которой остановился. Обширный архив, привезенный Иваном Викторовичем, бесследно исчез.

Именно миссия Виткевича в Кабул, начало переговоров с Дост-Мухаммедом и передислокация персидских войск, произведенная под влиянием русской дипломатии, развязали первую из трех англо-афганских войн (1838–1842).

Чем так важен Афганистан? Почему за эту территорию постоянно воевали разные народы? Ответ на эти вопросы нужно искать в географическом положении страны. Ведь Афганистан лежит на перекрестке путей, соединяющих Иран, Среднюю Азию, Индию, западную часть Китая.

Борьба за интересы

Постоянное соперничество России, а позднее и СССР, с западными державами за сферы влияния

Министр
иностранных дел
СССР Андрей
Громыко и
премьер-министр
и министр
иностранных дел
Демократической
Республики
Афганистан
Хафизулла Амин.
1978 год

в Афганистане привело к тому, что начиная с конца XIX века и на протяжении столетия российская политика в отношении этой страны носила агрессивный характер. Цель внешней имперской и советской политики заключалась в том, чтобы различными способами навязать южному соседу свое влияние, а иногда – и собственную модель политico-экономического развития. С другой стороны, в истории российско-афганских отношений наблюдались и периоды добрососедства, взаимовыгодного сотрудничества.

Так, с провозглашением независимости Афганистана в 1919 году первой державой, признавшей новое афганское государство, была именно Советская Россия. Обе страны заключили в 1921 году договор о дружбе. При этом в постреволюционный период костяк русской диаспоры в Афганистане составляли люди, бежавшие из Советской России.

В Афганистан стала поступать советская финансовая, военная и материальная помощь, росли объемы советско-афганской торговли, начался культурный обмен между странами. В Афганистане появились первые советские специалисты; при их помощи, например, в стране были проложены сети связи – телеграф и телефон.

Экономическое и торговое советско-афганское сотрудничество развивалось довольно ровно до начала 30-х годов, пока к власти в Афганистане не пришел установивший деспотический режим Надир-шах. В результате Москва постепенно утратила интерес к Афганистану, ограничив связи дипломатическими контактами. Итак небольшая русская диаспора в Афганистане практически полностью исчезла.

После окончания Второй мировой войны и особенно с середины 50-х годов XX века в отношениях двух стран стали происходить радикальные изменения, что самым непосредственным образом отразилось на численности русских в Афганистане. В 1954 году было подписано советско-афганское соглашение о строительстве в Кабуле при советском техническом содействии хлебокомбината

и асфальтобетонного завода; в 1956 году – соглашение об оказании военной помощи; наконец, в 1959 году во время визита премьер-министра Афганистана М. Дауда в Москву было подписано масштабное соглашение о расширении советско-афганского сотрудничества. В том же году было создано Советское общество дружбы и культурной связи с Афганистаном. В Афганистан были направлены советские инженеры, проложившие главную транспортную магистраль страны – дорогу, идущую от Кабула до территории СССР через ставший

впоследствии знаменитым перевал Саланг. В Баграме, Шинданде и Мазари-Шарифе были построены аэропорты. С 1961 года был наложен обмен военным опытом. С расширением сотрудничества между двумя странами в Афганистане появилась крупная колония советских специалистов – советников, инженеров, техников, геологов, переводчиков. Работая на стройках, предприятиях и в различных ведомствах, советские специалисты не только устанавливали деловые отношения с афганскими партнерами; несмотря на огра-

PHOTAS/ALAMY

АФГАНИСТАН: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Страна граничит с Пакистаном, Ираном, Туркменией, Узбекистаном, Таджикистаном, Китаем и Индией.

По данным первой всеобщей переписи 1979 года, население Афганистана составляло 15,5 млн человек. По оценкам 2003 года, в стране проживало около 29 млн человек.

Примерно 40% населения – представители пуштунских племен, 25% – таджики, 19% – хазарейцы, 9% – узбеки, 3% – туркмены. Официальные языки Афганистана – пушту и дари (афганский диалект фарси).

Из-за продолжающихся в течение почти 30 лет военных действий экономика страны пришла в полный упадок. Огромное число беженцев из Афганистана до сих пор находятся на территориях Ирана и Пакистана. В 1979 году была основана Академия наук Афганистана.

Национальный музей в Кабуле обладал особенно ценностями материалами первобытного, древнегреческого и буддийского периодов истории страны. Однако в 1993 году, после того как музей попал в зону боев, большая часть коллекции была разграблена.

PHOTOEXPRESS

ничения, налагавшиеся советским посольством, они завязывали товарищеские, а зачастую и дружеские связи с афганцами, бывали у них в гостях, приглашали к себе в гости. Многие после окончания срока работы в Афганистане оставались в стране, большинство вместе со своими семьями. Это был первый, беспрецедентный опыт массовых контактов советских и афганских людей. Афганское слово «шурави» («советский») стало синонимом доброты, дружеских симпатий, благорасположения, готовности помочь. Тогда, в 60–70-х годах XX века, численность русской диаспоры, проживавшей в Афганистане на постоянной основе, составляла, по разным оценкам, около 10 тыс. человек. Правда, к концу 70-х годов Москва попыталась наполнить своим присутствием все мыслимые и немыслимые сферы общественно-политической, социальной, экономической и культурной жизни Афганистана. В Кабулском политехническом институте, например, в штате состоял советский советник-водопроводчик, при Министерстве сельского хозяйства работали советники по пастбищам. Советское влияние было велико даже в созданной пионерской организации Афганистана¹.

Война без конца

Весной 1978 года в Афганистане произошла Апрельская революция,

PHOTOEXPRESS

в ходе которой к власти пришла ориентированная на СССР Народно-демократическая партия Афганистана. Страна была переименована в Демократическую Республику Афганистан, было объявлено о ликвидации всех форм эксплуатации крестьянства, введении госконтроля за экономикой, провозглашено равноправие женщин и национальных меньшинств, объявлен курс на ликвидацию безграмотности. Реформы новой власти привели страну к хаосу и гражданской войне. В итоге в самом конце 1979 года кремлевские руководители приняли роковое решение о вводе советских войск в Афганистан. Афганская война для СССР, по сути, началась 27 декабря 1979 года; и по злой иронии судьбы, это

произошло в рамках штурма дворца президента Афганистана Х. Амина, который, собственно, не только выступил с призывом ввести советские войска в страну, но даже успел одобрить это вторжение. Штурм дворца Амина вошел во все учебники как пример блестящей операции частей спецназначения. В результате операции Амин был убит.

Как известно, введение «ограниченного контингента» не привело к стабилизации ситуации в Афганистане, а,

напротив, резко на-
калило обстановку в
стране и дало мощ-
нейший импульс к
партизанской войне,
активно инспириру-
емой и поддержива-
емой извне. В резуль-
тате, потеряв почти

Парад в честь
годовщины
Апрельской
революции.
Афганские
ополченцы.
1987 год

15 тыс. убитыми, в 1989 году советские войска были вынуждены покинуть Афганистан. После вывода советских войск положение в стране еще больше ухудшилось. К середине 90-х годов победу в гражданской войне одержало радикальное исламистское движение «Талибан». 29 сентября 1996 года талибы объявили Афганистан Исламским Эмиратом. Однако уже в конце 2001 года после террористических актов в Нью-Йорке, ответственность за которые была возложена на скрывавшегося на территории Афганистана Усаму бен Ладена, талибы были выбиты из Кабула и вновь перешли к партизанской тактике. В 2004 году президентом страны стал опиравшийся на оккупационные войска НАТО Хамид Карзай. Как известно, гражданская война в Афганистане продолжается по сей день, а талибы вновь стоят у ворот Кабула...

Разумеется, говорить о нормальном функционировании российской диаспоры в Афганистане в подобных условиях не приходится. За последние 20 лет она сократилась в десять раз: из 15 тыс. человек, проживавших в стране на момент ввода советских войск, страну покинули 90%. В Афганистане остались лишь около 1500

лье. В июне 2001 года глава движения «Талибан» М. Омар запретил даже символ христианства – изображение креста. Кардинальных изменений в лучшую сторону не произошло и после свержения режима исламистов. Таким образом, сегодня в связи с тяжелой экономической и политической ситуацией, присутствием в стране международного воинского контингента, постоянными бомбардировками афганских городов и т.д. и т.п., увеличение числа русской диаспоры в Афганистане и создание каких-либо ее организаций не представляется возможным.

С другой стороны, есть некоторые признаки грядущих перемен к лучшему. Так, начиная с 2004 года специалисты из России помогают создавать этнографический музей в

Российская диасpora в Афганистане за последние 20 лет

**сократилась в десять раз:
из 15 тыс. человек, проживавших в стране
на момент ввода советских войск,
страну покинули 90%.**

человек, для которых жизнь вне этого государства по разным причинам не представлялась возможной. Но и это число постоянно сокращалось. Интересно отметить, что, несмотря на катастрофическое сокращение численности российской диаспоры, Афганистан до сих пор находится в лидерах (по крайней мере, в Азии) по числу людей, владеющих русским языком. Сегодня эта цифра составляет приблизительно 100 тыс. человек, что не удивительно: Россию и Афганистан связывают давние отношения в области образования. Для Афганистана в вузах СССР и России были подготовлены многие тысячи специалистов в различных областях. Сегодня есть все основания полагать, что изучение русского языка в Афганистане переживает период нового подъема. Сотни студентов различных афганских вузов изучают русский язык,

и число их постоянно растет. В настоящее время в высших учебных заведениях Российской Федерации специальность получают около 300 граждан Афганистана. Ежегодно из России афганцам выделяются стипендии на обучение. Так, в ведущем вузе страны – Кабульском государственном университете – русский язык изучают почти 200 студентов. Что касается структурной организации русской диаспоры, то она фактически отсутствует по причине, во-первых, ее малочисленности и, во-вторых, довольно жесткого контроля правительства Афганистана за выходцами из других государств. Отсюда отсутствие и СМИ на русском языке, и всевозможных организаций русскоязычного населения в Афганистане. То же касается и христианства. После прихода к власти талибов христиане были или уничтожены, или ушли в глухое подпо-

древнем Герате. Другой пример: в декабре 2007 года в здании российского посольства в Кабуле прошла конференция «Русистика в Афганистане: прошлое, настоящее, будущее», на которой русисты со всей страны обсудили ситуацию с изучением русского языка в Афганистане.

Что ж, если мир когда-нибудь придет на суровую землю Афганистана, то мы можем надеяться и на оживление деятельности русской диаспоры в стране. Пока же чуть ли не единственными ее представителями являются сотрудники гуманитарных миссий, помогающие населению страны, где вот уже 30 лет не прекращается гражданская война... ☩

Автор – кандидат исторических наук.

¹ Пиков Н., Никитенко Е., Тегин Ю., Шведов Ю. Война в Афганистане. М., 1991. С. 189.

МУЗЫКА И ВРЕМЯ

Ярославский иллюзионист создал первый и единственный в России частный музейный комплекс «Музыка и время».

Оксана Прилепина
Фото Владимира Марченко

ТРИ НЕБОЛЬШИХ ОСОБНИКА, когда-то принадлежавших купцу Вохромееву, тонут в вишневом саду. Звучит патефон. В кованых под старину кроватях и утюгах – клумбы, журчит фонтан. За воротами – залитая солнцем набережная Волги, толпы туристов в Беседке любви. Это та часть набережной Ярославля, где не каждый банк может приобрести недвижимость.

Из главного особняка с вывеской «Музей «Музыка и время» доносится протяжный голос с выраженным еврейским акцентом: «Быть счастливым – не обязательно много де-енег. Достаточно окружить себя тем, что тебе нра-авится». Под скрипучую шарманку Джон Мостославский нарочито фальшиво, но с чувством тянет: «Где же ты, моя Сулико-о?!» К шарманке присоединяются старинные часы: начинают бить то с одной, то с другой стены. Часов здесь несколько десятков, все показывают разное время, и оттого дом то и дело наполняется глубоким боем. В общем, с порога посетитель погружается в атмосферу совершенного недоумения относительно того, какой на дворе год и век.

Окружение духовностью

Нет четкой системы и в расположении коллекции. Осмотр начинается с зала, где «живут» патефоны, граммофоны, шарманка (Одесса, начало XIX века), симфонион (музыкальный ящик со сменными музыкальными дисками), фисгармония (Санкт-Петербург, начало XX века). Фисгармония – это клавишно-духовой

инструмент, который выглядит как небольшое пианино. Двумя широкими педалями нужно энергично нагнетать воздух в трубы. А вот две музыкальные шкатулки – детская и девичья (Германия, XIX век). К девичьей прилагается 80 дисков с танцевальными мелодиями: румба, самба, менуэт, танго... Два граммофона (США, Германия, конец XIX века), музыкальная тумба (Германия, 20-е годы XX

века), напольные часы семьи А.П. Чехова работы знаменитого Густава Бейкера, каминные часы именитой фирмы Павла Буре, выполненные по заказу губернского прокурора. «Но не подумайте, что 15 лет назад, когда я открыл свой музей, все звучало и двигалось, – делает владелец во время экскурсии лирическое отступление. – Годы уходят, чтобы тот или иной инструмент зазвучал.

У граммофона вон пружины трещат, шестеренки выходят из строя. Бегу искать толкового механика. А старшее поколение меня всегда спрашивает: «Где ты берешь металлические иглы?» Вопрос в точку. Наша промышленность их уже не выпускает. А в Германии есть специальные магазины для пенсионеров, которые по домам еще слушают патефоны. Многие еще по домам слушают патефоны. Туда и езжу». В другом зале – 350 утюгов разных конфигураций, размеров и эпох. Например, есть крошечный – ленточный, для манжет и галстуков. Но несомненный хит – американский экземпляр начала XX века, работающий на... самогоне! Надо ли объяснять, что алкогольная модель в России не

прижилась, потому как наш человек не был готов тратить 120 граммов вышивки на одну рубашку. А вот потрясающие золотофонные иконы. Такой богатой коллекцией не владеет ни один музей России, утверждает Джон Мостославский. Их здесь порядка 200, в том числе храмовых. Но выставлены не все – из-за проблем с охраной (раньше по

сковских, а затем и всей страны. Для того чтобы изготовить золотофонную икону, требовалось несколько мастеров. Один оборачивал доски в золото, после чего к работе приступал цирювщик (цировать – чертить резцом на металле, камне, дереве узоры. – Прим. ред.), который отшлифовывал поверхность, а уж затем богомазы писали лики святых.

Некоторые пластинки – в единственном экземпляре.

Их часто просят на съемки кинофильмов.

Во время экскурсий
можно выбрать пластинку с полки
и попросить ее послушать.

доброте душевной охрану обеспечивала областная администрация. Новый же губернатор счел расходы на частный музей излишними). Оказывается, первые золотофонные иконы начали делать в Пошехонии Ярославской губернии. Где пошехонцы брали золото, до сих пор остается загадкой: поблизости добывать его негде, однако жители Ярославской губернии первыми в России догадались класть куски бренного металла в бычий пузырь и всей семьей до вечера бить его молотками до тех пор, пока не получится фольга. Этой фольгой покрывали иконы и золотили купола церквей: сначала мо-

«Меня часто спрашивают, не хочу ли я отдать иконы церквям. – Джон Мостославский сам поднимает щекотливую тему. – Не хочу. Хотя две иконы XVIII века я уже подарил церкви Михаила Архангела. Просто она находится по соседству, мы в одно время занимались восстановлением зданий: он – церкви, я – особняков, подружились. Так вот, меняются времена и люди, у людей память короткая. Они забыли времена, когда эти иконы жгли, продавали, как некоторые священники брили бороды, а я в это время с риском прятал их у родных и знакомых, чтобы максимально сохранить

Традиционно экскурсия заканчивается колокольным звоном. У Мостославского более тысячи колоколов, но выставлено порядка 600, остальные пока хранятся в запасниках. Самые ценные – произведенные товариществом Оловянишниковых в начале XX века. Колокола Оловянишниковых, отца и сына, славились по всей России. Однажды Николай II, проплывая в мае 1913 года по Волге мимо Ярославля, лично посетил колокольных мастеров. И попросил отлить 100 колоколов серебром по случаю праздника 300-летия дома Романовых, чтобы дарить по колоколу каждому важному заморскому гостю. Один из таких колоколов хранится в музее с надписью: «От Рюрика до Романова. От Михаила до Николая».

духовное наследие. Меня считали одиозным человеком, я всегда был под наблюдением уголовного розыска. На меня было заведено дело с записью: «Мостославский Джон Григорьевич. Родился на Дальнем Востоке в Благовещенске. Профессиональный иллюзионист. Опасен. Склонен к приобретению антиквариата». За это свое увлечение я даже провел в тюрьме пять лет. Но теперь все в прошлом, я зла не таю. И с гордостью считаю себя человеком состоявшимся. Я окружил себя духовностью и могу делиться ею с окружающими. Вот оно, счастье».

ЗВОНИТ КОЛОКОЛА

Рядом с иконами разместилась на полках коллекция из 15 тыс. пластинок с прижизненными записями Энрико Карузо, Федора Шаляпина, Леонида Собинова, Маттео Баттистини, Александра Вергинского, Леонида Утесова, Клавдии Шульженко, Изабеллы Юрьевой, Михаила Козина, все доклады Иосифа Сталина, речи Ленина, Лазаря Кагановича, Андрея Вышинского... Некоторые пластинки – в единственном экземпляре. Их часто просят на съемки кинофильмов и телепередач. Во время экскурсий можно выбрать пластинку с полки и попросить ее послушать.

Сий колокол отлит по заказу Николая II. Маленькие же колокольцы развесаны при выходе из музея по звучанию: в две октавы. Молодые девушки – научные сотрудницы музея – играют на них мелодии популярных некогда песен.

Во втором особняке всегда стоит специфический, но приятный запах смазки для патефонов, которые временами разбирают механики. Наверху – органный зал, правда, орган – современный. Немецкие мастера делали его на заказ с учетом акустики помещения. В органном зале по несколько раз в год проходят концерты с участием му-

зыкантов разных стран, которых специально приглашает руководитель Ярославской филармонии. В этом здании после раскулачивания купца Вохромеева располагались коммунальные квартиры. Джон Мостославский снес лишние стены, заново возвел обрушившиеся и обгоревшие своды. И теперь дом состоит из четырех комнат, где размещены экспонаты. В частности, около 200 фигур каслинского чугунного и бронзового литья работы таких скульпторов, как Р.Р. Бах, Е.А. Лансере, П.К. Клодт, Н.И. Либерих... Около 2000 фигур из фарфо-

ра, в основном знаменитого Кузнецкого завода. Есть и штучные экземпляры местного Рыбинского фарфорового завода, которые не пошли в серию. Фигурки расположены по темам. Глазурованные Горький, Чапаев, Чайковский, Пушкин, Есенин. Спортсмены, пожарные, космонавты, материество, детство, цирк, произведения Гоголя, басни Крылова, сказки Пушкина и Бажова, рассказы Льва Толстого, Чехова, советский кинематограф, «Мастер и Маргарита», танцы народов мира, великие русские балерины... Всего и не перечислить.

Интерьеры оформлены непринужденно: в углу – лампадка XVIII века, горка XIX века, по стенам – как лейтмотив – часы. В каждой комнате размещается действующий камин – «на случай отключения отопления зимой за неуплату электричества». Мостославский стремится воссоздать усадьбу такой, какой она была при купце, используя архивные документы.

Часов здесь несколько десятков,
все показывают разное время,
и оттого дом наполняется
глубоким боем.

Собрав такую сокровищницу, антиквар не смог жить в другом месте и разместился в мансарде с нехитрой, но антикварной обстановкой: кованая кровать, стол, стул, транзистор, настроенный на «Эхо Москвы». А в другой комнатке – холодильник, стол, стул, кресло-качалка и микроволновка. «Человеку больше места и не нужно».

Как Карлсон

Все началось с козьих колокольчиков. Джон Мостославский еще мальчиком срезал колокольчики у соседских коров и коз, за что был неоднократно бит сельчанами. С этих экспонатов и началась коллекция. Затем Джон стал собирать утюги, которые с появлением электричества всеми выбрасывались. Привозил «трофеи» из Хабаровска, где служил разведчиком, и из всех своих гастролей иллюзиониста. (Джон Мостославский – ученик «короля волшебников» Игоря Кио.) Вскоре у фокусника появилась семья – трое сыновей, мальчики увлеченно помогали папе выгружать из машины то фисгармонию, то еще какое-то драгоценное старье. Во все поездки фокусник брал с собой «жидкую валюту», на которую можно было легко выменять что угодно. На гонорары он первым в Ярославле ку-

пил и особняк Вохромеева в начале перестройки, когда еще не был написан закон о продаже культурного наследия в частную собственность. Как он уговорил власти и все это оформил – тайна за семью печатями. Но он сам с сыновьями днями и ночами реставрировал помещения. Сейчас сыновья тоже активно работают на музей: один – директор, второй – коммерческий директор, третий – застройщик. Папино дело поставлено на широкую ногу. При нем создана мастерская, которая производит сувениры, в том числе майолику. Все это приносит доход, на который строится еще один особняк – оставшийся только в архивных рисунках каретный ряд. Мостославские планируют в этом ряду сделать водопадики с подсветкой, посадить туда гончаров и кузнецов развлекать народ, обучать зевак ремеслу. Причем думают успеть за-

**В органном зале
несколько раз в год проходят концерты
с участием музыкантов разных стран,
которых специально приглашает
руководитель Ярославской филармонии.**

пустить все это к следующему лету. Параллельно ведется бумажная работа с учреждениями культуры: некоторые экспонаты музея внесены в государственный реестр, что дает

возможность получения государственной поддержки.

После открытия музея Джон Мостославский довольно быстро стал известным и уважаемым человеком в

городе. К нему съезжалось местное чиновничество, бывали и столичные звезды. Не так давно в органном зале прошло официальное совещание губернаторов России. Однако он не ведет богемного образа жизни: «По ресторанам вы меня не увидите и с бутылкой пива тоже». Вечерами ходит в театр, на хоккей, сидит в баньке, а отпуска проводит у братьев в Израиле, США или Германии. «Меня братья зовут эмигрировать, но я никуда не поеду, конечно, – говорит Джон. – Во-первых, не могу бросить музей. А во-вторых, я бы просто не смог жить в той же Америке. Я ничего не хочу из поданного на блюдечке, мне не нужно, чтобы соцработники приходили чистить мозоли. Жизнь – это борьба. Пока я борюсь с чиновниками за согласования, доказываю, что не верблюд, живу на чердаке, как Карлсон, среди вещей, которые я собрал, – чувствую себя крепким и здоровым. Если всего этого не будет, наверное, умру сразу. Мне интересен и мой труд, и мой дом. Такая вот жизнь пенсионера. Кстати, я получаю две пенсии. Одну – обычную, вторую – от фонда «Благосостояние» – «За заслуги перед Отечеством» – 10 500 рублей».

Конюшня с самоварами

Целыми днями в музее кипит жизнь: садовник ухаживает за палисадом, восемь научных сотрудниц протирают пыль, заводят часы, читают лекции на нескольких языках, повара ресторана пекут пирожки. А по выходным сюда приезжают молодожены на обряд хомутания. Комната со 150 серебряными и медными самоварами имитирует... конюшню. Невеста надевает жениху на шею хомут, после чего происходит самодеятельное «кодирование» от алкогольной зависимости – актуальной проблемы современного ярославского брака. Делается это так. Молодые фотографируются за чаепитием из самовара под иконой святого Бонифатия, спасающего от запоя. И Джон Мостославский неизменно произносит русскую поговорку: «Чай пьешь – голубем летаешь, водку пьешь – на земле лежишь». Есть и более фривольные варианты на тему влияния алкоголя на потенцию. Далее молодые могут «щелкнуться» на позолоченном стуле, некогда принадлежавшем даме, чье имя кануло в Лету, но фотография сохранилась. Пухленская женщина с недоуменным лицом стоит у этого стула, опираясь на зонтик.

Все же удивительно переплетение времен и нравов в «живых» музеях – в таких, где живут люди, работают все механизмы, где экспонаты можно трогать руками или слушать сколько угодно. Вероятно, не переведутся на земле люди, которые будут собирать старые вещи и делиться культурным наследием со всеми желающими. «Для меня музей это, конечно, не бизнес, – прощается Джон Григорьевич. – Я всю жизнь себя ущем-

лял, чтобы собрать коллекцию. Когда все сам зарабатываешь, думаешь, как правильно потратить, как правильно жить. Может, стоило все продать, купить пару торговых центров – и голова не болит. Деньги тебе несут, ты откладываешь на Мертвом, на Красном море, во Франции – многие так и живут. Но так неправильно. Жизнь-то короткая, а что ты оставишь на земле после так называемой красивой жизни? Ничего». ●

Зоя Мозалева [Рязань]
Foto Андрея Семашко

НЕБО В ГОРОШЕК

«Небо обладает особым магнетизмом, – убеждает участник фестиваля из Самары Сергей Шабанов. – И если хоть раз почувствовал его притяжение, от этого уже никогда не отделаться». Сергей говорит со знанием дела. Он – мастер спорта международного класса по парашютному спорту. Количество прыжков, совершенных им, измеряется тысячами. Когда вынужден был прекратить прыгать, попытался заменить «небесные» ощущения чем-нибудь другим – занялся джиппингом, пробовал дайвинг. Но ничто не смогло пересилить притяжения неба... Тогда в его жизни появились воздушные шары. «Когда я начинал, в России воздухоплавание еще совсем не было развито, учиться летать ездил в Венгрию, аэростатов отечественных практически не было, – вспоминает Сергей. – Сейчас, конечно, увлечение шарами получило гораздо большее распространение. И это вполне понятно: ощущение полета ни с чем не сравнимся. Небо притягивает как магнит. И справиться с этим невозможно...». «Небо России» в этом году притянуло 26 пилотов из Рязани, Москвы и области, Великих Лук, Ставрополя, Тулы, Киева... А уж сколько было притянуто рязанцев, пришедших посмотреть на небесную феерию, подсчитать трудно. Особенно, конечно, радовались дети, которые получили возможность подняться в корзине шара над стадионом «Локомотив», где проходили основные воздушные события.

Фестиваль шаров в Рязани уже старая традиция. Первый состоялся еще в 1990 году. Тогда из 20 команд-участников была только одна российская. Остальные – сплошь иностранцы. Теперь отечественных воздухоплавателей заметно прибавилось.

Три августовских дня небо над Рязанью расцвечивалось пестрым узором воздушных шаров – фестиваль «Небо России» собрал воздухоплавателей из разных уголков страны и сопредельных государств

Милость природы

Участники фестиваля собирались в Рязани заранее, чтобы подготовиться к выступлениям. И все проходило гладко. Как говорится, погода благоприятствовала. А вот в день торжественного открытия «Неба» природа заставила покерничать и организаторов фестиваля, и участников. Дождь зарядил с самого утра и останавливался, кажется, не собираясь. Только перед самым началом церемонии открытия дождь как будто выключили. И все участники смогли проследовать по центру города в сопровождении стройных барабанщиц, ретроавтомобилей из московского клуба автоэкзотики, духового оркестра, музыканты которого умудрялись на ходу даже приплясывать в такт. Но больше всего в этом шествии впечатляли огненные фейерверки, их исторгали

огромные «примусы», без которых ни один уважающий себя воздухоплаватель не может существовать: с помощью этих агрегатов надувают воздушные шары. Языки пламени поднимались на серьезную высоту, и казалось, вот-вот пережгут провода. К счастью, обошлось без эксцессов, и огромная вереница из людей и машин благополучно добралась до места открытия фестиваля.

«Погода, конечно, нас здорово испытывала. В течение всего дня мы то и дело лазили в Интернет – смотрели, не будет ли просветов в этом дожде, – говорит пилот аэростата из Подмосковья Владимир Жаринов. – И даже когда дождь закончился, оставались опасения, что вот-вот полет снова – слишком долго он шел днем. Но погода сжалась над нами».

Наверное, сказалась близость воздухоплавателей к небу... Небо милостиво к тем, кто его любит.

Правила воздушного движения

Вождение аэростата во многом сродни мастерству езды на автомобиле. Чтобы получить разрешение на управление шаром, надо заработать это право. В специальной школе воздухоплавания научат необходимым навыкам и дадут лицензию. Вот только обучение в «шароклассе» обойдется несколько дороже, нежели в «автомобильном», – здесь цена обучения около 1800 евро. Вообще, полеты – дело затратное. Достаточно сказать, что стоит аэростат не меньше миллиона рублей. Но это не пугает любителей неба и воздушных шаров. Заболевших этим хобби становится все больше и больше.

«Только у нас в Великих Луках сегодня примерно 14 пилотов, – рассказывает один из участников фестиваля, Дмитрий Кравченко. – И это увлечение набирает все большую популярность». Пример Дмитрия весьма показательный. Он и сам управляет шаром, и сына приобщает, так что теперь у шара VZEF уже два пилота. Кстати, Кравченко-младший и профессию выбрал, связанную с небом, – учится в авиационном училище. Кто знает, может быть, именно воздухоплавание повлияло на этот выбор.

ФЕСТИВАЛЬ | «НЕБО РОССИИ»

У воздухоплавателей своя «светофорная» система – разные цвета флагов информируют пилотов, можно ли лететь. Такие правила движения применяются на спортивных соревнованиях. Каждый шар на соревнованиях оснащен специальным прибором – логгером, который фиксирует все перемещения аэростата, в том числе и по вертикали. Во время соревнования прибор опечатывается, и судьи потом могут убедиться в правильности выполнения задачи, поставленной условиями конкурса.

Покорение сердец на лету

Фестиваль «Небо России–2009» проходил в два этапа. Первый, зреющий, абсолютно для всех. Его могли оценить даже те, кто не смог прийти на фестиваль: каждый вечер над городом проплывали разноцветные красавцы – воздушные слоны, как часто называют аэростаты.

Вторая часть фестиваля – спортивная. В деле вождения шаров масса тонкостей. Только непосвященные думают, что шар подчиняется лишь воле ветра. Да, лететь он может только по направлению ветра, но... опытные водители могут выполнить сложные пируэты, владея тем минимумом способностей маневрирования, которыми обладают летающие гиганты. Поэтому среди спортивных состязаний, которые проходили на «Небе России», конкурсы были не из простых. «Мы старались сделать задания разнообразными, – рассказывает главный вдохновитель и организатор фестиваля Лев Маврин. – Чтобы и зрителям было на что посмотреть, и участникам было интересно. Мы проводим фестиваль не первый раз и от года к году вводим что-то новое». Скучно не было ни тем, кто смотрел, ни тем, кто летал. Состязания были самые разные – от аэрофутбо-

Фестиваль шаров в Рязани –
старая традиция.

Первый состоялся в 1990 году.

Тогда из 20 команд-участников
была только одна российская.

ла до «заплызов» по Оке. А больше всего впечатлил конкурс «Русская красавица»: пролетающие на аэростате должны были взять из рук барышни в народном костюме чарку с напитком. Говорят, некоторые не только выполнили задание, но и справились со сверхпрограммой – на лету успели и в любви признаться, и предложение руки и сердца сделать...

Самым сложным делом оказалось задание от главного спонсора. Участникам нужно было специальным маркером попасть в трубу установленного на поле домика. А размер этой трубы был всего 25x25 см... Задача оказалась чересчур сложной – спонсорский подарок, 100 тыс. рублей, так и не нашел своего хозяина. Зато другие задачи оказались по плечу воздухоплавателям. Сбить корзиной стоящую коробку от холодильника смогли легко, тем более

что за это ловкому пилоту досталась уже не коробка, а холодильник. Победителем очного зачета соревнований стал воздухоплаватель из Подмосковья Владимир Жаринов. А в региональном зачете победу одержал Александр Маврин. Кстати, баллы, которые спортсменам удалось заработать на рязанском фестивале, будут учтены при составлении российского воздухоплавательного рейтинга.

Полку графов прибыло

Каких только узоров не увидели на этом фестивале рязанцы! Самая пестрая цветовая гамма, самые разные изображения. Особенно эффектно смотрелся шар с изображением Че Гевары. Владелец «шара-команданте» Игорь Наймилов из Жуковска добирался до «Неба России» долго: ехал из Пермского края, по дороге сломалась машина, и к началу фестива-

Когда братья Монгольфье создали аэростат,
Людовик XVI присвоил тем, кто летал,
графский титул.

Теперь каждый, кто совершил полет
на шаре, становится графом или графиней.

ля Игорь не успел. Но появление на стадионе шара с изображением Че Гевары произвело фурор. К тому же хозяин шара успел вволю покатать маленьких гостей «Неба России».

Надувание огромного шара – целая наука, но в умелых руках опытных пилотов и их помощников все это происходит в считанные минуты. Разворачивание шара, нагнетание холодного воздуха, потом горячего – и вот перед зрителями расцветает красавец-шар.

Взлет происходит мягко, набор высоты тоже плавный. Никаких потрясений, никаких рывков – и вот уже рядом с корзиной проплыают макушки высоченных деревьев. По отношению к шарам не зря используют термин «воздухоплавание». Они действительно как будто плавают по воздуху. Медленно и степенно... Самая жесткая часть этого заплыва – посад-

ка. Новичков предупреждают, чтобы крепче держались – тут возможны некоторые потрясения. Но еще большее потрясение ждет дебютантов после приземления. У шаропочитателей существует целая церемония посвящения в воздухоплаватели. Новичка укладывают на уже свернутый шар. «Сегодня эта оболочка плавно подняла тебя в небо, – начинает тот, кому доверено совершить обряд посвящения – пилот аэростата, на котором произошел первый полет, – и по-матерински бережно опустила на землю...».

Когда-то, когда братья Монгольфье создали первый аэростат и смогли взлететь, Людовик XVI присвоил

тем, кто летал, графский титул. Воздухоплаватели свято сохранили завещенный Людовиком обычай, и теперь каждый, кто совершил полет на воздушном шаре, становится графом или графиней. К титулу присоединяется название местности, над которой происходил полет. Так что, общаясь с воздухоплавателями, не стоит забывать, что находишься сплошь среди графов. Здесь не просто Володи, Димы и Кати, как они, для простоты, себя называют. На самом деле это граф Архангельский, граф Казанский и графиня Костромская... Большинство тех, кто первый раз воспарил на шаре во время «Неба–2009», стали графами и гра-

«НЕБО РОССИИ» | ФЕСТИВАЛЬ

финями Рязанскими. Причем часть рязанской земли – та, над которой проходил первый полет, – теперь принадлежит новоиспеченным гра- фам. Одна незадача: принадлежность эта действительна, только когда землевладелец находится в воздухе. Ну, хотя бы подпрыгивает...

Новопосвященного щедро поливают шампанским, а остатки игристого напитка дружно выпивают все присутствующие на обряде присвоения титула. Кстати, в подтверждение нового статуса выдается специальный сертификат – воздухоплаватели ко всему относятся серьезно.

Воздушная гимнастка на воздушном шаре

Зрелищем, впечатления от которого долго останутся в памяти, стало ночное свечение аэростатов. Весь стадион был заполнен светящи-

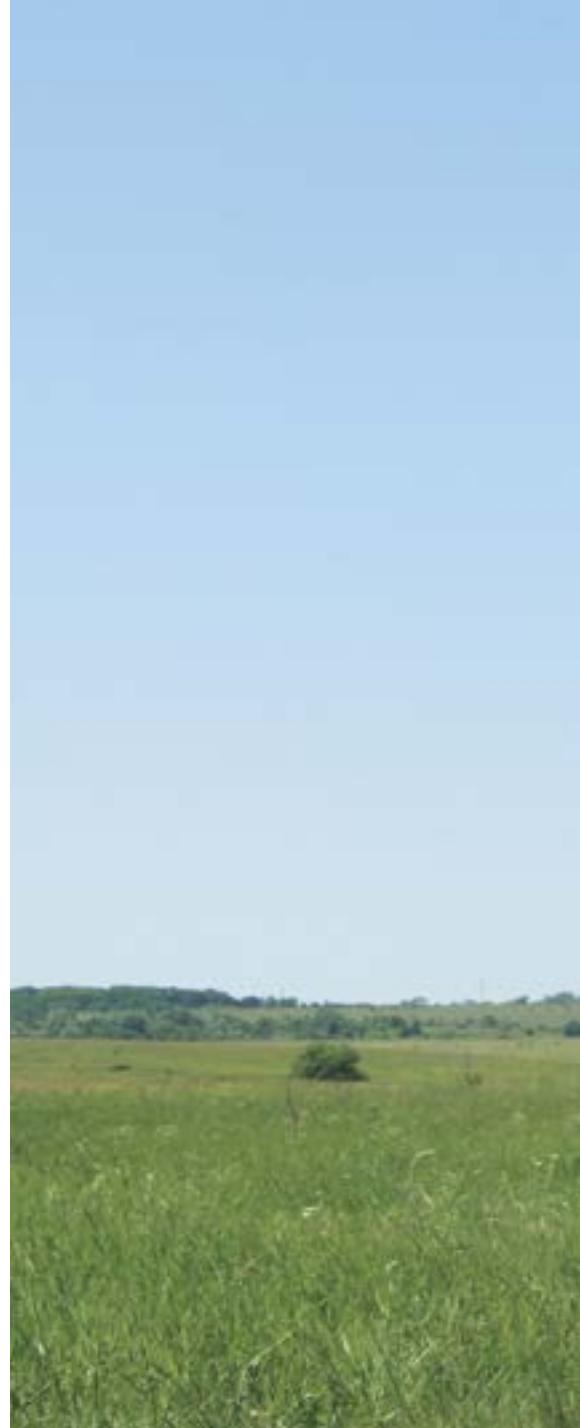
мися разными цветами – в зависимости от оттенка оболочки – шарами... И уж тем более незабываемый номер – выступление воздушной гимнастки, подвешенной к корзине аэростата. Такой трюк в России был проделан впервые. Головокружительные верчения гимнастки просто завораживали.

Как признается Евгений Рыбаков, пилот аэростата, к которому и была прикреплена гимнастка, он боялся сделать неверное движение, чтобы не покачнуть крепление, ведь это могло привести к травмам. Все прошло безупречно. И рязанцы, и гости фестиваля еще долго будут вспоминать замысловатые па гимнастки на фоне темного неба, подсвеченного аэростатами. Красота неземная, что и неудивительно, ведь происходило это действие на небе – «Небе России–2009». ●

Михаил Быков, фото Владимира Колесникова

ЗДОРОВО ПОБЛИЖЕ!

Люди близкие и не очень, прослышиав, что я отправляюсь куда-то, со столичной деловитостью осведомлялись, куда именно и зачем. Телеграфно точно ответить было затруднительно. Объяснял расплывчено: «На Дон». Реакция в большинстве случаев была бескураживающей. «А... ну, тогда понятно!» – говорили люди и бежали дальше. Выражение глаз лишь подтверждало, что не врут. Понятно – и все тут!

Действительно, что тут непонятного? До Тамбова, даже дальше, до Борисоглебска, трасса М-6 довольно веселая. Цепляешь глазом цифры на автомобильных номерах, обозначающих регион. Вот тамбовский парень, вот волгоградский, снова тамбовский, рязанский... А вот ребята из Московской области, тащат на спине скромной «десятки» надувную лодку. Макушка лета – и по обе стороны от трассы разбегаются поля, от вида которых в Подмосковье уже отвыкли. Ветер гонит желтую волну по пшеничным морям до горизонта. Приветливо кивают головастые подсолнухи, еще не уставшие держать на тонких шеях стеблей черные крути семечек. На версты вокруг кучеряется свекольная и картофельная ботва.

ДОН (В ДРЕВНОСТИ – ТАНАИС) – одна из главных рек европейской части России. По водосбору это пятая река Европы после Волги, Дуная, Днепра и Камы. Исток находится в Детском парке города Новомосковска Туль-

ской области. Дон течет также по территории Рязанской, Липецкой, Воронежской, Волгоградской и Ростовской областей. Ширина реки – до 550 метров. Глубина – до 6 метров. Течение быстрое. Общая длина – свыше 1870 километров.

СЛОВО «КАЗАК»

[до сих пор толкуют по-разному.

Одни доказывают его туранские корни,

другие – татарские, третьи – староиранские.

И переводы существуют самые разные:
белые сахи, беглецы, вольные головы...

Тамбовская область осталась позади, едем по Волгоградской. Машин заметно меньше. Дорожных знаков, предупреждающих о въезде в населенные пункты, вообще нет. Поэтому как нет никаких населенных пунктов по обочинам. И так – десятками километров.

Четкой границы, разделяющей землю обыкновенную и донскую казачью, разумеется, не существо. Вот на 750-м километре от Москвы райцентр Михайловка с единственной очевидной достопримечательностью – 100-метровой металлической телебашней. Вот загорелые, точно масай, дальнобойщики выясняют непростые отношения с преисполненными профессиональной мрачности милиционерами у поста ДПС, от которого до Волгограда еще

350 верст. Вот съезд с трассы направо – под указатель на Серафимович и Кумылженскую. Первый признак области войска Донского, понятный посвященному. Значится, кончились деревни Петровки да села Ивановы, впереди – станицы да хутора. Название «Серафимович» – это ведь тоже из чужого языка. Старинная станица Усть-Медведицкая – вот это что! Местные еще в советское время нашли компромиссный вариант: Серафим. Вот ужо в райкоме радовались-то! К слову, казачий хутор – это вовсе не отдельно стоящее хозяйство, как

привычно для меня, рожденного в Великороссии. Хутор на Дону – это та же деревня, когда на 30 дворов, а когда и на все 150, только присадебные сотки разделены не межами да заборами, а пространствами в десятки шагов.

Ни машин, ни людей... Чтобы не сбиться с пути, подсаживаю невесть откуда взявшегося молодого донца, бодро идущего в общую сторону. «На Серафим? – уточняет он. – И мне туда». Спрашиваю про автобус или иной какой способ добраться от трассы до райцентра. Все ж таки ки-

лометров 70–80. Казак, вцепившись загорелыми пальцами в спинку сиденья, поясняет, что автобус ходит редко, что ему после Серафимовича еще верст 20 до родного хутора Поповского, что доедет как-нибудь, а не доедет, так дойдет. И я верю – такой может. Мост через Медведицу, славный приток Дона, раскаленные степным солнцем стекла в окнах станицы Арчединской, откуда родом, по слухам, отец-мать Емельяна Пугачева. Еще верст 50 – и вот он Дон, неширокий, но быстрый и какой-то уверенный в себе, что ли. Сразу видно, почему от казака никогда не услышишь в его адрес слово «река». Только – Дон, имя собственное.

Переезжаем мост – и упираемся в развилку дорог. Одна ведет в центр Серафима и дальше – к знаменитому Усть-Медведицкому Спасо-Преображенскому женскому монастырю, стоящему тут с 1638 года. Другая дорога – в степь. Там, за лугами и курганами, – цепочка хуторов, нанизанных на донское русло, словно ягодки степной земляники на стебель ковыля. Большой Поповский, Ярской, Хованский, Затонский, Кузнециков, Рыбный. Дальше, сразу за местом впадения в Дон большого притока Хопра, – станица Усть-Хоперская, точно замочек на цепочке. В ней, родимой, появился на свет в 1890 году первый георгиев-

На хуторе Крутовском

Слово «казак» до сих пор толкуют по-разному. Одни специалисты доказывают его туранские корни, другие говорят о татарском происхождении, третьи настаивают на староиранском. Вспоминают о протосарматском языке, о скифском, о староболгарском. И переводы существуют самые разные: белые сахи, беглецы, вольные головы...

«А кони на хуторе есть?» – интересуюсь сразу после ужина. Вопрос напрашивался. Потому как, едва въехав в Крутовский, заметил, что нет ни куреней из «Тихого Дона», крытых сухим камышом, ни мужчин в синих штанах с красными лампасами. Зато есть скучные доми-

который с этими лошадками на ты. Сам Саша не местный, он – с Чира, это приток Дона, что течет южнее километров на 150. «Лошади обычные, казачьи. Без всяких там элитных кровей, – рассказывает он, сверкая глазами и большим серебряным православным крестом на груди. – Завтра поеду, еще привезу». «Зачем?» – резонно интересуюсь я. «Детей все больше, кони нужны», – поясняет Саша. И дальше, слово за слово, узнаю, что этот парень с характерным южным говором, ловкий в движениях, быстроглазый, организовал на хуторе то ли секцию, то ли школу по обучению местных ребятишек, а заодно и

Старинный казачий
«квадратный» дом

В 1887 году область войска Донского
являлась полноценной административной
единицей Российской империи
и включала 9 округов.
В том числе 6 городов, 121 станицу, 136 волостей.

ский кавалер Первой мировой войны донец Кузьма Крючков. Вместе с тремя однополчанами наткнулся Кузьма на германский разъезд в августе 1914-го, а немецких кавалеристов оказалось 27. Живыми из них ушли трое. Сам приказной (ефрейтор по-армейски) Крючков справился с 11 германцами. С кем – пикой, с кем – шашкой.

После Усть-Хоперской снова прячутся в зелени прибрежных оврагов казачьи хутора: Бобровский, Зимовной...

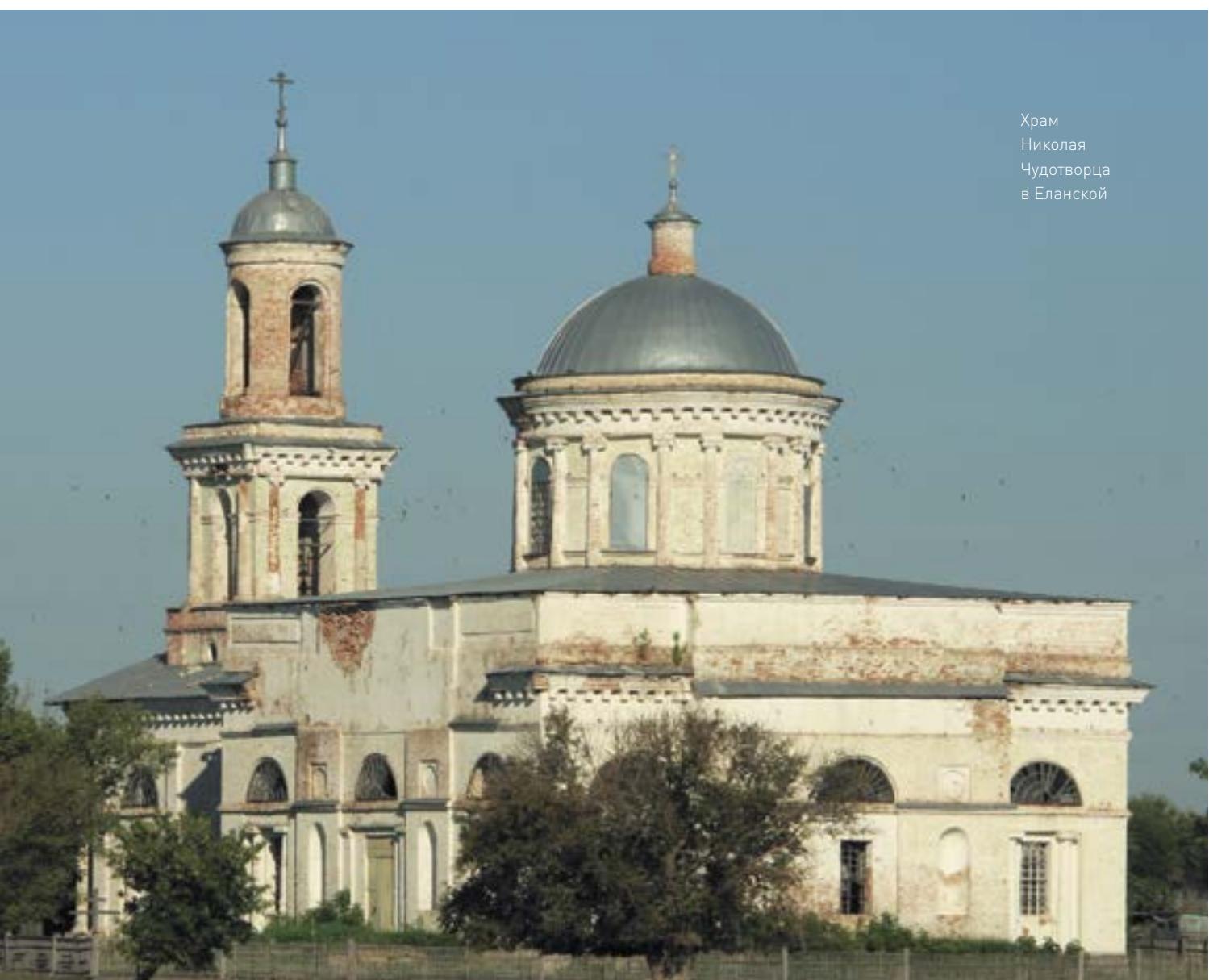
ки из белого силикатного кирпича, стада уток, болтающихся на улицах, видавшая виды сельхозтехника вокруг ржаво-черного бункера механического тока, сельпо... «Есть», – отвечает Владимир Колесников, природный казак, известный на Дону фотограф-пейзажист, который, собственно, и пригласил меня в эти заповедные места.

У простой коновязи под деревянным навесом стоят шесть лошадок. А около лошадок казак Саша лет 35,

детей-сирот азам «Казачьего спаса». О старинной, передаваемой от отца к сыну системе казачьей джигитовки и владения холодным оружием Саша может говорить часами.

Темнеет. Снизу, с Дона, подлетают все новые и новые комарики, а разговор, как костер, разгорается. Сашину группу казачат, в которой и мальчишки, и девчонки от 16 до 7 лет, уже знают не только на Дону. Приглашают выступать и тренироваться на Волгу – в Волгоград, Камышин, Чебоксары и на ЮГ – на Ставрополье и в Калмыкию. Были они и в столице Донского казачьего войска – в Новочеркасске, на большом казачьем круге. Но там Саше не понравилось. Слишком много оказалось «ряженых» казаков да вина с водкой. Герб Донскому казачьему войску даровал царь Петр I. На нем казак,

Храм
Николая
Чудотворца
в Еланской

сидящий на бочке. «Почему кто-то решил, что это винная бочка? – возмущается Саша. – Почему в голову не приходит, что это бочка с порохом?» Ребята из Сашиной команды прибрали за лошадьми, и он окликает одного из парней с необычным именем Сонат. «Покажи-ка фланкирование шашкой», – говорит ему Саша, поглядывая на нас с веселым вызовом. Сонат выносит из дома шашку, начинаются чудеса. Клинок играет в его руках, описывая серебристые круги в воздухе, а воздух посвистывает от удивления. Сонат останавливает руку, и шашка замирает «подвысь». Ну как тут удержишься, чтобы не попробовать? Фланкирование – дело непростое, на губах у казаков веселые улыбки. А шашка, шашка! Легкая, тонкая, послушная...

Казачий
мемориал
в Еланской

В июне в Крутовском прошел День хутора. Народ собрался со всех ближайших хуторов и станиц, приехали гости из Серафимовича. Праздновали на большом поле, где есть и самобытный ипподромный круг. Сашины ребята оказались гвоздем программы. А незадолго до начала праздника хуторской атаман Владимир Белохонь размышлял, чьим именем назвать главный приз за победу на скачках. По привычке прошлых лет первой на ум пришла фамилия Подтелкова, уроженца хутора Крутовский. Этого казака-большевика обычновенные казаки повесили еще в мае 1918-го. Но зверства подтелковские в станицах помнят по сей день. Как помнила одна из

хуторских старух, преставившаяся этой весной в 95 лет, о гибели своего отца. В 18-м он пошел за водой на степной родник. В хутор вошли революционные матросы. Народ попрятался по домам, а отец с ведрами в степи на виду. Но прежде на виду – красные лампасы на штанах. И полетели пули... Потом и дом разграбили. «Все вынесли, даже веники», – до самой смерти удивлялась старуха.

Подумал Белоконь, подумал – и дали призу имя атамана Каледин. Донцы произносят эту фамилию с ударением на последний слог – так правильно. Казачий генерал, герой Брусиловского прорыва Алексей Максимович Каледин тоже родом из этих мест – из Усть-Хоперской.

А вечером последнего моего дня в Крутовском в гости к Колесникову заглянул один из хуторских. Светло-русый чубчик, прозрачные голубые глаза, спокойный, надежный. «Знакомься, – говорит хозяин, – это Иван, офицер на Северном флоте, в отпуск приезжал

Дон (в древности – Танаис) –

одна из главных рек европейской части России.

По водосбору это пятая река Европы.

Ширина реки – до 550 метров. Глубина – до 6 метров.

Общая длина – свыше 1870 километров.

к родным, на днях на службу возвращается...». Когда Иван ушел, Владимир подытожил: «Фамилия его – Каледин».

Два памятника станицы Еланской

В 1887 году область войска Донского являлась полноценной административной единицей Российской империи и включала 9 округов. В том числе 6 городов, 121 станицу, 136 волостей и одно mestechko. В 1891 году население области насчитывало 2 млн 78 тыс. 878 жителей, среди них 966 тыс. 869 – казачьего сословия. Сегодня имеется 14 округов Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское», 9 из которых расположены на территории Ростовской области. Численность казаков,

не считая членов семей, – около 140 тыс.

Едем в степь. Здесь, на правом берегу верхнего Дона, степь – это не ровная, как стол, поверхность земли, на которой шевелится изнемогающая от жары флора. Здесь степь – это курганы высотой до ста метров над белым от мела берегом, это овраги, рассекающие склоны глубокими ранами с рваными краями, это распадки, до отказа набитые ивняком, вязами и дубами, в которых и прячутся испокон веку затянутые первыми казаками хутора. Здесь степь – это дикий ветер, которого так много в казачьих песнях, пригибающий к земле все, что вырастает выше колена. Стоишь под ударами его свежей моши и с места тебе не сойти. Назад под-

дашься – затолкает, забьет и уронит в жесткие и короткие веточки ча-бреца. А вперед – нету на то человеческой силы!

С высокого кургана над Доном на том – северном, плоском – берегу среди зеленых пятен отчетливо видна белая церковь. Это – в станице Еланской.

От Крутовского до Еланской по прямой километров 17. Если добираться по суше, на круг выйдет не меньше ста. Если по воде – Дон потребует минут 40. Идем на лодке – на моторе, разумеется. По Дону на веслах не ходят – бессмысленно. Течение столь стремительное, что сносит пловца, как перышко, стоит ему только оторвать ноги от дна. На веслах можно пробраться против течения только по самому бережку, где мелко.

Еланская – место особенное. Возникла станица в 1699 году. Через три года в ней насчитали 36 казаков. А спустя два века – 15 тыс. жителей. Приличный уездный город по тем временам. Жили в Еланях богато, работали мельницы, мага-

зины, гимназия, вырос свой купеческий класс. Еланская церковь, отстроенная казаками в камне к 1826 году и освященная в честь победы над французом в войне 1812 года, была, почитай, самой большой на верхнем Дону. Все кончилось, когда станица оказалась в центре казачьей смуты в марте 1919 года, вошедшей в историю как Вешенское восстание. Еланская пострадала, как никакая другая из станиц Верхне-Донского округа. Много казаков казнили большевики, еще больше выселили на севера. Окончательно добили станицу немцы в Великую Отечественную. Их минометы и орудия стояли как раз напротив Еланской, на правом берегу Дона. Результат хорошо виден на церковных стенах снаружи. А внутри по неведомым причинам стреляли в стены и в потолок обронявшиеся красноармейцы... Внутри церковной ограды, прямо у лестницы, ведущей в храм, лежит внушительная куча свежих кирпичей. Только привезли – для ремонта отопительной системы.

Местные жители говорят, что это – плод усилий Владимира Петровича Мелехова. Уроженец Еланской с говорящей фамилией сумел добиться в жизни серьезного коммерческого успеха, что-то производит и чем-то торгует в Подмосковье, а львиную часть заработка тратит на восстановление малой родины. В собственном поместье на окраине станицы у самого берега установил мемориал в честь казачьих атаманов и офицеров, особо отличившихся в борьбе с советской властью. Тут и барельефы генерала Каледина, и есаула Чернецова, и атамана Богаевского. А над всеми ними – в полный рост статуя человека в пенсне и распахну-

час суетятся лишь сотни ласточек, сивших себе гнезда. Между нечестными домами – большие пространства уставшей от солнца травы. То там, то тут малоприметные бугры правильной конической формы. «Каждый холмик, – объясняет Колесников, – это дом. Был. Когда-то».

Отсюда, как и от хуторов на правом, высоком донском берегу, куда ни кинь – верст четыреста до ближайшего крупного города. На юго-востоке – до Волгограда, на юго-западе – до Ростова, на северо-западе – до Тамбова. На западе – до украинского Луганска, который, кстати, своим появлением обязан донским казакам. И выходцев оттуда, с Северского Донца,

Станица
Вешенская.
Шолоховские дни

той генеральской шинели, чертами лица сильно напоминающего атамана Петра Краснова. Недавно была и соответствующая надпись. Но коммунисты области взорвали и подали в суд. Негоже, дескать, пособнику гитлеровской Германии стоять над Доном. Суд согласился, и Мелехов именную табличку снял. А генерал – остался! Бронзовую фигуру видно издалека. Тем более что в станице ничто не мешает смотреть по сторонам. Нет ни людей, ни транспорта, ни живности.

Мы идем от мемориала к закрытому пока храму Николая Чудотворца, вмещавшему некогда тысячи людей, под сводами которого сей-

здесь, на Дону, привычно кличут «луганами». На юг вообще смотреть нечего. Там Цимла – Цимлянское водохранилище, а дальше безлюдные Сальские степи, за которыми уже – Ставрополье.

Заповедная земля. Или – брошенная? Сегодня в станице Еланской проживает чуть больше ста человек. Более половины из них весьма пенсионного возраста. В последние несколько лет дети тут не рождались. А если какие детишкы и появятся в семьях беженцев и переселенцев, аттестат им придется получать в станице Вешенской. В Елани средней школы уже нет.

Интересно, кого ждет в этих местах подмосковный магнат и природный казак станицы Еланской Владимир Мелехов? А ведь он ждет, раз

рядом с мемориалом заканчивает строительство внушительного здания, где собирается открыть музей казачьего быта и истории.

От Качалинской до Вешенской

Первым всемирно известным донским казаком можно признать Ермака Тимофеевича (Тимофеева), родившегося в 1537 году в станице Качалинской. Позже список пополнили Степан Разин и Емельян Пугачев, оба бунтари, оба уроженцы станицы Зимовской. Далее – граф Матвей Платов из станицы Прибылянской, художник Василий Суриков, кинорежиссер и продюсер Александр Ханжонков, наконец, писатель и нобелевский лауреат Михаил Шолохов, рожденный на хуторе Каргине близ станицы Вешенской.

Правда, Шолохов природным казаком не был. Отец – из великороссов Рязанской губернии, мать – из черниговских крестьян, в первом браке насильно выданная замуж за казака-атаманца (атаманцы – верхнедонские казаки. – Прим. авт.).

А посему – несколько слов о «происхождении видов».

Донские казаки категорически не согласны с утверждением, что они – потомки тех холопов Центральной России, что бежали когда-то от барского ярма в южное русское пограничье – «казаковать». Казачество считает себя самостоятельной народностью в составе русской нации, возникшей в древности в Диком поле и смешавшей в себе скифско-сарматскую, славянскую и турецкую кровь. Эта гипотеза имеет серьезные аргументы, среди которых и столь очевидные вещи, как особенности быта, языка, религии, воспитания и так далее.

...Мы в гостях у Сергея, давно перебравшегося в Вешенскую из Усть-Хоперской. Сергей – пасечник, и весьма успешный. 12 тонн меда в год – серьезный результат. Мы сидим в кухне-гостиною его старого дома, обсуждаем строительство нового и поедаем уху из выловленных этой ночью килограммовых лещей. О том, что это лещи, я догадываюсь не сразу. По рассказу, Сергей ловил чебака, а едим мы леща... Наконец, соображаю, что это одно и то же. Та-

же история повторяется при переходе на охотничий рассказы. Сергей жалуется, что по весне расплодились байбаки в степи. Идешь с ружьем, а они так и стоят – один за одним. Шестое чувство подсказывает – сурки! Когда казаки увлекаются и говорят быстро, иногда ловишь себя на мысли, что не столько понимаешь, сколько отгадываешь смысл некоторых слов. Шука – щука, манка – мать, баз – двор, руда – кровь, тыкла – тыква, фамилия – жена... Вот вы ели когда-

стыке Ростовской и Волгоградской областей. А вот сами Вешенки, конечно, отличаются от большинства местных «сельских поселений», как называют станицы и хутора в официальных документах. Казаки смеются: поселения, значит?

Вешенская – это прежде всего мемориал. В центре многотысячной станицы все подчинено памяти Михаила Шолохова. Тут и дом-музей, и музей краеведческий, и народный дом, и памятник Аксинье и Гришке Мелехово-

нибудь каймак? Нет, это не карась и не кабан. Это – «жареное молоко». Подобным образом на Дону казачки делают «настоящую сметану». Наташа, жена Сергея, именно так и объясняет: «Сын приезжает из Москвы и просит дать ему настоящей сметаны, а не той, белой, что в столице. Наша сметана – цветом в ряженку. Сначала парное молоко «жарим» в русской печи, когда дрова уже прогорели, а тепло еще осталось. А затем на ночь даем ему отстояться в холоде. Верхний слой поутру снимаем – вот вам и каймак...» Так вот в этот каймак ложку втыкаешь с легким усилием, настолько он густой! Вешенские казаки – такие же, как и в других станицах верхнего Дона на

бу на берегу Дона. От металлических фигур Григория и Аксиньи я, честно говоря, ждал большего. Думал, что они стоят на самом берегу, чуть ли не по колено в донской воде. Оказалось, метрах в пятидесяти от нее. Понятно, что Дон разливается, но хочется-то – как в романе. А главное, Аксинья уж больно могучей получилась у скульптора. Пугающе могучей!

Вешенская – это традиционные шолоховские праздники, это экскурсии и конференции, концерты и фестивали. Сюда приезжают не только с Дона, но и с Кубани, Терека, Урала, Волги. Едут сюда сибирские и оренбургские казаки, забайкальские и заамурские. Мягкая казачьей культуры и казачьих традиций! Но Вешенская сегодня –

это и торговая площадь у автобусной станции, заставленная вульгарными коммерческими центрами красного кирпича с аляповатой рекламой и глупыми слоганами на растяжках. Сюда едут падкие до просвещения местечковые нувориши из Ростова и Воронежа, а то и из Первопрестольной, скапая землю по ценам, близким к столичной Рублевке, застраивая эту землю жуткими в своей агрессивной безвкусице особняками за материальными заборами, без которых на донской

шего подружку от камня прямо под брюхом мелеховского скакуна, где она – усталая – примостилась передохнуть. Оторвавшего, посмотревшего на листочки цветастого буклета, предохранявшего белую юбку ненаглядной от постаментной пыли, и ответившего на ее попытку прибрать бумажки: «Ты чё в натуре? Пусть валяется, на фиг, блин!» «Ауди» уехала. Гришка с Аксиньей остались. На что и будем уповать. А наверху, в большом приусадебном

по которым пробраться можно только летом. По весне и осени развозит, и даже тренированный африканец «лэнд ровер дефендер» отказывается ехать. Снежными зимами заносит так, что сугробы по пояс.

Когда-то строили дорогу, но до конца не осилили. Так и обрывается она с двух сторон: с ростовской и волгоградской. А там, где обрывается, тоже люди живут. Где-то на кургане между хуторами Плешаковский и Нижнекривской стоит

Казачий
праздник
на хуторе
Крутовском

земле до сих пор обходились. В самом центре самой известной на планете станицы на роскошном песчаном пляже у подножия впечатльной гостиницы в стиле « круизный лайнер» стоят, уткнувшись тупыми носами в воду, выкрашенные в цыплячий цвет нелепые воздушные велосипеды.

Гришка сидит на железном коне охлюпью, уцепившись пятками за его бока, и ничего этого видеть не хочет. Потому что видит только ее – любимую свою Аксинью. И плевать ему на все остальные глупости, характерные для современных людей. Даже на мордастого парня из красной, сильно поддержанной «ауди» с ростовскими номерами, оторвав-

**Герб Донскому
казачьему войску
даровал царь Петр I.
На нем казак,
сидящий на бочке.**

саду, где похоронены Михаил Александрович Шолохов и его жена, все еще лежит на земле деревянная казачья весельная лодка, на которой писатель так любил сидеть с удочкой в ожидании, когда клонет чебак или, того гляди, важный донской сом. У Владимира Колесникова хранятся фото с результатами наиболее удачных рыбалок. На одном снимке – он, а рядом сом ростом с человеком. Весил тот сом полтора центнера, на хуторе его ели два дня.

Где-то за хутором Плешаковским

Из Вешенской до Крутовского километров 60, или два часа пути. Половина – это дорога в две сухие колеи,

памятный крест. Девяносто лет назад на том месте каратели зарубили полтора десятка безоружных казаков с этих хуторов. А потомки их затащили на гору крест и поставили у того распадка, где случилась беда. С дороги креста не видно. Но тропа к месту ведет. Идут люди к кресту – поздороваться-попрощаться.

...Когда казак встречает другого в степи или на донской воде, он с достоинством кивает в знак приветствия или кричит по ветру что-то обычное, вроде «Здравствуй!» или «День добрый!». Но если сходятся казаки на длину руки, то протягивают открытую ладонь и негромко говорят: – Здорово поближе! ☺

Василий Голованов, фото автора

МАТЕРИК МОЕЙ ПАМЯТИ

Что мы знаем о своих предках?
Живем ли мы в ладу с этой памятью?
И что значит: помнить?

ОДОСЛОВНУЮ СВОЮ ПО материнской линии я знаю до четвертого колена. Кое-что записывала бабушка, пока была жива. Кое-что я с ее слов – давно, еще студентом. И вот теперь не жалею о потраченном времени. Ибо в нашей зыбкой жизни имею заветную тетрадку, листки которой, разворачиваясь, превращаются в настоящую твердь под ногами. Пррапрадедом моим был Григорий Васильевич Юзжалин, крестьянин богатого села Чурики Скопинского уезда Рязанской губернии. Был он истинный патриарх, семью имел большую, нарожав с женой, Натальей Васильевной, семерых детей. В том числе в 1871 году – моего прадеда Федора. Прозвище, которое в деревенской жизни бывает важ-

нее фамилии, было у него Стрюк (что в костромских говорах означает «ключ, струя»). С севера ли пришел он в эти места? Про то неведомо. Так же как и про то, когда именно родился и когда ушел. Зато известно, что в 1886 году против соседнего села Покровское, на другом берегу речки Кердь, купил он у помещицы Анны Федоровны Гаврюшиной 20 десятин (22 гектара) земли – луг, лощину и лес, который покровские так и звали – «стрюков». Тогда время чеховского «Вишневого сада» было в самом разгаре – старая собственность переходила в новые руки, – и в поступках своих Григорий Васильевич не был одинок: рядом крестьянами был откуплен другой хутор, Панков, еще больше нашего, а за Панковом хутором еще Немцов, впоследствии

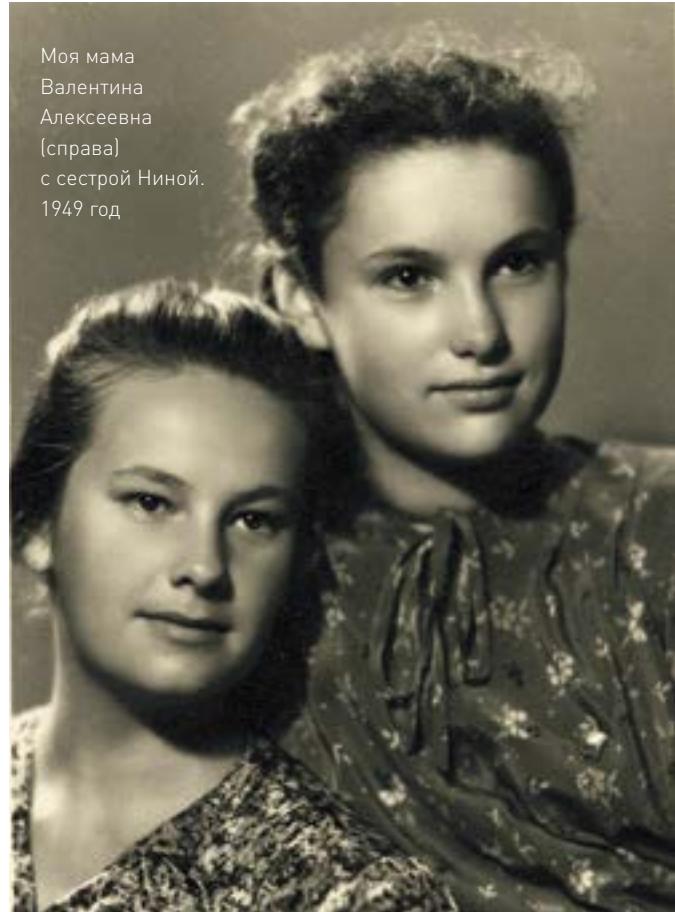
Медведевский. Постепенно помещики распродали всю свою землю; за ними оставался только Гаврюшинский яблоневый сад, в глубине которого темнел дом, конюшни и долго, до самой революции, тлела невидная, призрачная почти, непонятная их жизнь, которая потом была в один миг стерта...

Старшая сестра моей бабушки, Оля, девочкой еще ходила к этим помещикам сеять траву тимофеевку и клевер за сколько-то копеек в день, а сама бабушка, Елизавета Федоровна, – рассказы которой, услышанные мною в детстве, сформировали во мне понятие о Родине как таковой, – тоже видела этих помещиков, выезжавших в коляске на прогулку. И вот эта праздность, гулянье казались тогда странными ей, крестьянской девочке. Впрочем, самой бабушке за 88 лет жизни суждено было стать свидетельницей столь многих неожиданных грозных перемен в жизни народа и страны (революции, коллективизация, войны, перестройка), которые тогда ей, девочке, растущей

в лоне дружного, сильного, разветвленного крестьянского рода, тоже ведь ни при каких обстоятельствах не могли привидеться.

По женской линии предками моими было семейство Кулаковых. Прапрабабушка Татьяна – женщина редкой красоты, сдобренной каплей терпкой тюркской крови: у нее были волосы цвета вороноva крыла, столь густые и тяжелые, что расчесывала она их конским гребнем, а летом, чтоб можно было работать в поле и убирать их под

Елизавета
Федоровна
(моя бабушка)
и ее сестра
Ольга Федоровна
с детьми.
1936 год

платок, целыми прядями выстригала барабаньими ножницами. Лучшей ее половиной был муж, дед Иван: небольшой, худой, рыжий, задиристый. Вдохновлялся военными походами: чуть где займется – он записывается в добровольцы. Вроде бы участвовал он в Самаркандском походе генерала Черняева, а на Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, к сожалению своему великому, опоздал, шествуя пешим порядком к месту рекрутского сбора. Излюбленным занятием его всю жизнь было вспоминать и обсуждать с односельчанами военные подвиги, оставляя тяготы крестьянского труда на долю жены и детей. Однако же те были так крепки, что не дали завалиться хозяйству. Его-то 16-летняя дочь, моя прабабка Степанида Ивановна, и была сосватана невестой прадеду моему Федору на Стрюков хутор. Впрочем, процветание того близилось уже к концу. В 1909 году хутор деда Григория был разделен меж его сыновьями. Семья сильно разрослась, и ясно стало, что земля, куп-

Федор Федорович Юзжалин (братья моей бабушки) в форме лётной школы.
1915–1916 годы

Алексей
Федорович
Журавлев,
мой дед.
1925 год

ленная основателем рода, всех не покормит. И хотя прадед мой, Федор, получил свою долю при разделе, ни крестьянская работа, ни труд шорника не дали семье достатка. В конце концов он уехал под Боровск на торфоразработки, где, как человек грамотный (любимым чте-

нием его была «История» Карамзина), работал учетчиком. А всем детям своим велел учиться, и так они один за другим, кто через уездный городок Михайлов, кто через школу прaporщиков (еще в Первую мировую), выучились и перебрались в Москву, как и моя бабушка, в доме которой я их всех и встречал потом в обличье уже нового времени...

Вместо переписанной истории – своя

Вот эти вот, казалось бы, отвлеченные воспоминания ныне необходимы нам для хорошей журнальной

«История Головановского рода» – самое ценное, что отец мой успел дописать перед смертью и, размножив в четырех книгах, оставил своим детям. Такого же рода задачу первоначально поставил перед собой известный критик Лев Аннинский, пока она не разрослась в исполин-

история искусства. Пока что такая книга существует в одном экземпляре. Невероятно занимательное чтение. Даже, скорее, расследование. Настоящие расследования пишутся сейчас не мастерами детективного жанра, а создателями семейных хроник, благодаря которым из заб-

кулинарии. И вот почему: для меня совершенно очевидно, что в общественном сознании произошло важное изменение, и, пока власть все ищет подходящий ракурс для отечественной истории, очень многие не лишенные осмыслинности граждане взялись за писание истории своей-малой-личной-родовой. Будто надоело им бесконечное жульничество с историей государства Российского, «переосмысливание» то Сталина, то Ленина – и на этом настроении возникло резкое неприятие подобных опытов. Ибо мне, простому гражданину, интересно знать: мой прадед, дед, бабушка – они были кем? И как на их судьбах эта ваша переписанная история сказалась? Достаточно же просто ответить на подобные вопросы, чтобы вся история страны осветилась со всех сторон совершенно новым, необычным светом. Говоря о явлении, я не кривлю душой: ибо создание исторических генеалогий стало воистину приметой жизни интеллигенции последнего десятилетия.

Елизавета Федоровна с учениками Михайловского педучилища

ское четырехтомное повествование, часть которого была даже издана тиражом, сопоставимым с тиражом современных популярных романов. И, конечно, на вершине этой пирамиды следует утвердить эпос художника Бориса Жутовского, выросший из картины «Как один день»: картина представляет собой 75 квадратов, каждый из которых символизирует один год жизни. Это не просто личная история, это история духа, история поколения,

вения всплывает целый материк народной памяти... Малая часть этого материка с детства памятна мне из бабушкиных рассказов как особая, волшебная страна ее, бабушкиного, детства, которое так глубоко отозвалось во мне. Это неудивительно: бабушка была человеком глубочайшей доброты и открытости, которая почти перевелась теперь на Руси. После зимы, проведенной в детском саду под назойливым надзором воспи-

тательниц, летом на даче я весь расцветал от этих рассказов, учился вместе с бабушкой любить природу (она окончила химический и биологический факультеты МГУ и была превосходным ботаником), и даже работа на огороде казалась мне исполненной поэзии и смысла благодаря бабушке. У меня составилось мнение о народе, к которому я принадлежу, то есть о русском народе, как о народе талантливом, трудолюбивом, богатом, щедром, светлом и радостном... Лишь потом понял я, какие чудовищные опыты были произведены над этим народом и какой грубый след оставили в самой душе его...

Средиземье

Географически представить это российское Средиземье очень просто: во главе треугольника поместить городок Михайлов, от него пойдет один вектор по трассе нынешнего шоссе М-6 «Каспий» на Скопин, а другой вектор – по ответвлению от этой трассы на Горлово. Внутри треугольника останется страна де-

**Ни Покровское, ни Чурики,
ни другие окрестные села
НИКОГДА не были крепостными,
изначально они были «казенными»,
дух свободного труда держал их.**

ревень, которая прежде жила своей бурной и радостной жизнью, ныне почти безнадежно зашифрованной лишь в уцелевших дивных названиях, в которых сохранилась еще сладость, выразительная палитра русского языка: Печерники, Синь, Киркино, Покровское, Волынешна, Волшута, Семенское, Богослово, Чурики... Когда-то, очень давно, во времена первых Романовых, то был южный край Русской земли, и здесь щедро получали земельные наделы знатные вельможи государства Московского: Гагарины, Нарышкины, Коробины, Долгорукие, Шуйские. Тогда и большак – главная дорога – шел как раз по центру этой стороны: из Каширы в Михайлов, из Михайлова – в Грязное (имение знатного боярина Грязного), оттуда

в Киркино и дальше, через Чурики, в Скопин. Села здесь были богатые, народ – трудолюбивый, непьющий (по рассказам бабушки, пьянство развелось после коллективизации, в ослабшем на душу народе). Правда, ни Покровское, ни Чурики, ни другие окрестные села никогда не были крепостными, изначально они были «казенными», дух свободного труда держал их, и много, надо сказать, потребовалось экспериментов советского времени, чтобы лишить крестьян самостоятельности, унизить их, почти уничтожить психологически...

Когда бабушка была маленькая, в селе Покровском, с которым самыми тесными узами связан был хутор, насчитывалось 400 дворов: все дома были каменные, крытые молодою

В Киркино в 1682 году
было 77 дворян, владеющих землею:
Алабины, Болотовы, Катин-Ярцевы, Тишининовы...
Это было единственное
на всю Россию «дворянское село».

жестью. Двух водяных мельниц не хватало, поставили ветряную, к ним вдобавок была маслобойка, три кузницы и шерстобитка. Конечно, не по-господски жили крестьяне, но у прадеда моего и пррабушки к праздничному выходу в церковь были бараньи шубы, сверху покрытые тонким черным английским сукном, тонкие валенки-чесанки с галошами, а всем девочкам к Пасхе обязательно шили платье. Для этого покупали в лавке у Мещеряковых ластик (хлопчатобумажная ткань атласного переплетения, по внешнему виду напоминающая сатин) и сатин либерти (блестящая мягкая материя

плотного полотняного переплетения). А в соседнем селе, Киркино, бараньих полуушубков не носили, одевались еще изысканнее и красивее – ведь они были дворяне. Это не оговорка. Легенда связывает статус Киркино как «дворянского, Царского тож села» с Натальей Кирилловной Нарышкиной, второй женой царя Алексея Михайловича. Кирилл Полуэктович Нарышкин владел в Киркино поместьем. Однажды по большаку к нему завернул знатный боярин московский Артамон Матвеев и, подъезжая к селу, увидел плачущую редкой красоты девицу, в которой верно угадал дочь своего друга. Та

сказала, что плачет о любимой дворовой девке, которая удавилась. Матвееву по сердцу пришла душевная мягкость девицы, и он упросил отца отдать ее в Москву на воспитание. В Москве же случилось так, что Наталья Нарышкина стала царской женой и матерью Петра I. Но ни Алексей Михайлович Тишайший, ни ряный Петр не жаловали дворянством население села. Да и невозможно это было в тогдашней России. В этом смысле предание лишь запутывает суть дела. Эти две сюжетные линии никак не связаны: с начала XVII века в Киркино стали получать земельные наделы дворяне, прежде служившие на засечной сторожевой линии южнорусской границы. В 1682 году в селе было 77 дворян, владеющих землею: Алабины, Болотовы, Катин-Ярцевы, Тишининовы, Савостьяновы, Староверовы... Сложная система покупок, мены и измельчения земельных наделов, дарован-

ных царем за службу, путем сложного естественно-исторического подбора привела к образованию здесь, на рязанской земле, такого чуда, как единственное на всю Россию «дворянское село». Во всяком случае, в начале прошлого века на 160 «дворянских» дворов в Киркино лишь четыре были крестьянскими. Меня всегда интересовало: а чем крестьяне-дворяне отличались от просто крестьян? «Ну, – говорила бабушка, – во-первых, у них были грамоты, что они дворяне. И они могли поступать учиться. В окрестных деревнях половина учителей была из Киркино. А во-вторых, – бабушка улыбалась, – их барыни не принимали участия в покосе. На нашей стороне мужики косят, бабы – сено ворочают, копнят. А у них на сенокосе все мужья делали. А женщины только приезжали в колясках, привозили им хлеб, молоко... На прабабушку вашу, Степаниду Ивановну, специально приезжали смотреть – так хороша та была».

Не было в округе сел безликих, каждое по-своему славилось: Грязное – своими валяльщиками. Такие мягкие делали валенки, что в них и на танцы любо-дорого было ходить. Волынешна – своими яблоневыми садами. Покровское – своими «вязёйками» – вязаной из шерсти обувью с подошвой из толстых конопляных веревок; мягкая обувь, легкая – ку-

Последний
дворянин села
Киркино Евгений
Михайлович
Савостьянов

да там твои лапти! А еще было Семенское, которое славилось тем, что в этом селе не говорили букву «ё». Так у них и было: еж, елка, мед, соленый. А окуния вообще называли «жержиком». Из-за того, что он шершавый, что ли? Но больше всего славилось Семенское задиристым, азартно-боевитым нравом мужиков, от которых женщины отличались лишь пылкой готовностью зажечь конфликт немедленно. Бабушка рассказывала, как ее брат Вася, не найдя себе невесту в Покровском, привел в

Жительница
села Киркино

дом жену из Семенского. И хотя нравы тогда были строгие, она жить с ним так и не смогла: все по-прекала его тихоней да сравнивала с мужем своей сестры, которым восхищалась, как отпетым головорезом. И они разошлись. А потом Вася нашел себе девушку из Киркина: дворянку, конечно. Но там была такая любовь, что друг от друга не оторвешь. Много детей потом у них было...

Путешествие во времени

Эх, давным-давно надо было поехать сюда. Давным-давно. Не знаю, почему эта поездка не состоялась, когда еще бабушка была жива и у отца была машина. И почему в другие разы, которых были десятки, она все-таки не... И почему вдруг сейчас, когда у меня на три дня открылась щелочка в августе, я сказал жене: «Поехали!» – и все случилось. Лишь по возвращении, гуляя по улицам Переделкина, я понял, что вся эта поездка, в ее внутренней не-отвратимости, настойчивости зова и устремленности сюда, была – дада, на самом деле, – встречей с моей бабушкой.

В жизни есть какие-то сложные нити, струны, перетягивая которые ты задеваешь вдруг одну и заставляешь звучать особенно, и вот она начинает звать, резонировать в тебе... Бабушка. Мне просто необходимо было с нею увидеться. Хочешь не хочешь, а наши предки иногда вызывают нас на разговор, и порою он – самый важный в жизни...

И все откладывался, откладывался этот разговор, потому что, по воспоминаниям бабушки и по моему детскому восприятию, все это было страшно далеко. Я думаю, и бабушке самой так казалось, когда она, девочкой еще, стала ездить в педучилище (бывшую гимназию) в Михайлово. Ведь чтоб добраться до города, она шла сначала 10 километров через Киркино на Гагарино – ждать товарный вагон. Гражданская только кончилась, эшелоны плохо ходили... И все это вместе – ожидания, проволочки, опасности (вот однажды проводник их пустил в вагон

с лошадьми и сказал: «Тихо сидите, а то лошадь голову откусит», прыжки на ходу под откос, волк, повстречавшийся в полях, – все это, конечно, для девочки делало путь к учебе чрезвычайно долгим приключением. А мама моя, когда жила здесь в войну девочкой, так даже просто из села выехать, найти подводу (когда немцы вплотную подошли)... невозможно все это было.

Так вот все не сбывалось и не сбывалось потом, и не сбылось...

А мы вот в семь утра заправились возле поворота на МКАД, а в десять были уже в Михайлове. И почему-то сразу зашли в краеведческий музей. И первое, что я увидел на стене, была фотография бабушки в группе учеников педучилища. 1920 год. Бабушке – 13 лет. Такой фотографии нет даже в нашем семейном архиве. Вот как состоялась наша мне столь необходимая внутренне встреча.

Потом мотель на трассе, душ, перекус – и целый день впереди. До Покровского всего полчаса. Полтора километра, ну два, от трассы. И сразу, с первой же встречи с первым же мужиком, Петром Мещеряковым, нарастает ощущение, что продолжаешь давно когда-то прерванный, но даже по интонациям знакомый разговор с родней. Ничего даже объяснять не надо. Будто говоришь с братом. И он, брат мой, здесь, на краю деревни, живет, будто на краю мифических времен, когда время кончилось, а скоро ли небесный механик вновь заведет часы и начнется новый круговорот столетий – не ясно. Конечно, трактор у ворот, корова в поле, поросенка, куры... Не слишком, однако, мощный инструментарий против тектоники мирового кризиса. Но ничего не поделаешь. Один он меж жерновами времени, такой худощавый, жилистый мужичок, с доверчивой, открытой улыбкой. Любит этот простор, россыпи цветов на выгоне, густо желтеющие поля, ястреба, нарезающего крути в вышине... Вот. А дальше дорога, простая земляная дорога под гору, в старое село, от улиц «порядков» которого ничего, почитай, не осталось, кроме россыпей домов там-сям по косогору да более или менее непрерывной

линии внизу села, ближе к реке. Разруха. Не о чем рассказывать. Разве что встретили маминого (в годы войны) одноклассника да узнали, что сгорела прошлой, кажется, весной, последняя ветряная мельница, когда-то принадлежавшая нашим родственникам Земнуховым.

Больше всего мне понравилось купание в реке. Почему-то вспомнил бабушкин рассказ: как они с братом Васей весной перед стрижкой мыли овец. Бабушка, как была, в одежде, в воду затаскивала и мыла, а Вася в отаре на берегу тем временем выбирал следующую овцу. Мимо какая-то женщина проходила, глянула: «Мороз дярё, а они

купаються!» Врезалось в память, как драгоценность «самовитого» слова в оправу. А потом прибежали панковские с соседнего хутора и стали дразниться: «Стрюки-крюки-бадики!» А Вася довольно бойко им отвечал: «Панки, крюки, бадики!» Так подразнились и стали смеяться. А я так и не знаю, причем тут «крюки, бадики!». Много, много времени прошло.

Вечером поехали в Михайлов. Стоял мягкий, тихий вечер. Над колокольнями церквей весело кружили стрижки. Помимо нескольких парадных зданий (одно – в стиле «модерн» с великолепно сохранившимися окнами) было еще несколько деревян-

У нас любят слово «возрождение». Увы, лет сто назад еще можно было рассчитывать на возрождение. Но при современном ускорении исторического времени ни на какое возрождение рассчитывать не приходится. Просто придет какая-то другая жизнь, новая. А новая жизнь – вот она, прет по трассе без единого русского слова, оставляя по краям, как ненужные отвалы, прекрасные некогда села...

И так уходит, уходит в траву забвения материки моей памяти, и вся та действительность, о которой лишь два-три поколения назад можно было говорить как о прекрасной, напоенной жизнью русской стороне... Помню бабушкин рассказ, как в августе 1914-го они с мамой поехали в деревню Волынешна, где обычно заказывали у садовника яблоки (своего сада на хуторе не было, а яблоки мочили на зиму). И бабушка, которой было тогда семь лет, уже знала, что началась война.

ных, в которых память о тех давних временах угадывалась, жила. Мы побродили вокруг – так же ведь и бабушка с сестрой Олей могли гулять. Город больше не казался сумасшедшим и чужим, как днем, в базарный день, наоборот, эти свернутые во времени пространства были очень уютны... Неторопливо, почти беззаботно текла жизнь в палисадниках, украшенных прекрасными мальвами. Неторопливо шли мы, впитывая в себя сладковатый аромат лета. Спустились вниз, к реке. Розовыми разливами неба и черными тенями в воде отражался закат.

Бабушка вообще мало вспоминала о жизни в Михайлове. Очень уж тяжелая жизнь была. В общежитии голодно: жидкий пшеничный кулеш, черный хлеб, родниковая вода. Однако ж все равно – веселились, песни пели. Бабушка раз запелась со старшими, ей кто-то прислал записку: «Девочка, а вам не пора спать?» И это не насмешка, а забота была, вот что характерно.

Пульс новой жизни

Возвращаемся в мотель. Ужинаем. В меню: лагман, шашлык, мацони... Все блюда – кавказской кухни. С гулом проходят по трассе тяжелые

**А новая жизнь прет по трассе
без единого русского слова,
оставляя по краям,
как ненужные отвалы,
прекрасные некогда села...**

фуры. Вечером беспрерывно подъезжают автобусы – Москва–Саратов, Москва–Волгоград, Нежин, Элиста, Астрахань... На полчаса буфер внизу парализует отчаянная работа: чай-кофе-блинчики. Приходится пережидать эти наплывы пассажиров. Поев, они разминают ноги возле мотеля, курят, глядя на закат и на фуры с арбузами, если темно – дружно пишут рядом с моей машиной. Ночь. Где-то далеко, вспыхивая беззвучными зарницами, проходит гроза. Собаки долго, изнурительно и бессмысленно облавивают кого-то. Потом начинаются голоса в коридоре. Ни одного русского слова. Орут, словно перекликаются в ущелье. Черт бы их драл. Почему-то легкий мандраж не оставляет меня. Что не так? Да все не так. Нет больше волшебной страны моего детства. Только несколько жалких полуслепых стариков...

И она переживала – кто победит. И вот, проезжают они деревню Печерники, бабушка спрашивает: «Мама, а Печерники за нас дерутся?» – «За нас». – Они взъехали как раз на пригорок, откуда видна вся округа. – «И Волшута за нас? И Грязное?» – «За нас, дочка, за нас»... «Вот глупые немцы, – подумала бабушка, – как же они не понимают, что мы их побьем?»

Милая бабушка... Кто же знал, как все обернется? Что материки нашей с тобой памяти, бабушка, уйдет под поросль репьев, мышиного горошка, полыни, растворится в стрекоте кузнецов? И дед, вернувшись победителем со второй войны, до старости так и не обретет победы? Кто мог подумать, что мы сами себя побьем, милая бабушка?

«Ничего-ничего, – ответила бы она. – Ты поступай, как сердце велит, а о другом не беспокойся...». ●

Павел Васильев

дистанция

Софья Борисовна Каплан свое дело знала отлично. Но в этот раз она немножко ошиблась при распределении ролей. Частного надо было отдать мне, уж я бы выдал... Но мне досталась роль полковника Скалозуба. Конечно, я и тут сумел развеселить наш 8-й «А» – старательно надувал щеки и растягивал слова: «Дис-с-с-с-танции огр-р-р-омного размера-а-а-а». В классе хотели, улыбнулась и девочка у окна, что было крайне важно для «полковника», а потом мы дружно записывали в тетрадях про классовую сущность героев бессмертной комедии. И было тихо.

КАК ТЕПЕРЬ ВЫЯСНЯЕТСЯ, Скалозуб был не так уж не прав, сравнивая Москву с дистанцией. Оглядываясь назад, я готов с ним согласиться. Барьеры были? Конечно. Победы? Поражения? Наверняка. Второе дыхание? Так, кстати, называется чудом

уцелевшая рюмочная в Замоскворечье, давно не был, надо зайти... Допинг. Медали. Срывы. Тренировки. Окрики. Где-то маячящий финиш... Головокружение. Падения. Слезы радости или печали – не разберешь. В нашем городе нет чувства меры, когда его потеряли, не знаю, но здесь

всего у нас как-то слишком... Чрезмерно, громко, суетно, напоказ.

Вчера открыл городскую газету и содрогнулся: «...в середине 80-х годов в Москве появились первые отряды инвалидов-ампутантов...» Что за бред? Чья больная фантазия?! Представились рати инвалидов, атакующих Кремль... Ужас! Хмурые небритые люди идут вниз по Тверской... Костили цок-цок по асфальту... Эх... Я закурил, отдохнул. Глянул по сторонам. Седой дед, весь почему-то в черном в такую жару, играет на свирели. Или на дудке, кто его знает? Ладно.

На соседней лавочке паренек горячо толкует соседу:

– Приходит к нам этот кекс и сразу выносит мозг! Приходит и сразу...
– Нормально, – отвечает сосед.
А вот модная девушка звонко журчит в мобильник: «Зато он как бы прикольный и по характеру офи-генный. Офи-генный, офи-генный, я тебе отвечаю...»

О чём это она? Или о ком?

Напротив плакат-растяжка: «Носки «Боренцо»... Задумайся!»

И в самом деле... Может, пора?

Я перевернул страницу: «Мечтающие занимаются спортом...» Каким спортом? Кто «мечтающие»? Про носки задумайся... Кекс пришел... Как бы прикольный... Тату на заду.

Внезапно понял: это отряды инвалидов-ампутантов мечтают заниматься спортом еще с середины 80-х годов прошлого века. Вот в чём дело-то.

А дед знай наяривает на своей свистульке!!! МА-А-А-СКВА... Бросил ему монетку в кулек. И газетку оставил. Пусть почтает.

В моем городе много секретов. Полюбить город сложно. В нем так много городов. И в каждом свои секреты.

Есть ведь Москва кабацкая и есть Москва физкультурная, есть дворянская и есть мещанская, есть торговая и есть духовная, есть бульварная и есть сконная...

И все они перекликаются, переплетаются, аукаются одна с другой. Поди разберись, прохожий!

Ключ от города – подскажу, где лежит.

Шлепайте тихонечко по Страстному бульвару, бормочите под нос: «Но не поставят мне памятник в сквере, где-нибудь у Петровских ворот». И вот тут, на площадке, насмотревшись на Высоцкого, повернитесь к нему спиной, поведите глазами. Не торопитесь.

Семь уровней города вы увидите. Семь высот. Семь поверхностей. Слева Петровка одной высоты, а справа, ниже, под уклончик пошла. Бульвар Петровский на вас тоже неровно смотрит, слева он глубже, чем справа. А дом поперек? Реликвия. Знаменитый тут рыбный был.

И сам Страстной малость кренится, как лодочка под волной. Ну а ваш островок с Высоцким – отдельная точка земли.

И все эти улички тут же круглятся, снуют, заплетаются, горбятся и по всем, по всем надо пройти, и не

раз, чтобы понять, признать окончательно: ну, Москва, кривой, кривобокий, татарский, хитрющий, маленький, в сущности, городок с огромным кругом предместий.

От нашего дома до Кремля минут тридцать езды. Четыре остановки автобусом, три на метро. И все же – я с детства помню – взрослые говорили: «Завтра поедем в Москву», «в Москву надо бы съездить», «давненько мы что-то в Москве не были...»

Так и мне въелось, пусть и неправильно, но навсегда. Главная, настоящая, вечная Москва спит там, у бульваров, стиснута Садовым коль-

Дочь знает город лучше меня.

В старые добрые времена мы и представить себе не могли, что появятся в городе платные туалеты. Что любую книжку можно будет купить без хлопот. Что в кинотеатрах поставят металлоискаторы. Что пиво будут пропагандировать почище решений любого съезда партии. Что наши беззаботные времена объявили застойными и будут всячески гнуться над ними.

Впрочем, город подавал нам сигналы. К ним стоило прислушаться.

Мы любили встречаться в сквере у Плевны, в серединке, слева, на

всегда пустующей лавочке, подальше от памятника, окруженного хмурыми мужчинами, а встретившись, выкуривали по сигаретке, решая, в какой город пойдем. Мы были пунктуальны, ведь еще не было мобильников, позволяющих бесконечно уточнять и переносить время встречи, пугать случайного соседа бестолковым «Ты где?!».

В сквере в тот день пилили многолетние старые деревья – тополя, липы, клены. Валили под корень, распиливали на чурбаки и аккуратно складывали в поленницу.

Монументальное, серое, далекое здание Политбюро ЦК КПСС стало вдруг яркой деталью пейзажа. Оно обнажилось, потеряло защиту листвы, оно нависло над нами и словно накренилось. Мы только переглянулись – не к добру...

Мы решили начать с кофе и выбрали знаменитый сороковой гастроном, сразу за КГБ, там был кафетерий, и кофе варили за 22 копейки чашка, и можно было взять бутерброд с сыром, колбасой, ветчиной копеек за 10–15.

Очередь небольшая, утро, люди еще работали... У нас-то, историков, методический день. Взяли по чашке. Выбрали сыр. Рассчитались. Отшли к столику у окна. Обнаружили, что забыли взять ложечки. Вернулись к стойке.

– Простите, а ложечки?

– Что?

РИА НОВОСТИ

цом, рекой делится на неравные части.

Мы тоже живем в Москве. И все-таки мы в Москву ездим. Непонятно? Так на то и Москва, непонятная, вредная дамочка, скрывающая года. Патриаршие пруды... Но пруд-то один. И с Чистыми та же история. А где же Кузнецкий... мост? А Бульварное кольцо? Нет ведь никакого кольца, бульвары подковой упираются в реки: Яузский – в Яузу, Гоголевский – в Москву. И ворот давно нет – Никитских, Арбатских, Покровских, никаких. Нет ворот, но они вроде есть, их объявляют, о них помнят, к ним торопятся: «Следующая остановка – Никитские ворота!» Красиво как... Звучно.

Прошло столько лет, и теперь уже я говорю дома: «Что-то мы давно в Москве не были... Давайте завтра рванем на Цветной?»

– Ну, ложечки. Сахар размешать. В кофе...

– А-а, ложечки. Вот висит одна. На веревке. Здесь размешивайте.

– Как?

– А так... Воруют. На всех не напасешься. Здесь размешивайте, говорю!

Через прилавок сбоку тянулась веревка. К ней была привязана обыкновенная алюминиевая ложка, уже изрядно потемневшая от забот. Это надо было обдумать... Ложечки тащат. Из-под самого носа всесильного КГБ тащат алюминиевые ложки?! Дожили. Не к добру...

Я принес чашку и размешал сахар ложечкой на веревочке. Мой приятель размешивать отказался.

– Из принципа буду несладкий! – с горечью заявил он.

Город подавал нам сигналы. Мы не хотели прислушиваться.

В конце концов, меня проторезил троичник Миша Омельяненко. Он подошел ко мне на перемене и спросил:

– Вы, Пал Саныч, перестроились или нет?

– Не понял.

– Ну, вот наша историчка, Любовь Ивановна, в прошлом году говорила, что Карл Маркс – супер и что Манифест – супер. А в этом году уже не говорит. А вы что своему классу про Маркса рассказываете? Супер он все-таки или не супер?

Я пошел в учительскую и написал заявление об уходе.

Как-то бродили по Замоскворечью. Посетили полупустой «Макдоналдс». Покурили на площади с видом на Ордынку, Полянку, Пятницкую. Три лучика старины уходили к реке от Серпуховки. И тут жена обнаружила памятник. Справа, неприметный, в кустах... Я вызвался посмотреть.

Перешел дорогу. У памятника вновь прибывшие из южных республик трудяги пили пиво.

– Кому памятник, не знаете?

– Этот? Пысателю одному. Хороший пысатель. Все книжки пысал...

– Какие книжки?

– Какие-какие... Разные. Чего мешаешь?

И в самом деле, что я людям мешаю?

И какое мне дело, что в старом купеческом Замоскворечье стоит себе почему-то Алишер Навои, а по со-

РИА НОВОСТИ

РИА НОВОСТИ

седству сидят на корточках его персонажи?

Мой город не исчез окончательно, но приметы, ориентиры, командные пункты его ушли вместе со временем. Не стало «Повторки», Кинотеатра повторного фильма, куда столичная интеллигенция ходила с особенным удовольствием. Исчез кинотеатр «Наука и Знание» на Арбате, исчезло «Зарядье» вместе с гостиницей «Россия». Любимый «Мир» на Цветном похож на универмаг. В кино мы старались ходить деньком, никто не дышал в затылок.

А билетик стоил 25 копеек, в «Октябре» или «Ударнике» с их роскошными буфетами – 30.

Ален Делон и Поль Бельмондо весело дрались, весело пили кофе и весело ухаживали за девушками. Мы знали, что вряд ли увидим Париж, но как-то не слишком расстраивались, в Москве тоже хватало прекрасных девушек и мест, где не скучно.

Я очень любил кино и на спор называл адрес любого кинотеатра. Мне говорили, к примеру – «Новатор»? А я отвечал – Спартаковская площадь. «Перекоп»? Каланчевка! «Темп»? Беговая! И так далее.

Даже в здании неприступного, как бастион капитализма, «Метрополя» был кинотеатр. С тремя залами. Приноровившись, мы легко смотрели два фильма по одному билету.

А книжные походы? Это было нечто похожее на поиск грибов в лесу, где грибников больше, чем рыжиков. Зато азарт! Соревнование! Проверка на удачливость, быстроту, выносливость.

Вот вам один из маршрутов. На Тверской (бывшей Горького), там, где теперь «Москва», располагалась «Академкнига». Отсюда – старт! Потом идем мимо Юрия Долгорукого – вниз и налево, до Столешникова, где букинистический о двух этажах! Затем в Камергерский (проезд Художественного театра) – в «Пе-

дагогическую книгу» и знаменитую «Пушкинскую лавку», а оттуда еще пониже – на Кузнецкий – в «Подписные издания», в «Лавку писателей» и еще в один бук – на Пушечной... Усталости как-то не было, не было еще животов, тревоги за завтрашний день, не было строек, застроек и перестроек, как будто город кто-то долго бомбил. Как-то мне повезло, я купил совсем ненужного Фукидида в «Литпамятниках» и легко обменял его на двухтомник Ремарка, изданный в Молдавии. Немногословные люди книжного черного рынка оперировали терминами: молдавский Ремарк, красный Дюма, БП («Библиотека поэта»), дорогие и редкие книги называли «тяжелыми». Найти этих знатоков можно было у не существующей теперь «Находки», рядом с памятником первопечатнику Федорову, у Дома книги на Арбате, на Кузнецком мосту.

Тут тоже не обходилось без риска. Как-то я договорился с улыбчивым парнем в плаще о двухтомнике Софии Андреевны Толстой. Просил он недорого. А мне как раз нужен был подарок маме! Распрощались до завтра, я закурил на радостях и угостил «Явой» знакомого книжника, который шепнул, наклонившись над коробком: «Этот-то в плаще... Из конторы».

С Софьей Андреевной, понятно, пришлось обождать. Но года через два я все же достал те зеленые томики. Мама радовалась.

Как же без общепита? Куда ж без него, родимого? Недавно сидел на Пресне в деревянном таком ресторанчике. Кружка, плохо помытая. Цена за пол-литра пива – 285 рублей. В меню значилось, что английское. Не уверен... Не греет.

Хотя нынешний общепит сравнивать с прошлым – как сравнивать самокат с самолетом. Абсолютно несравнимые вещи!!

Олимпийским летом 1980 года мой приятель тоже установил рекорд. Он пообещал за 23 копейки. Дело было в Петроверигском переулке. В диетической столовой молочный суп стоил 7 копеек, манная каша – 10, а кефир – 6. Хлеб – бесплатно, вот и считайте...

Конечно, очереди. На улице Палеховской надо было постоять. Все

таксисты города здесь стояли. Обычная вроде «стекляшка»... На первое харчо, на второе шницель, размечом с ладонь, чебуреки и компот. Выходило где-то на рупь тридцать, а блаженства – не подсчитать. Плюхались на лавочку Суворовского бульвара и закуривали. Вкуснота! А «пенал» в Камергерском? Он долго бился с новыми ресторациями, ночными клубами, итальянскими кабачками, еврейскими кофейнями и – проиграл! А мы тут брали

желобно кричащей очереди: «Не готовы еще! Что, мне на кастрюлю сверху сесть? Погодите минутку, со-колики...»

Напротив Центрального рынка тоже таилось местечко примечательное. Во-первых, это была «сидячка», причем кресла были мягкие, как в райкоме. Во-вторых, меню тоже оригинальное: сосиски с горошком, кофе и сыр на вес. И боле ничего.

Сыр хозяйка Нинарезала толстеными кусками и кофе варила отличный. Курить, понятно, на улице. Я здесь просиживал целую вечность и читал роман Ирвина Шоу «Богач, бедняк», только-только опубликованный в «Иностранке».

Мы знали десятки приличных мест. Все их плюсы и минусы. Обеденные часы и санитарные дни. Это было нормально...

В рестораны мы не ходили и как-то не переживали по этому поводу. Официанты нас раздражали, ведь мы не были пионерами, мы жили по-честному, на стипендию и на те заработки, что приносила ночной работа сторожем, вахтером, бойцом вневедомственной охраны. Выходило рублей 110 на месяц. Нормальные деньги на одного. Мы учились, и учеба нам очень нравилась.

Воскресенье. Первая половина дня. Теперь это лучшее время для свидания с городом. Мало машин, и можно вспомнить наземный транспорт, который без пробок доставит вас из одной Москвы – в другую.

Метрошное знание города – это азы. Автобусы, трамваи, троллейбусы – средняя школа. Пешее знание – университет. Слабо вам махнуть от «Исторички» до Третьяковки? Это же рядом... Часа полтора красоты.

Я люблю город и на лингвистическом уровне. Ленивка. Волхонка. Знаменка. Каретный ряд. Маросейка. Таганка. Пироговка. Солянка. Девичка. Остоженка. Хользунов переулок... Какая чайхана была на Зубовском! А теперь тут продают компьютеры и прочую чепуху...

Вспоминаю уроки школьные, взял, перелистал Грибоедова: «Я как живу, так и пишу – свободно и свободно». Ах, как хотелось бы соответствовать. ●

РИА Новости

пельмени, пироги, солянку. А позже появилось и пиво с водочкой.

Помню, как актер МХАТа Валентин Никулин забежал вечерком на минутку, легко принял рюмку холодненькой, запил родимую томатным соком, горбушечку черного круто так посолили... Подмигнул всем нам и – на сцену.

Когда у меня вышла первая книжечка, сразу мотнул сюда, отметил, как полагается. И в «Пушкинскую лавку» зашел, ощутил запах книг в переплетах времен очаковских...

Нет теперь там ни запаха веков, ни пельменей, ни толстой тетки, дру-

Зоя Мозалева [Рязань]
Фото Антона Беркасова

РОЖДЕННЫЙ ПОБЕЖДАТЬ

«Нет задач невыполнимых» – эти слова, знакомые любому десантнику, стали девизом Никиты Богданова. С детства он прикован к инвалидной коляске, но это не помешало ему покорить небо.

СЛОВО «ПРИКОВАН» СОВСЕМ не подходит Никите. Нет при общении с ним ощущения «пригвожденности», не возникает чувства жалости к человеку, движения которого, увы, ограничены болезнью. Наоборот, главное, что чувствуешь, – уважение. Уважение к его мироощущению, интересу ко всему, что происходит, его жизнелюбию. И еще одно чувство, которое непроизвольно возникает, – стыд. За то, что плачемся. За то, что обижаемся на жизнь. Он не обижается. Он ее любит. Такой, какая она есть. Хотя ему, поверьте, частенько приходится тяжелее, чем многим из нас.

«Нет задач невыполнимых...» – это из песни про десант. А продолжение такое: «...есть десантные войска». Любовь к десантным войскам у Ни-

киты давняя. И небо для него неразрывно связано с ВДВ. Директор Рязанского свободного лицея, где учился Никита, когда-то служил в десанте. «Как-то у нас зашла об этом речь, я сказал, как много для меня значит ВДВ. И Дмитрий Александрович без лишних слов тут же пошел в свой кабинет и вышел с беретом. Это был для меня очень ценный подарок», – вспоминает Никита.

Потом еще один дар от десантника – тельняшка, а родители купили камуфляж. Полная десантная экипировка... «Но я знаю правило десантников, – говорит Никита. – Не служил, значит, не имеешь права носить форму».

Никита попросил морального права на ношение заветной амуниции. И это право ему было дано – десантники не могли отказать парню, который так любит ВДВ. С тех пор ученик лицея практически всегда и везде появлялся в десантной форме.

«Десантник – это прежде всего состояние духа, – уверен Никита Богданов. Он говорит, что обязательно пошел бы в армию, если бы не здоровье. – Я думаю так: почему ребята должны рисковать своими жизнями вместо меня? Почему они, а не я? Если убрать мое здоровье, мы абсолютно в равных условиях. Так почему же они должны страдать, а я – отсиживаться?»

Полученного морального права на ношение формы Никите показалось мало. Он считал, что обязательно должен оправдать оказанное доверие. Мечтал совершил прыжок с парашютом. Конечно, это казалось совершенно нереальным. Но... в жизни не бывает ничего невозможного. Тем более если в душе ты десантник.

Ценность дружбы

При рождении Никите Богданову был поставлен страшный диагноз – детский церебральный паралич. Он навсегда лишен возможности ходить. Передвигаться может только на инвалидной коляске. А по дому перемещается по-пластунски.

Школьную программу поначалу осваивал на дому. Овладевал на выками письма – учился держать ручку непослушными пальцами. Потом было решено попробовать школьное обучение. Слабо вери-

лось, что этот эксперимент будет удачным. Но Рязанский свободный лицей стал для Никиты, как он сам признается, вторым домом. Самое главное, что в этой школе Никита никогда не чувствовал своей «нестандартности».

С детства мама Никиты настраивала сына на то, что ему доступно не всё. Правильная психологическая подготовка имела свои результаты: Никита воспринимал это как должное и не расстраивался, если не мог отправиться с классом в поход или на экскурсию. Но друзья решили, что недоступного для Никиты быть не должно. И когда лицей по традиции собирался в поход по реке Пра, один из одноклассников подошел и спросил, пойдет ли он. «Возьмете – пойду», – ответил Никита. Он всегда был уверен, что не имеет права быть другим людям в тягость. Но его друзей это не останавливало. Когда на реке,

по которой сплавлялись лицеисты, появлялись непроходимые заторы, катамараны приходилось обносить по берегу. Ребята поднимали свой «корабль» вместе с Никитой.

«Друзья у меня замечательные, – говорит Никита с особой гордостью. – С ними мне повезло. Кирилл, с которым дружим со школы, мне просто как брат. В институте мы очень подружились с Колей. Согласитесь, не каждый возьмет на себя дополнительные хлопоты – он помогает мне ездить в институт. Меня окружают потрясающие люди. Не знаю, сумел ли бы я до такой степени ценить дружбу, если бы мог ходить… Я очень ценю своих друзей. Уверен, что бы ни случилось, они всегда меня поддержат».

И в этом нет сомнений. Их дружба проверена годами и испытаниями. К примеру, когда Никита еще учился в школе, его отчим попал в аварию. И случилось это 31 августа. Никита не знал, сможет ли пойти в школу. На выручку пришли друзья. Приехали за Никитой, отвезли да еще по дороге цветы купили. «Повторюсь, очень горжусь своими друзьями. Дружба – это самое ценное. Думаю,

она даже выше любви», – рассуждает Никита. Хотя о любви он, конечно, мечтает. Кто же не мечтает о ней в 21 год?.. Он очень надеется, что со временем у него появится собственная семья. Уже планирует, как будет обеспечивать своих будущих домочадцев. К ответственности за семью он готов.

Покоритель рек

Сейчас Никита перешел на третий курс МЭСИ. Учится так, что получает повышенную стипендию. Если подводит здоровье – настаивает на пересдаче экзаменов. Упорства ему не занимать. Сама жизнь научила его быть упорным. «Повышенная стипендия – 4 тысячи рублей. А это уже больше половины стоимости прыжка (он стоит 7 тысяч рублей). Хорошой учебой могу заработать на прыжки, и родителям хоть какая-то помощь», – оценивает Никита.

Он учится на менеджера организаций. В будущем подумывает открыть свое дело. Правда, пока не очень представляет, как совместить будущий бизнес со своей давней страстью – ВДВ. «Но ничего, жизнь все расставит на свои места, – улыбается Никита. – Все определится». Интересов у Никиты много. С удовольствием читает, неплохо знает английский, активно пользуется Интернетом. Среди музыкальных предпочтений русский рок и армянские песни. Говорит, что обязательно должен вникать в смысл песен. Он даже создал собственное

собрание цитат. Одна из любимых: «Кто мужчиной рожден, тот рожден побеждать». Это тоже своего рода девиз, ориентир в жизни.

Еще одно увлечение Никиты – покорение рек. Учитывая походный опыт, можно считать, что первую категорию сложности как водник он имеет. Но этого ему мало. Мечтает пройти по более капризной реке – повысить категорию сложности до второй, а то и до третьей. «Я бы с удовольствием рванул в Карелию, – задумчиво говорит покоритель рек. И добавляет: – Самое главное – не останавливаться. Всегда надо двигаться вперед. Хоть на шаг, хоть на полшага. Если я остановлюсь в развитии, мне станет скучно. А скучно жить невозможно». Но его жизнь уж точно нельзя назвать скучной. В ней всегда много событий, много друзей и впечатлений. «Наверное, если бы я мог ходить, меня дома было бы невозможно застать, – улыбается он. – Столько всего хочется успеть, так много интересного в этой жизни».

Еще одно увлечение – футбол. Никита болеет за «Локомотив». Раньше,

«Десантник три минуты ангел,
три минуты орел,
а остальное время – ломовая лошадь.
Ангелом и орлом я уже был.
Пора становиться ломовой лошадью».

как и дедушка, болел за «Спартак». Но потом вкусы изменились, и теперь, когда эти команды играют друг против друга, страсти в доме накаляются. Впрочем, страсти эти только спортивные. В семье полное взаимопонимание. Никита сам говорит, что всегда чувствует колossalную поддержку родных – мамы, отчима, бабушки, дедушки, а теперь еще и двух младших братьев. Кстати, самый маленький, двухлетний Степа, когда провожал брата на прыжок, уверенно заявил, что тоже обязательно будет летать. «У меня будет маленький парашютик, – говорил он, глядя, как высоко в небе парит его старший брат. – И я так же буду лететь, как Никитка».

Никита для него, конечно, непрекаемый авторитет. С удовольствием залезает к старшему брату на колени

и раскачивается, точно зная, что он в надежных руках. «Это мой тренажер», – шутит старший. А младший только довольно улыбается.

Радость победы

Кстати, еще одна деталь о футболе. Никита – болельщик активный. Даже ездил на матч любимой команды. На вопрос, не страшно ли было, только удивленно пожимает плечами:

«А чего бояться? Что можно получить? Получить можно и здесь в любой момент. Вообще, считаю, что мужчине от этого прятаться нельзя. И если надо будет драться, я готов. Пусть продержусь совсем недолго, но отступать не стану. Нельзя. Один раз отступишь, потом привыкнешь отступать». Свою готовность не отступать он уже не раз подтверждал

на деле. Так, был в его жизни случай. Не самый приятный, но стоящий того, чтобы о нем рассказать. Как-то у него произошла, скажем так, неординарная встреча. Парень на коляске в камуфляжной форме и голубом берете привлек внимание трех друзей-десантников. «С тобой что-то случилось на прыжках?» – с недоверием спросили Никиту – юный возраст парня на коляске смущал обратившегося. «Нет, с детства такой». – Никита врать не привык. «А почему тогда форму надел?» – в голосе противника явно слышалось неодобрение. В уме Никита прикинул, насколько неравны силы: три одиннадцатиклассника, у одного из которых недавно была операция на колене, а другой – на инвалидной коляске, против трех крепких вэдэвэшников. «Не скрою, сердечко у меня билось, – вспоминает Никита. – К драке был готов. Думал, пусть хоть три секунды, но я продержусь. Но на мне была ответственность за ребят». Никита сказал тогда: «Я уважаю ВДВ. Ты имел возможность отслужить или отучиться и стать десантником. Я этой возможности не имел». ОппONENT хлопнул мальчика по плечу, сказал «Держись!» и уехал.

Конечно, он мечтал служить в ВДВ. Здоровье не позволило. Но не позволить мечтать оно не может. И все равно самое заветное желание Никиты – стать настоящим десантником, получить погоны. Мало верит в реальность этого, но мечта есть мечта... Недавно нашел в Интернете историю, как бабушке, которая помогала десантному полку, было присвоено звание рядового. История эта вселила надежду. Впрочем, Никита уверен: если суждено получить погоны, то это обязательно случится. А если и не суждено, в любом случае нельзя сдаваться – в этом Никита уверен. Нельзя останавливаться. Надо идти вперед. Ведь десантник – это прежде всего состояние духа. И не важно, в погонах или без...

С таким настроем – не сдаваться – Никита шел и на прыжок. После первого отказа в аэроклубе не сдался. Стал искать другие возможности. И нашел. Договорились, поехали в Коломенский аэроклуб, она до последнего надеялась, что Никите откажут и прыжок не состоится. А инструктор

посмотрел пару секунд на молодого человека в инвалидной коляске и коротко сказал: «Сейчас полетим». «Больше всего я боялся, что откажут. А перед прыжком страха как такового у меня не было, – вспоминает Никита. – Я шел к этому четыре года. И был полностью готов. Прекрасно понимал, что исход может быть абсолютно любой. На прыжках случается всяческое, причем с совершенно здоровыми людьми, даже с мастерами спорта. Я не настраивался на плохое, но готов был ко всему. Как говорится, кто не готов к поражению, тот не познает радость победы».

Небо как диагноз

Никита смог познать эту радость... Его многие не понимают. Не понимают, зачем нужен этот риск. Кто-то открыто посмеивался, кто-то крутил пальцем у виска. «Я до конца осознал, зачем мне это нужно, уже после того, как совершил прыжок. До этого просто была уверенность, что это надо сделать, – на уровне подсознания. Прыжок многое во мне перевернул. Теперь нужно идти дальше». Никита говорит, что прыжок – хороший стимул для дальнейшего развития. Даже в таком деле, как физическая подготовка, полет на парашюте его здорово подстегнул. «Я всегда старался застав-

казаться, что ничего запредельного в таком прыжке нет. Правда, с таким же диагнозом, как у него, удалось отыскать только один пример. Как уж Никита уговаривал маму, это его секрет. Наверное, редко какая мама смогла бы пересилить свое волнение. Но Наталья Ивановна понимала, насколько это важно для сына. И все-таки... Даже когда ехали в Коломенский аэроклуб, она до последнего надеялась, что Никите откажут и прыжок не состоится. А инструктор

лять себя заниматься физическими упражнениями, но делал это нерегулярно – с собой-то можно договориться. Как всегда говорю, мне не хватало сержанта, который бы меня заставлял. Прыжок оказался самым сильным стимулом для самосовершенствования. Есть еще одна классная поговорка: десантник три минуты ангел, три минуты орел, а остальное время – ломовая лошадь. Ангелом и орлом я уже был. Пора становиться ломовой лошадью. Теперь каждый день – обязательная физподготовка». Рельефные Никитины бицепсы – наглядное свидетельство его усердия.

Сегодня у Никиты уже два прыжка с парашютом. Сам говорит, что первый прыжок прошел как во сне. Поверить в реальность происходящего было очень трудно. Однако хорошо помнит, как сразу после выхода из самолета почувствовал себя рыбой – стал задыхаться: на высоте 4 тысяч метров скорость ветра не меньше 20 километров в секунду. Еще жалеет, что землю как следует рассмотрел лишь с высоты полутора тысяч метров, когда раскрылся парашют. До этого от захлестнувших эмоций

«Меня окружают потрясающие люди.

Не знаю, сумел ли бы я

**до такой степени ценить дружбу,
если бы мог ходить... Я очень ценю своих друзей.**

Уверен, что бы ни случилось, они всегда меня поддержат».

захватывающую «фотографию» земли не успел. Но и без того впечатлений от прыжка – море. И приземление было мягким, как в подушку. Опытный инструктор Павел Яскевич все сделал грамотно.

«После полета инструктор уже как родной, – шутит Никита. И серьезно добавляет: – Но это и неудивительно – жизнь можно доверить только очень близкому человеку».

Второй полет прошел для Никиты более осознанно. Анализировал, что сделал не так, чтобы в будущем не повторять ошибок. Старался четко следовать указаниям инструктора.

Об ощущениях полета Никита рассказывает с восторгом. Но, наверное, точнее всего он выплеснул свои эмоции в стихах, которыми, по его собственному выражению, иногда балуется. «Ты видишь доли

тишины, что рядышком с тобой повисли...». Это, как объяснил Никита, написалось сразу после прыжка. Это замирание он хочет испытать снова. Он точно знает, что небо тянет к себе вновь и вновь. «Я болен небом, – смеется Никита. – И наверное, неизлечимо».

Казалось бы, прыжок совершен, и на этом можно успокоиться – доказал и себе, и другим, что можешь. Но Никите этого мало. Он, как и во всем, на достигнутом останавливаться не собирается. Мечтает пойти дальше – хочет научиться складывать парашюты. А в дальнейшем – кто знает? – может быть, удастся совершить прыжок и одному, не в tandemе. Конечно, это кажется совсем нереальным. Но ведь и прыжок с парашютом раньше для него был тоже чем-то из области фантастики... ☺

Владимир Емельяненко [Сан-Франциско – Москва]

ГОРОД ФРИКОВ

Вот скажите, что надо человеку, оказавшемуся на берегу Тихого океана? Да еще в Сан-Франциско, между густыми туманами, сутками обволакивающими летний город, и океанической волной высотой с трехэтажный дом? Каждая из них катит на тебя с приглушенным урчанием, как танк. Но это только издалека волна идет как цунами, а у берега плещется робко и мирно. И лишь колючая иголками ледяная вода напоминает об устрашающей мощи того, что осталось от грозной стихии... Ну вот же оно – состояние по Марку Твену: «Самая холодная зима, которую я когда-либо испытывал, – это лето в Сан-Франциско». Казалось бы, предел мечтаний. Растворись, стань деревом или птицей и соединись с природой!..

АКОЙ-ТО НЕВЗРАЧНЫЙ МУЖИЧОК одним махом взял и обломал романтическое свидание с Америкой. «Зря босиком по воде шлындраешь, – раздалось из-за спины с южнорусским говорком, – у нас третий день как холодное течение «Крисси». Мы на этом пляже не купаемся. Вода не прогревается». Ну вот, думаю, он мне сейчас, прям как в Сочи, еще и горячую кукурузу «за дешево» всчитит. Видимо, он уловил мое раздражение. «Та я шо? Та я ничего, – сбился вдруг он на суржик. – Змерзэшь, ховорю». От такой заботы я не выдержал и улыбнулся. И незнакомца слов-

PHOTOS/ALAMY

но прорвало. Не останавливаясь, он скороговоркой начал рассказывать, что приехал сюда за тридевять земель из Краснодара, точнее, «со станицы Брюховецкой», перебрался в 2004-м вслед за женой-офтальмологом, открыл экскурсионное мини-бюро и на автобусе возит туристов. Группу русских журналистов наблюдательный бизнесмен присмотрел еще возле городского «Конгресс-холла», хотел нас зазвать на экскурсию, а тут удача босыми ногами сама в руки идет... «Как землякам, я скидки гарантирую, – тараторил он, – и такой русский Сити покажу, что еще захотите...».

Абраcadабрский акцент

Ждем в полдень, как договорились, у городской оперы. Уговаривать коллег не пришлось: английский знают не все, а тут такой шанс. «Может, он нас и на русскую диаспору выведет», – размечтался кто-то.

Двухэтажный красный автобус с открытым верхом подъехал четко по времени. Но водитель-негр и его напарник-мулат не выказывали к нам никакого интереса. Хозяин появился откуда-то из-за угла. «Билетики, – затараторил на русском, – берем билетики, проходим в салон». «Можно я буду писать на диктофон?» – застенчиво спросила у него пожилая дама из тех журналисток, что в любом возрасте и условиях остаются «тургеневскими девушками». «Все можно, – куда-то спешил экскурсовод. – Занимаем места на веранде, там обзор лучше». Когда все разместились и автобус тронулся, экскурсовод соскочил с подножки. «Куда же вы? – первой встрепенулась «тургеневская девушка» с включенным диктофоном. – А как же экскурсия на русском?» «Вы в Америке, – ответил на прощание соотечественник. – Здесь говорят на английском».

Не успели мы прийти в себя, как мулат начал экскурсию. На адской

смеси английского и испанского он пригласил нас в Город Ангелов. «Святого Франциска», – поправили его мы, заметив, что до Лос-Анджелеса отсюда добрых 600 км. Но парень был непреклонен: на заученном английском он умел говорить, а понимать, да еще русских с их абраcadабрским акцентом, явно не входило в его планы. «Ни хрена себе, – взяточно и громко произнесла вдруг «тургеневская девушка». Подумав, она выключила диктофон и добавила: – Подкузьмил землячок». А Сан-Франциско – город немыслимых небоскребов-«труб» и приземистых особняков – уже вовсю купался в солнце. Наш мулат, приехавший, как выяснилось, из Парагвая, лез из кожи вон, чтобы влюбить нас в атмосферу американской эклектики. Начав с того, что Сан-Франциско основан в конце XVIII века испанскими колонистами, он почему-то радостно заметил, что ни один дом-крепость в конкистадорском стиле не сохранился – колониальный город до основания был разрушен землетрясением 1906 года. «За алчность золотоискателей им было дано Всевышним», – как-то слишком злорадно заметил гид. И без паузы сообщил, что «немного сохранилась» лишь церковь Св. Франциска

PHOTAS/ALAMY

Ассизского, строение, датированное 1776 годом.

Заново город отстроили очередные поселенцы. «Ехали они сюда за золотом, а американцы его у них отнимали, — продолжал гнуть свою линию гид, — вот люди все, что у них оставалось, вкладывали в мечту о «золотой» жизни — строили дома в архитектурном стиле тех мест, откуда приехали. Поэтому в Сити есть все: особняки Викторианской эпохи, немецкие биргерские дома, русские терема, итальянские виллы, но больше всего здесь китайских пагод. Китай тут через океан, вот они и теснят всех...».

Дальше мулат-экскурсовод простирая и долго сожалел о том, что по недоразумению здесь нет «непревзойденной» парагвайской архитектуры. Но мы не могли по достоинству оценить его пафос, ибо находились в прострации от несовместимости китайского «чайнатиона» и «маленькой Италии», «квартала Бермингема» и «уголка Петербурга», «маленького Марселя» и верфи Фишерман, смахивающей на порт Яффу в Тель-Авиве...

Когда мы подъехали к знаменитым Золотым воротам, которые на самом деле красно-медные, я наконец понял, чем так завораживает нас гид-самородок. «Вот они, Золотые ворота, — продолжал между тем вещать он. — Вы, конечно, видите, что они красные. Такое представление у американцев о золоте. Белое и желтое они растасчили со времен золотой лихорадки, а то, что осталось, соединили с железками и выстроили вот мост». Вот оно: гид-гастарбайтер как порождение глобализации — этакая разновидность «натуральной» и лицензионной BMW. Собранный в Германии, России и Китае, марка одна, а едет по-разному: немецкая скользит, русская преодолевает, а китайская — все равно пластмасса. Есть еще и лицензионный взгляд на открытие Калифорнии от парагвайского мучачо. Чтобы понять Сан-Франциско, надо смотреть не его улицы, учил он нас, они все равно фасад, и не магазины — они в Америке везде гигантские и с перебором вместо выбора, а знаменитый остров-тюрьму Алькатрас в Тихом океане и целый ворох музеев, которых больше нет нигде в мире.

Адреналин имени Аль Капоне

«Сермяжная правда в его словах есть, — соглашается с экскурсоводом-гастарбайтером Андрей Арнаутов, бывший петербуржец, ныне компьютерщик из Нью-Йорка, приехавший в Калифорнию отдохнуть. К экскурсии он присоединился случайно. — Латиносы видят Америку с другой стороны».

Признаюсь, идея ехать на экскурсию в тюрьму, откуда никто не выбирался да еще за свои же кровные \$29 плюс \$12 за катер до острова, меня покоробила: везде в мире на зону сажают все же за казенный счет. Пиаром чистой воды показались аргументы вроде того, что в Алькатрасе сидел «сам Аль Капоне» и в его камере тоже можно побывать. Однако верх взял интерес: что же в этой тюрьме такого, что, когда ООН в 80-е предложила превра-

PHOTOS/ALAMY

тить ее в международный центр решения конфликтов мирным путем, почти весь Сан-Франциско вышел на улицы с акциями протеста и отстоял тюрьму? Так зона строгого режима стала зоной отдыха «Золотые ворота» и одной из главных туристических достопримечательностей города.

Нас, как и всех, Алькатрас встретил качающимися трапами и окриками экскурсоводов, экипированных в стилизованную полицейскую форму надзирателей. «В строй! Все в строй! —

PHOTOS/ALAMY

шутливо угрожала колоритных объемов надзирательница. — Кто желает ходить вне строя, внесите, прошу, добровольное пожертвование в фонд «Золотые ворота».

Экскурсовод указала на стеклянный ящик, на котором красовалась зеленая цифра \$1. Для пущей убедительности женщина резким движением руки остановила строй. Публика, а ее набралось под завязку — по количеству мест на трехпалубном катере, покорно затормозила. Переминаясь с ноги на ногу и глазея по сторонам, люди выразительно помалкивали, всем видом показывая, что никто не хочет бродить без сопровождения. Или платить еще доллар. Но Алькатрас и не таких видывал. Метров через сто, когда взорам открылся мрачного вида главный корпус тюрьмы, который туристы рассматривали глазами заключенных — снизу вверх, экскурсовод сно-

**Победителем «адреналинового»
заплыва 2008 года стал**

**Брэйкстон Билбрей из Аризоны,
 преодолевший путь
от Алькатраса до Сан-Франциско
за 47 минут.**

ва остановила свой рассказ, а потом и строй.

«Мы вступаем на территорию, где легко потеряться, — с нотками заботливой пионервожатой в голосе предупредила она, — поэтому, прошу, обзаведитесь путеводителями». Дама в униформе показала рукой на двух корабелей, улыбчиво предлагавших брошюры с впечатанным ценником в верхнем правом углу — \$1. И вот тут толпа, как говорят на зоне, показала, кого из нее легче «про-

гнуть». Кто-то из тех, кому не повезло оказаться рядом с экскурсоводом, нехотя брал путеводитель — деваться некуда. И вяло расставался с долларом. Кто-то брал нагло, любезно-безразлично благодарили, давая понять корабелю: мол, свободен. Кто-то вообще встал в позицию «я

не такая, я жду трамвая». А глазки экскурсовода в полицейской форме сканировали чуть ли не каждого так, что сомнений не оставалось: шоу только начинается.

Когда очередь дошла до осмотра камер, то предложение не только взглянуть на стандартный 8-местный «обезьянник», но и побывать в нем за \$4, рассмотрев солнце и океан в металлическую клеточку, у пары-тройки человек уже не вызвало протеста. А уж перед «апартаментами»

Аль Капоне кое-кто из народа и вовсе вошел в раж. Бесплатно однокомнатный двухкомнатный «люкс» с душем и отдельным туалетом можно бегло осмотреть в глазок. А рядом в спину уже дышит толпа страждущих. Прогуляться в нем — \$10, пообедать — \$30 без стоимости обеда, а провести сутки с катанием на катере в открытом океане, что, по легендам персонала, изредка «практиковал» мафиози, — от \$150. Тюремная столовая, несмотря на обилие полупустых фастфудов и ресторанов вокруг, ломится от очередей. Служащие даже держат специально обученный персонал, который учит посетителей пользоваться привязанными цепями к столам тарелками, ложками и кружками.

Почти каждый год на острове аниматоры устраивают «адреналиновый» заплыв — от Алькатраса до Сан-Франциско (около 2,25 км по воде) при температуре 12–16°C. Победителем в 2008 году стал Брэйкстон Билбрей из Аризоны, преодолевший путь из заточения до воли за 47 минут! Своим заплывом мальчишка повторил часть пути, по которому в 1962 году рецидивисты Фрэнк Ли Моррис и братья Энглин совершили сенсационный и единственный побег из Алькатраса: веками ледяная вода считалась естественным препятствием для беглецов, но подкравшееся глобальное потепление испортило имидж тюрьме, которую вскоре после того побега закрыли, чтобы сделать музеем.

Фриско из Сан-Франциско

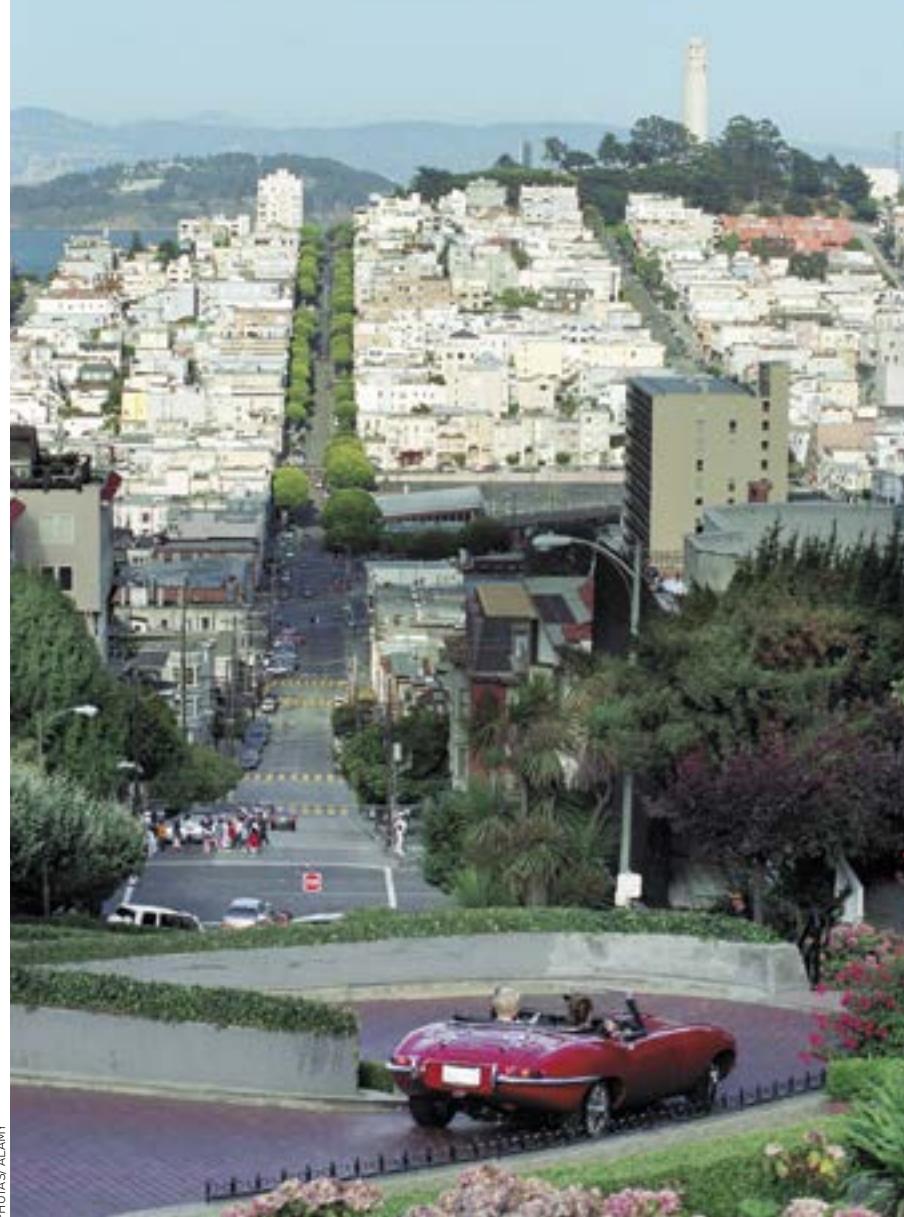
С Алькатраса я сбежал, не дождавшись окончания экскурсии. Число страждущих перекантоваться на нарах «самого Аль Капоне» оказалось последней каплей. Ощущение — будто очередь блаженных в преисподнюю. Может, мы доживем до благостных времен, когда Владимирский централ или Матросская Тишина превратятся в безобидный диснейленд для туристов. Но что-то подсказывает: генетическая память, как прививка, удержит соотечественников от массового подросткового задора, с каким американцы стоят в очередях за «прикольным адреналином».

А он, разжиженный адреналин, готовый настичь любого, едва ли не разлит во влажном воздухе Сан-

Франциско. Уж не знаю, от сырости и сырости или от перенаселенности (на одном квадратном километре живут 6111 человек – после Нью-Йорка это второе место по плотности населения в США), но за фриков всех мастей Город у залива (City by the Bay) – это его обычная кличка – получил еще две: Фриско (в вольном переводе – «изгиб на счастье») и Фрик. Вот, помилуйте, но какому еще городу придет в голову самонадеянная мысль открыть Музей Лох-Нессского чудовища, вроде как замеченного в шотландском озере? А в Музей унитазов, Музей стриптиза и, простите, в Антикварный музей вибраторов не хотите сходить? И если вы полагаете, будто они пустуют, ошибаетесь. У музея врунишки Рипли «Хотите верьте, хотите нет», запрятанного в местных переулках, сам видел группу вполне благообразных пенсионеров, пришедших на лекцию «Русалка – это рыба или мясо?». А после похода в Музей НЛО и Музей татуировок (старинных татуировочных машин и пинцетов) я вдруг понял, что интереснее не сами нетрадиционные заведения, а экземпляры, их посещающие.

«Да ты что, – объяснял мне Андрей Арнаутов, – я специально отпуск взял, шесть часов сюда летел, чтобы сходить туда. Мне говорили, что оттуда чуть ли не космонавтом выходишь. Нет, реально... Идем?»

Устоять перед предложением побывать в космосе, не выходя из Музея НЛО, было невозможно. В холле музея проецировали кадры космического путешествия голливудской дивы Шарон Стоун, имеющей здесь же, в пригороде, виллу. А на входе в «Лунный зал» – лунный вояж Леонардо Ди Каприо. Мы после изучения расценок, начинающихся с \$59 со скидкой, остановились на том, что ближе к Земле и легче для карманов, – на Луне. За 7 минут виртуального вояжа во вращающемся кресле ощущения непередаваемые. Мы, как дети, карабкались по лунным камням, качались и «плавали» на фоне проецируемых натуральных кадров Луны. Компьютерное проецирование создавало лунный ветер и свечение. 7 минут – это все-

PHOTOS/ALAMY

PHOTOS/ALAMY

го лишь «превью» к оздоровительному трехчасовому или 24-часовому путешествию, которое помимо невероятных эмоций, как сказано в прайс-листе, восстанавливает баланс нервной системы. Добавлю: и освобождает карман до дна.

«Ты не понимаешь, – удивлялся моей скучности Андрей Арнаутов, – скоро каждый сам будет решать, куда ему ехать виртуально, а куда, в тот же открытый космос, реально. И здесь из-за соседства с Кремниевой долиной это поняли первыми. Так что если и обзаводиться какими-то новыми комплексами, то лучше комплексом полноценности. Здесь это умеют».

Неожиданный взгляд бывшего соотечественника на экстравагантное мироощущение калифорнийцев помог мне, когда к концу командировки появилась возможность провести вечер в театре импрови-

PHOTOS/ALAMY

**На 2007 год население
центра города (без пригородов)
составляло около 740 тыс. человек.**

**Из них около 44% – европейцы,
азиаты (в основном китайцы) – 31%,
латиноамериканцы – 14%, афроамериканцы – 8%.**

заций «Лила». Я бы не пошел. Настораживало само действие: давали «Трех сестер» Чехова и «Лолиту» Набокова в американском прочтении – вместе. Но память о посещении Алькатраса и «вояже» на Луну обещали нечто. Тем более накануне меня заинтриговали тем, что школа сан-францисской театральной импровизации самая развитая в США: если в Чикаго – на родине нового театрального приема – импровизация идет до 40 минут, то в Сити она продолжается по времени как полновесное представление – до полутора часов.

Артисты приятно озадачили прямо с порога зрительного зала: представление шло не на сцене, а между креслами, в проходах. А в минуты апогея оно перемещалось на пятак в центре зала, напоминавшего мини-арену цирка. Такое новаторство позволяло чувствовать себя

почти артистом. Особенно это чувство спасало, когда я начал что-то понимать. Оказывается, третья из чеховских сестер (помните, та, что «В Москву! В Москву!») во всею судьбе XXI века перебралась... в Сан-Франциско, естественно. Сделала успешную карьеру, но цена за нее известна – одиночество. И вот когда она в толпе, то бишь среди нас, зрителей, встречает Лолиту, то становится ей наставником, еще одной сестрой и возлюбленной. И вместе они прорываются сквозь толщи отстающего времени и предрассудки мещан, которых так гениально высмеивал Чехов. Теперь – вместе с жителями Сан-Франциско. И когда актеры в манерной стилистике Виктора и Серебренникова, вместе взятых, легко взмывали, обнажая не только бесконечно длинные ноги, над вековыми предрассудками, меня от приступов хохота спасала

одна малость. Я почти ни черта не знаю английский, а пластика походит не требует перевода. Смотрел и глазам своим не верил – так испортить Чехова, как ни старались, не смогли даже самые именитые классики московского постмодерна, а залу – нравилось! Есть у жителей Фриско и такая форма самореализации – кто в свободное время, кто выйдя на пенсию, идут в самодеятельность. Самых талантливых из них театры импровизации, растущие как грибы после дождя, зовут в массовку, случается, дают роли второго плана. Одна такая актриса-пенсионерка настолько ушла в театр, что, когда сын пригласил ее на свою свадьбу, ответила: «Не могу. У меня гастроли в Лос-Анджелесе». И дело даже не в том, что зал на таких представлениях заполняют обычно родные и близкие артистов. Им нравится вот так жить, и у них получается на доступном им уровне самовыражаться в том, в чем в обычной жизни не успели или не смогли, не избавившись от комплексов, которых у каждого из нас хватает.

Твин Пикс

Когда до самолета оставалось всего ничего, метрдотель в гостинице, расспрашивая о впечатлениях, обронил как само собой разумеющееся: «А на холме Твин Пикс были?» Услышав отрицательный ответ, посмотрел как на безнадежно больного. Оказывается, если ты первый раз в Сан-Франциско, надо пойти в городской парк, взобраться на легендарный холм и загадать самое сокровенное желание. Говорят – сбудется.

Русский терем Ричмонд

Русскоговорящая община Сан-Франциско относительно невелика – около 47 тыс. человек (с учетом пригородов). Из них в самом городе живут примерно до 22 тыс. человек. «Русским» считается один из «спальных» районов города – Ричмонд. Он славится обилием русских усадеб и дворцов, «мещанских» теремов, ресторанов и магазинов. Русский культурный центр основан в 1939 году. Генеральное консульство РФ здесь открыто еще с дореволюционных времен – с 1891 года. ●

Василий Журавлев [Париж]

ВОЗЬМЕМСЯ ЗА РУКИ, ДРУЗЬЯ

Русским туристам, приезжающим сегодня в Париж, этот адрес неизвестен. Те, кто живет здесь постоянно, тоже о нем не знают: «колбасным» эмигрантам не до книжек, а новые русские пролистывают глянцевые журналы и пропадают в патриотическом порыве в российском Интернете.

Я ЗАБРЕЛ В КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЧИК LES EDITEURS RÉUNIS, открытый стараниями «русских парижан» для своих соотечественников еще до всех революционных перемен. Наверное, это последний книжный магазин в Париже, где еще не выветрился дух истинно идейной русской эмиграции в этом городе, которому теперь ни до кого нет дела. Старая витрина, скрипучие деревянные полы и полки, прогнувшиеся под тяжестью не востребованных ныне книг. Давным-давно это был центр русской и «антисоветской» эмиграции. Сегодня здесь просто за пару евро продают букинистические книги из частных библиотек «старых русских» – орангутангились дети не интересуются культурой предков и современной российской литературой.

Я надеялся найти здесь что-нибудь о русских художниках, воевавших в Иностранном легионе, но нашел совсем иное: книгу-исповедь русской художницы Екатерины Московской о своих друзьях, возлюбленных и некогда всесильных родственниках и друзьях дома. Меня поразила искренность, с которой написана эта повесть-покаяние о прошлом, где история исчезнувшей страны сплелась с личным опытом, который, как тот «хемингуэевский» детский праздник в Париже, всегда с тобой. И прекрасный русский язык. Теперь такой можно услышать разве что в беседе с уходящей парижской натурой, стариками – детьми и внуками первой волны русской эмиграции. Пахнуло свежим ветром моей любимой эпохи – 60-е, оттепель, щемящие виды Москвы и Праги, картины автора, которыми книга иллюстрирована.

...А затем я полез на Холм: потянуло посмотреть на художников Монмартра... Теперь они, правда, сродни нашим, арбатским: впаривают туристам картинки с видами Парижа а-ля Утришо. Русские художники их так и называют – «утрилки». Об этом и многом другом я узнал от случайного знакомого с площади Тертр – художника с родины Шагала, из Витебска. Он рассказал мне, чем дышат его собратья.

«Знаешь, – сообщил мне Эльдар, – один мой знакомый хороший художник подался в Штаты. Говорят, там эмигранты объединились в Союз русских художников и поют его гимн «Возьмемся за руки, друзья...», ну знаешь, из Окуджавы... а мы тут все собачимся за миску супа...». Я показал ему купленную пару часов назад книжку Московской. «Слушай, врать не буду, но фамилию эту я не раз слышал от ребят, тех, что здесь теперь у нас с Малой Грузинской, ну второй авангард...». Набираю телефонный номер, гудки и... В трубке звучит низкий, серьеzyный голос Екатерины Московской. На фото, пусть и давних, хрупкая женщина. Теперь – президент Союза художников России в США. К тому же еще и коллега – журналист. Только вот окончила наш факультет намного раньше меня. Рассказывает, что была аккредитованным корреспондентом «Независимой газеты» в Вашингтоне.

– Как вы – «старорусская», выросшая в семье советской номенклатуры, – воспринимаете Штаты? Что вам там тяжелее всего дается?

– Да мне здесь нравится и все дается, и не трудно с Божьей помощью. Все равно где находиться, тем более что не ты это решаешь, важно то, что в тебе находится... Остальное – всего лишь география. Забавно,

правда, видеть, что мои новые сограждане не догадываются, что они живут почти в идеальной модели, воплощении мечты ушедших государственных боссов Советского Союза. Человеческому существу дан добрый дар ко всему привыкать, а уж к этому мы давно привыкли, но все-таки особенно раздражают иногда беседы с машинами: press 1, press 2 – часами. Но это полезно, Америка научила меня терпению... ожиданию.

– Кем вы себя считаете: журналистом, писателем или художником?

– Всеми сразу и кем-то совершенно иным, ваш вопрос задан не о сути, а лишь о разных формах ее выражения. Все дело в настроении и в идее, которой хочешь поделиться. Под них подбирается форма. О чем-то доходчивее сообщить словом, что-то подвластно только цвету. Но вас, кажется, интересовала история Союза художников в США. А все, что вы хотите узнать от меня, не уместится в одно интервью.

– Да, расскажите все с самых истоков – как давно все началось?

– Началось все сорок лет назад: сложилось так, что уже с 18 лет я работала с лучшими художниками СССР. В самом центре Москвы находился Художественный салон только для избранных гостей самого высокого ранга: членов правительства, правительственные делегации иностранных государств, дипкорпуза, зарубежных корреспондентов, крупных частных коллекционеров мирового масштаба, где они могли приобрести произведения современного советского искусства и получить все законные документы на вывоз их из страны.

– Это что-то вроде «сотой секции ГУМа», где отоваривалась советская номенклатурная верхушка и члены их семей?

– Похоже, но не совсем. Там продавали импортные товары, мы же торговали на экспорт. Особенность советского режима состояла в том, что чиновники от культуры, в отличие от современных, обладали удивительным чутьем на качество художественных произведений и о коммерции думали в последнюю очередь, а в первую – о престиже страны. В тоталитарном обществе было легче собрать воедино самое хорошее – по приказу. Только лучшие из лучших произведений попадали в это неизвестное простым смертным место, которое носило вполне целевое название «Салон по экспорту живописи». Естественно также, что для художников, скульпторов, ювелиров, прикладников из Союза художников России и СХ всех республик огромного Советского государства считалось почетным и престижным быть удосто-

енным высокой чести продавать свои работы в такой организации. Находилась она в красивом доме, примыкающем к посольству США в Москве. Какие только знаменитости не посещали наш шикарный «ларец сокровищ»! Одни – чтобы привезти свои картины на выставки, другие – чтобы купить их. Возглавляла салон талантливая женщина-искусствовед, дочь величайшего хирурга-кардиолога, именем которого названы институты и больницы, – Марина Александровна Бакулева. Сотрудников она подбирала молодых и неординарных, со знанием языков, чаще это были милые, элегантные женщины, художников понимала и ценила, коллектив был дружным, спокойным. Я была самой молодой в этом изысканном салоне. Разумеется, была в восторге от своей работы, от людей, тем более что жила в том

же доме на верхнем этаже. К тому времени я уже окончила художественную школу, но продолжала много писать, картин я имею в виду. Членство в Молодежном объединении Союза художников ко многому обязывало: нужно было серьезно трудиться, чтобы «оправдать доверие», как говорили в те времена. А еще перевелась с дневного на вечернее отделение факультета журналистики МГУ; на дневном было скучно.

– А потом?

– Потом защитила диплом, и меня настойчиво оставляли в аспирантуре, но я отправилась на работу по своей прямой специальности – в газету «Советская культура» ЦК КПСС, в отдел изобразительного искусства. После мягких красок и пушистых ковров, вальяжных господ, либеральной начальницы и дыма Marlboro попала в жесткий мир журналистики: нервных, одиноких женщин, раздраженных вечным безденежьем мужчин, запаха типографской краски и «Дымка» – дешевых сигарет без фильтра. В мир вечной спешки, ответственности и начальственного крика. Я стойко выдерживала натиск своей потомственной профессии – у нас в семье все были журналистами. Мой дед – военный журналист, авиатор, возглавлял «Сталинский Сокол», «Красную звезду», «Советскую Россию» и даже отдел пропаганды ЦК КПСС. Но в те дни я чаще вспоминала не его конкретно, а тех необычных журналистов – например, чудного писателя Андрея Платонова, который работал в его редакции рядовым корреспондентом, и никто не догадывался, что он пишет в маленьком подвале после службы, Суркова, Регистана, Михалкова, которые окружали деда, – и свою дипломную работу «Советский журналист в конкретике боевых действий – четыре года войны». Никогда не могла представить себе, что столь не современная в то время тема может оказаться такой актуальной через 30 лет, то есть сегодня. В этой дипломной работе, кстати, сравнивались советские и американские военные журналисты.

— Ну а часто вы жаловались дедушке-генералу на тяжкую редакционную жизнь?

— Жаловаться В.П. Московскому, прошедшему четыре года войны в замаскированном поезде-редакции, передвигающемуся по узкоколейке в трех километрах от передовой, было бы наивным и бесполезным, он просто не понял бы моих «девицких» переживаний. Они же каждый день жизнью рисковали, а контролировал их сам «вождь народов», и, если что не так, по военному времени — расстрел. Так что в газете, в клубах дыма мирного времени я, можно сказать, легко получила хорошую закалку на всю жизнь. Мои «четыре года журналистского фронта» тоже закончились победой: меня пригласили на работу в удивительнейшее место, единственный островок свободы в мире всепожирающей совдепии... Это был так называемый Горком графиков. Чтобы не сажать и не класть в психбольницы всех художников андеграунда, работавших дворниками и истопниками, весь второй авангард объединили во вновь созданную «секцию живописи» при Городской профсоюзной организации художников-графиков. Горком располагался, разумеется, в подвальном помещении. Прямо как в «Записках из подполья» Достоевского — подвал как синоним «подполья». И пусть наше заведение находилось под неусыпным оком КГБ, но я могу вслед за Мастером Булгакова воскликнуть: какой это был замечательный подвал! Он находился в доме, где жил Владимир Высоцкий! Тогда москвичи и «гости столицы» — приезжие провинциалы — ходили поглязеть на этот желто-кирпичный, внешне ничем не примечательный дом советской жилой архитектуры 70-х годов — «жилтару», внутри которого таились уже двухэтажные квартиры, где жили очень многие знаменитости: Аринбасарова, Михалковы, Вергинские, Щаповы и другие, которых знали, как и Высоцкого. А вот тех, кто собирался в подвале, знали только за границей — как смельчаков, а на Лубянке — как опасных: Крапивницкий, Ситников, Немухин, Янкилевский, Зверев, Яковлев, Штейнберг, Рабин,

Кондауров, Плавинский, Краснопевцов, Калинин, Блезе, Дробицкий, Туманов и многие другие, имена которых теперь знает весь художественный мир. Они были объединены в эту «Секцию живописи» после большого скандала, известного всем как «бульдозерная выставка».

— И что же вчерашний журналист из газеты ЦК КПСС делал среди этих «подозрительных» личностей?

— Журналист не был вчерашним, а вполне действующим: я же освещала нашу бурную деятельность в печати, что оставалось моей прямой профессиональной обязанностью.

И, кроме того, отвечала за организацию выставок, и еще, как художник и гражданин, разделяя взгляды своих друзей-диссидентов, как могла, помогала им продвигать их творчество в стране и продавать их картины за рубеж. К тому же после работы в газете да и в Салоне по экспорту живописи я была знающим делопроизводителем. Мои друзья-художники всегда избегали «бумажек», бюрократии, а без них никак нельзя, даже в искусстве, увы. Вот, кстати, эти же навыки сейчас очень выручают меня в Америке и в бизнесе, и не только меня, но и все тех же художников, находящихся теперь здесь. К тому же приходилось пробивать материалы в печать, используя дружбу с коллегами, и постоянно отстаивать право художников заниматься творчеством — то есть неофициальным искусством, а не соцреализмом. А главное, доказывать, что мои друзья не шизофреники-любители... Наша «скандальная» организация в моем лице имела сразу трех сотрудников за одну зарплату. К тому же я переводила с английского, и наоборот. Чаще других к нам на «островок свободы» заглядывали все-таки иностранцы. Я пропадала в Горкоме и в таких необустроенных мастерских, на чердаках, в таких «подземельях», что мои домашние недоумевали и все время говорили, что я «плохо кончу»: или посадят, или псих-художник в белой горячке задушит. Еще говорили, что

не только высокие каблуки сломают, но и ногах не плохо бы подумать. Дмитрий Плавинский не даст сорвать, ка-а-кая лестница вела в его мастерскую во дворах на площади Маяковского! Зато я так гордилась тем, что я «равная среди равных», во время скоротечных, но громких выставок, когда очереди на подходе к нашему подвалу охраняла вдоль всей Малой Грузинской улицы конная милиция, люди часами стояли, прямо как в Мавзолей.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Е. МОСКОВСКОЙ

— Вы очень рано вступили в Союз художников СССР, как раз в то время, когда ушли из газеты в Горком...

— Да, это была беспрецедентная ситуация: выставляться параллельно в официальном Манеже, на «молодежках» и в скандальных выставках одновременно, будучи членом Горкома. Но эта совместимость несовместимого сопровождает меня всю жизнь во всех аспектах, я привыкла и знаю наверняка, что реальная жизнь фантастичнее любого триллера. Потому что Тот, кто ее плани-

ирует, несомненно, самый изобретательный сценарист и педагог.

– Наверное, вас на Малой Грузинской привлекало особенно то, что выставки МОСХа не вызывали и десятой доли такого интереса, как эти. В Манеже или в официальных залах на Кузнецком можно было выставлять только то, что «дозволено начальством», а у вас в подвале – что хотелось. Я уже помню это время: Брежнев старел, а на интеллигентских кухнях, наплевав на стукачей, смеялись над маразмами эпохи.

– Да, была атмосфера загнивания режима, но в ней мне легче удавалось смягчать трения между чиновниками, присланными к нам сверху руководить «взрывной» организацией, и ее свободолюби-

стики, все по верхам, а сейчас особенно...

– Вы оставались с горкомовцами до самого конца, то есть до горбачевской перестройки?

– Да нет, я ушла в структуру Министерства культуры, где при Горбачеве потеплело. Комплектовала официальные выставки-продажи за рубеж, пытаясь примирить своих коллег из МОСХа с неофициальными коллегами из Горкома. Официальные стали подражать неофициальным в темах, а умные неофициальные начали углубляться в ремесло и думать о лессировках.

– Что-то не пойму, при чем тут Министерство культуры?

– Все равно, в какой структуре, в какой клетке находишься, глав-

западные коллекционеры! В один и тот же день приходилось бывать и в богатейших мастерских на улице Горького, уставленных деликатесными закусками и марочными коньяками, и в нетопленых подвалах окраин, где часто, кроме воды и хлеба, художник днями ничего не ел. Эти собрания увозили в самые разные страны и продавали за большие деньги, шедшие в государственную казну. И если бы не вывозили, то Запад только бы слышал «Голоса», но не видел, о чем речь, и все думал, что «Мишкы в лесу» Шишкина – истинная дремучая Россия и есть. То немногое, что доставалось художникам в рублях, особенно радовало тех вторых, с окраин. Но было и среднее звено – замечательные художники, обладающие золотым ремеслом, официальные, но рядовые члены МОСХа, ЛОСХа и прочих СХ СССР, незаслуженно не интересующие ни академическое начальство, ни тем более любителей эпатажных жанров. Я считаю, что именно среднее звено художников с их эстетической вдумчивостью, неторопливостью, чувством профессионального достоинства, с тихой мудростью – истинное русло, в котором должно выращиваться изобразительное искусство в любой стране, и поэтому продвигаю его с особой любовью.

– А что было потом, после коллекций, когда все рухнуло?

– Потом? Я развелась с первым мужем, снова вышла замуж и уехала в Африку с мужем – советским дипломатом. На шесть лет.

– В Африку?! Что же вы там делали?

– Думала, читала, писала, выставки устраивала, сына растила, малярией болела, сменила стиль живописи, путешествовала, вуду изучала, по дому тосковала... Кстати, «Повесть о жизни с Алешей» я там написала. Там же встретила и «гибель Империи».

– Выходит, вы пропустили все, что в это время происходило в Москве?

– Да, в Москве... Времена менялись, это было время выбора, русский второй авангард массово подался в Париж, США, Германию, даже в Люксембург, а с моей легкой руки и в мою любимую Прагу. У кого-то получилось, у большинства – нет.

**«Как вожделенно жаждет век
напупать брешь у нас в цепочке.**

**Возьмемся за руки, друзья,
возьмемся за руки, друзья,
чтоб не пропасть поодиночке...»**

Булат Окуджава

выми членами – борцами с косностью, жлобством и соцреализмом. Нередко наши пузатые функционеры закрывались, как щитом, от возмущенных авангардистов «нежной, но железной малышкой» – так меня дразнили ребята. И все были довольны. Главное – результат. Нортон Додж, например, создал колossalную коллекцию советского авангарда в Америке, теперь здесь музей.

– Вы написали книгу воспоминаний о том времени «Повесть о жизни с Алешей Паустовским». Не собираетесь еще написать о том времени? Его уже забыли, а если и вспоминают, то так, словно все те, кто его помнит, уже умерли и нет свидетелей...

– Не собираюсь, если только обстоятельства заставят кого-то защищать. Меня давно интересуют иные темы, да и «Повесть» не мемуары, скорее, исповедь... Внимательнее нужно читать, начнете сопереживать, душа начнет трудиться, для этого и пишу. Но вы же все торопитесь, живете по диагонали... Это болезнь журнали-

ное – по возможности наполнять ее справедливостью. А в Министерстве культуры СССР нашлись умные люди, понимавшие еще до перестройки, что перестраиваться пора. Там без шума создали отдел, который занялся официальным экспортом изобразительного искусства, которым интересовался Запад. Этот дальновидный человек с 1997 года является заместителем министра культуры РФ – Павел Владьевич Хорошилов, с ним мы начали это дело. Я снова стала собирать коллекции, где опять совмещались два враждующих лагеря: в одном – академики, народные, заслуженные. В другом – очень талантливые молодые художники генеральной линии и непризнанные, запрещенные, известные и неизвестные художники андеграунда. Куда мне только не приходилось выезжать из церкви на улице Большая Полянка, где рядом с хранилищем икон расположился наш отдел, в поисках шедевров современной живописи, которыми интересовались

– Что, на ваш взгляд «из-за бугра», происходит в русском изобразительном искусстве сегодня?

– В массе – деградация, утрата критериев и качества, резкое падение профессионализма, отсутствие ярких лиц, разнужданный плагиат, безвкусица и безнаказанность тех, кто подмял под себя рынок. И жестокое нежелание замечать некоммерческих, но замечательных мастеров. Я постоянно в контакте с Москвой, с серьезными людьми, творящими искусство и пишущими о нем. И это глубоко возмущает не одну меня, но и их, мы с горечью это обсуждаем. Меня это обстоятельство заставляет негодовать не только как художника, понимающего всю сложность внутренних процессов творчества, но и как бывшего чиновника, знающего истинный уровень российского изобразительного искусства и ту административную работу, которая необходима для продвижения культуры в иностранные государства.

Первые годы жизни здесь я ездила по стране, изучая конъюнктуру. В одной из галерей Кармеля, хозяином которой оказался бывший советский спортсмен, мной овладела оторопь: на стенах висело нечто, что даже китчем нельзя назвать, потому что эта была невообразимая мазня на холстах огромных размеров, а перед ними стояла юная дива, завлекая трех пожилых американцев голыми ногами и грудями, а не «искусствоведческими» комментариями, и, хлопая приkleенными ресницами, объясняла им, что это один из самых-самых лучших и известных образцов современной живописи новой России. Они ели это половниками и расспрашивали ее о подробностях... При всем этом автор кошмаров на погонных метрах «картин», судя по всему, никогда в Россию не въезжал.

В других городах встречались «нерусские» галереи, американские хозяйки которых повадились летать за товаром, как членки за тряпками в Турцию, на тротуары Арбата, Крестовскую, Невского и в малые провинции, мешками сгребая по \$50–100 за штуку картинки студентов и любителей и продавая в Америке за тысячи, тоже рассказывая

клиентам, что ЭТО лучшие образчики русского арта.

В серьезных же галереях Нью-Йорка, Сан-Франциско, Лос-Анджелеса хозяева подписывают контракт с художником, невзирая на его образование и любые регалии, полученные на родине: «Здесь вы все равны, вас все равно никто не знает и без нас не узнают, поэтому так: 70% – нам, 30% – тебе, но еще 10% из твоих нужно взять на угощение и прочие «мелочи», а деньги отдадим через четыре месяца. Не хочешь, не надо, вас тут много...»

– Вас это удивило?

– Нет, конечно, время такое наступило на планете, и ни для кого уже не секрет, что у большинства людей вместо Веры, Любви, Со-

четвертый – вообще хиропрактик, пятая – скучает за спиной богатого американского мужа... И большинство этих великих специалистов современного изобразительного искусства из таких глухих деревень, что и на карте-то Российской не найдешь. В лучшем случае – ваши коллеги из Питера или Риги, господин журналист, правда, неудавшиеся, но они хотя бы Моне не величают Монетом, а Дюрера – Дурэром, – и на том спасибо. Удручающая картина, но повсеместная... Может, только в Африке еще пока не так?

– Я, как человек, знающий и любящий Африку, скажу вам, что там до сих пор художник – это кудесник! Да и отношение на том континенте к нему остается как к юродивому, то

Все дело в настроении
и в идее, которой хочешь поделиться.
Под них подбирается форма.
О чем-то доходчивее сообщить словом,
что-то подвластно только цвету.

вести и обычного чувства чести мерцает всего лишь зеленый огонек доллара, и под этим манящим блеском распухает Гордыня – мать всех грехов: жестокости, алчности, беспринципности. И то, что в последние два-три года на Sotheby's и Christie's так взлетели цены на нашу живопись и графику, порождает ложное ощущение, что на про даже картин разбогатеть легче, чем в любой другой области. А число желающих этим заняться, совершенно не понимая, во что они суют свои носы, растет. Куда ни плюнь – везде арт-дилеры, везде «суперискусство-веды», прикрыв глаза, они полушепотом рассуждают о промахах или удачах Купера, Шемякина, Кабакова, Рабина, при этом называя их Илюша, Шемяка, будто купались с этими знаменитостями в одной детской ванночке. Наведешь справки об этих специалистах contemporaguy art, их background, и выясняется: одна – детский психолог, но даже без диплома, другой – химик, третья – учительница английского в младших классах в Урюпинске,

есть к личности, которая напрямую общается с миром, невидимым простым смертному.

– Согласна. К тому же в Африке у людей совсем другие запросы и другие ценности жизни... Технический прогресс хоть и свернулся там людей с прямого пути в небеса, но они правильной дорогой идут. Про кудесников это вы хорошо заметили. Я провела несколько лет там, и не только за оградой колониальной виллы, но и в путешествиях: в поселениях, в гуще жителей Западной Африки... но это, знаете, еще на три интервью.

– Да, вернемся в Штаты.

– Посмотрев на то, что происходит вокруг русского искусства здесь, я стала задумываться над тем, в силах ли мы, люди создающие, а не торгующие искусством, прекратить эту вакханалию. И задалась извечными русскими вопросами «что делать?» и «если не ты, то кто?». А главное, что эти же вопросы мне задавали коллеги и здесь, и в Москве. Все чаще вспоминался гимн Горкома, который пели, открывая каждую вы-

ставку: «Как вожделенно жаждет век нашупать брешь у нас в цепочке. Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...»

И тогда у меня родилась идея: почему бы не собрать вместе замечательных мастеров из России, не попавших в обойму модных и коммерческих, и тех русских художников, которые здесь и в Европе не сумели справиться «со звериным оскалом капитализма». Это не дело художника – себя продавать, он не может и не должен этим заниматься и пропадать в Городе Желтого Дьявола. Почему эти удивительные существа-коммуникаторы между душами и мирами должны пропасть поодиночке в толпе бойких и бес-

комить с нашей страной, а не «создавать позитивный имидж России», как теперь принято?

– Лучше бы они создавали позитивный имидж. А они занимаются тем же, что и крохотные галереи: наберут пошлятины уровня ковриков с лебедями на рынке у своих же подружек или у своих же парapsихологинь, которых «осенило» искусство и они взялись пальцами размазывать краску по бумаге, закрыв глаза, присовокупят к «экспозиции» икру, водку, балалайки – вот вам лицо современного искусства России. Ужас в их равнодушии и дикой дремучести, которые они не желают хотя бы чуть-чуть разбавить самообразованием. Когда работала цензура Министерства культуры, результат был

с богатым прошлым и огромным потенциалом в будущем.

Получается, сама того не понимая, я всю жизнь к этому шла. Наш Союз должен стать тем узнаваемым местом, куда смогут обратиться с любыми вопросами и получить профессиональную консультацию, оценку у лучших экспертов и искусствоведов сегодняшней России, с которыми я сотрудничаю. Чтобы каждый профессиональный художник русской школы живописи, а не наглая домохозяйка с кисточками, мог через участие в наших выставках, аукционах, фестивалях, лотереях почувствовать себя защищенным финансово и юридически. Чтобы не художники, а наши специалисты профессионально вели переговоры с галеристами, а галереи с нашей помощью могли бы получать не самодеятельных «тротуарщиков», а серьезных профессионалов. А уж если нам помогут другие российские организации, а особенно посольство РФ, которое обязано думать о престиже родного государства... то сами понимаете, ЧТО из этого может получиться... Но единомышленников и энтузиастов найти трудно, вот бешеных завистников уже целая корзина.

– Так что же, возьмемся за руки, друзья? Я согласен... Я вижу, вы пишете много статей о проблемах художников, их месте в мироздании... А художественную прозу пишете? А картины? Будут ли персональные выставки?

– Работа с некоторыми художниками – вещь трудная, часто она похожа на работу психоаналитика: необходимо вникнуть в мир каждого, поддержать. Это сложный комплекс проблем – работа нон-стоп. Поэтому пишу по ночам, когда тихо и на душе относительный покой, в другом состоянии делать этого нельзя, мы ответственны за то, что материализуем на холстах. Молюсь и пишу. Выставка будет вместе с презентацией альбома репродукций моих работ со стихами поэтов к ним и фотографиями.

Прозу пишу, но главное сейчас – закончить книгу-свидетельство «Чудеса моей жизни», а времени, как всегда, на главное не хватает. ●

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА Е. МОСКОВСКОЙ

Представление
о прошлом. Москва,
Патриаршие пруды.
1977 (холст, масло)

совестных торгаши с арт-маркета? Пусть лучше пропадут эти торгаши. В идеале каждому кудеснику нужен свой арт-дилер, с уважением и пониманием относящийся к автору, грамотный, умеющий оценить все достоинства и недостатки живописи, ведь арт-дилер – это не торговка сувенирами на улице, это человек вдумчивый, анализирующий, у него свой талант, и он обязан быть профессионалом, но это мечта несбыточная. Значит, решение вопроса напрашивается само собой: должна существовать организация, которая объединит художников и по возможности решит их проблемы.

– Что показывают «русские» в Америке? И чем занимаются у вас те, кто по статусу и должности должен зна-

лучше. Никогда не думала, что доживу до того, чтобы мечтать о цензуре, с которой всю жизнь боролась.

– Скажите, а зачем вам все это нужно? С вашим опытом арт-дилерства и знакомствами вы могли бы преуспеть в США гораздо больше других....

– Да потому что не интересуют меня финансы, как никогда не интересовали. Я борюсь за Гармонию, а не за преуспеяние, за справедливость и за то, чтобы увидели, ахнули, преклонились и сказали друг другу: «Куда нам-то до русских!» И живопись – это как раз та стезя, где такое очень возможно. Оказывается, я – патрист, потому что всегда чувствовала, а потом отчетливо понимала, что Россия – это не вчерашняя, не сегодняшняя и не завтрашняя власть, это Великая Планетарная Душа и нация

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПОДПИСКА

**Вы можете подписаться на журнал
«Русский мир.ru»
во всех почтовых отделениях России
по каталогам:**

**«Газеты. Журналы»
Подписной индекс – 48664**

**«Объединенный каталог.
Прессы России. Газеты и журналы»
Подписной индекс – 43310**

**А также на доставку журнала в любую страну
мира по электронному каталогу агентства
«МК-ПЕРИОДИКА»
www.periodicals.ru**